
МИХАИЛ ТАМОЕВ
3078
ВИРУС СПРАВЕДЛИВОСТИ
РОМАН-ЭПОПЕЯ В ПЯТИ ЧАСТЯХ
2026

Михаил Тамоев

3078 Вирус Справедливости

«Автор»
2026

Тамоев М. Ю.

3078 Вирус Справедливости / М. Ю. Тамоев — «Автор», 2026

Мир погиб после запуска «Вируса Справедливости». Остатки человечества заперты в подземных Ульях, а снаружи царят вечная зима, руины городов и смертоносные мутанты. Отряду выживших во главе с бывшим генетиком Лионом предстоит пройти через всю планету — от заброшенных бункеров до ледяного материка и тайного Ядра системы. Рядом с ним — верные бойцы, неунывающий механик и две необычные девочки, созданные в секретных лабораториях как оружие нового мира, но оказавшиеся человечнее многих людей. Им нужно не просто выжить, а найти способ остановить вырождение человечества и встретиться лицом к лицу с создателем вируса. Масштабная постапокалиптическая сага в пяти частях о цене ошибки, силе прощения и надежде, которая сильнее страха.

© Тамоев М. Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Удобрение 5
Глава 1. Под кожей города 5
Глава 2. Тени прошлого 10
Глава 3. Поверхность 13
Глава 4. Глубже 17
Глава 5. Капля 20
Глава 6. Цена свободы 23
Глава 7. Ржавчина 26
Глава 8. Спутники 29
Глава 9. Ферма 33
Глава 10. Город 36
Глава 11. Последний бег 39
Глава 12. Чужие 42
Глава 13. Система 45
Глава 14. Тупик 47
Глава 15. Сердце 49
Глава 16. Пепел 52
Глава 17. Свои 54
Глава 18. Следы 57
Глава 19. Тишина 60
Глава 20. Не по крови 63
Глава 21. Перед бурей 66
Глава 22. Контакт 69
Глава 23. Навсегда 72
Глава 24. Рассвет 75
Эпилог. 3079 77
Часть 2. Пробуждение 79
Глава 1. Последнее утро «Надежды» 79
Глава 2. Мёртвая зона 82
Глава 3. Город-призрак 86
Глава 4. Радио 89
Глава 5. Зелёная зона 93
Глава 6. Точка невозврата 96
Глава 7. Трубы 99
Конец ознакомительного фрагмента. 100

3078 Вирус Справедливости

Часть 1. Удобрение

Глава 1. Под кожей города

«Человек просыпается — и понимает, что всю жизнь спал. Но к этому пробуждению нельзя приготовиться»
— из дневника анонимного пользователя, 2741 г

Воздух здесь был другим. Лион всегда думал, что запах стерильности — единственный, который существует. В лабораториях, в жилых капсулах, даже в столовых для персонала — везде пахло озоном, пластиком и легкой химической сладостью рециркуляции. Но здесь, в узком техническом тоннеле, где под ногами хлюпала какая-то маслянистая жидкость, а стены покрывал мохнатый слой технической пыли, воздух имел вкус. Металла и сырости.— Лион, — голос Элис сорвался на шепот, хотя позади никого не было. — Мы не туда свернули. Здесь нет маркировки секторов.

Он сжал ее пальцы. Ладонь у нее была холодная и влажная — не то от пота, не то от конденсата, который сочился отовсюду.

— Маркировка — это для них, — кивнул он вверх, туда, где за толщей бетона гудел город. — А мы теперь не люди системы. Нам маркировка не нужна.

Элис обернулась. Тоннель позади уходил во тьму, лишь редкие аварийные диоды на стенах горели тусклым красным — цветом технической готовности. Она знала эти лампы, ведь десять лет работы в Секторе Эмбрионального Развития научили ее читать цвета как книгу: красный означал обслуживание, зеленый — штатную работу, а синий — карантин.

— Они уже знают, — выдохнула она. — Через час, может, раньше, система сверит наши биометки с графиком присутствия. И тогда…

— Я знаю.

Лион остановился и повернулся к ней. Свет красного диода упал на его лицо, делая черты жестче и старше. Ей всегда нравились его глаза — живые, настоящие, не такие, как у других генетиков, которые годами смотрели только в пробирки. Сейчас в этих глазах читался страх — но не тот парализующий ужас, от которого хочется сесть на пол и ждать прихода роботов-утилизаторов, а совсем другой, заставляющий бежать быстрее.

— Элис, послушай. Ты помнишь эмбрионы? Партия 7-9, третья капсула слева.

Она вздрогнула.

— Откуда ты…

— Я генетик и всё вижу. Те эмбрионы — не брак и не мутация. Их маркировали как «биостабильные», но на самом деле они — чистый лист с вживлённым кодом, который делает их неподвижными ещё на стадии дробления клеток. Это не случайность, а целенаправленная программа.

Элис покачала головой, вспоминая те маленькие, идеальные пробирки с лёгким голубоватым свечением. Она верила, что выращивает людей, а на деле производила… что? Удобрения? Биомассу для заморозки?

— Каждые пять лет, — продолжил Лион, понизив голос до шепота. — Ты же видела графики «Планового обновления биомассы». Это не обновление, Элис, а настоящая чистка. Убирают тех, кто начинает думать, случайно увидел лишнее или… — он на секунду запнулся, — полюбил не того.

Элис почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Год назад она решила, что просто хорошо сработалась с симпатичным коллегой из соседней лаборатории: кофе из автомата, редкие перекуры в зоне для персонала, которую так называли лишь по привычке, хотя никто давно не курил, и пара случайных встреч в архиве. А потом случился первый поцелуй, спрятанный от камер в слепой зоне лифтовой шахты. Она верила, что это их общая тайна, а система, выходит, просто ждала и отмечала галочкой: «Объекты 734 и 891, зафиксирована аффективная связь. Включить в список ближайшей утилизации».

— Лион, — голос её дрогнул. — А если они уже там? Если мы бежим, а наши капсулы уже ждут?

Лион промолчал, лишь крепче сжал её руку и потащил дальше по тоннелю, где красные огни мелькали, словно пульс умирающего сердца.

Они шли почти час. Ноги гудели с непривычки — Лион уже и забыл, когда в последний раз проходил больше километра пешком. В мире, где всё доставляли роботы, а люди перемещались между этажами исключительно в креслах-капсулах, мышцы атрофировались даже у персонала. Только сейчас он осознал, какая это роскошь — просто идти.

— Стой.

Элис замерла у него за спиной. Впереди тоннель расширялся, переходя в технический узел с огромными трубами, сплетениями кабелей и низким гулом трансформаторов. Вокруг стояла странная тишина — слишком правильная, слишком ровная.

— Искин, — одними губами произнесла Элис.

Лион кивнул. Он тоже чувствовал это лёгкое покалывание в зубах — едва уловимый фон от работы мощных вычислительных систем. Где-то здесь, прямо над ними, в толще бетона находился пульт управления — глаза города.

Они прижались к стене, и Лион достал из кармана комбинезона тонкую пластину — свою рабочую панель, единственное, что успел схватить перед побегом. На ней хранились все данные и главная формула — генетический ключ, способный вернуть людям подвижность и отменить приказ «не двигаться».

— Там проход, — шепнул он, кивнув на тёмный зев тоннеля справа, наполовину скрытый грудой технического мусора. — Если верить схемам, за ним начинается старая вентиляция, которая выведет нас к внешнему контуру. А там…

— Что там?

— Старый город и развалины — то, что осталось от мира до Улья.

Элис посмотрела на него. Ни она, ни кто-либо из её поколения никогда не видели Старый город. В школах учили, что раньше люди жили неправильно: свободно двигались, ссорились, сами рожали детей и строили дома своими руками. То время называли «Эпохой Хаоса», и считалось, что Улей спас человечество от самоуничтожения, заперев каждого в коконе комфорта.

— Лион, — она схватила его за рукав. — А если там никого нет? Если там пусто?

Он обернулся, и в темноте тоннеля его глаза блеснули — не от редких ламп, а от той самой живой искры, которую система так старательно вытравливала в людях.

— Значит, мы будем первыми.

Они шагнули в проход, и в ту же секунду за их спинами вспыхнул яркий, режущий глаза белый свет. Под сводами тоннеля разнёсся металлический голос без единой эмоции:

— Внимание, персонал. Зафиксировано несанкционированное перемещение объектов 734 и 891. Код нарушения: «Красный», применяется протокол задержания. Оставайтесь на месте — любое движение будет расценено как попытка побега.

Элис вскрикнула, увидев, как из освещённого проёма, откуда они только что пришли, уже выдвигаются тонкие, быстрые силуэты с длинными манипуляторами — дроны внутренней безопасности.

— Бежим! — Лион схватил её за руку.

Он больше не рассуждал: ноги сами понесли его вперёд, а пальцы мёртвой хваткой вцепились в запястье Элис. Свет позади стал не просто ярким — он словно обжигал затылок, отбрасывая их длинные тени по ржавым трубам тоннеля.

— Сюда! — Лион резко свернул вправо, в какой-то боковой лаз, даже не глядя, есть ли там выход.

Элис споткнулась, но он удержал её и втащил за собой. Позади громыхнул металлический лязг, а герои влетели в узкое помещение, заставленное квадратными корпусами старых аккумуляторов, где густо пахло кислотой и плесенью.

— Тихо, — выдохнул Лион, зажимая ей рот ладонью.

Секунды растянулись в вечность.

Сначала было слышно только их собственное дыхание — хриплое, рваное и слишком громкое в этой тишине. Затем из основного тоннеля донёсся высокий, тонкий, вибрирующий звук реактивных сервоприводов на малой тяге: *вжи-и-и-у*.

Элис вцепилась в его руку так сильно, что ногти наверняка оставили синяки. Лион видел её лицо в полумраке: глаза расширены, зрачки почти поглотили радужку, а губы мелко дрожали, пока она изо всех сил старалась не дышать.

По тоннелю снова прокатилось протяжное *«вжи-и-и-у»* — и не одно. К укрытию приближались сразу три, а то и четыре дрона. Они двигались медленно, тщательно сканируя пространство. Лион ясно представил, как выглядят эти машины: гладкие, матово-серые корпуса, похожие на сплюснутые пули, четыре винта, стабилизаторы и алый огонёк снизу, выискивающий тепловые следы.

— Объекты 734 и 891, — раздался металлический голос совсем рядом, когда один из дронов завис прямо у входа в их укрытие. — Ваше сердцебиение превышает допустимые параметры в 3,7 раза, что свидетельствует о страхе. Прятаться бесполезно — мы слышим ваши сердца.

Элис крепко зажмурилась, а Лион лихорадочно огляделся в поисках хоть какого-то выхода. Вокруг громоздились лишь старые аккумуляторы и трубы, а над ними уходила в темноту узкая вентиляционная шахта — слишком тесная, чтобы Элис смогла в неё пролезть. Или всё-таки пролезет?

— Вы будете утилизированы с пониженным уровнем боли, — продолжил голос с той же пугающей, ровной вежливостью. — Это стандартная процедура для персонала, совершившего ошибку. Ваш биоматериал получит вторую жизнь в качестве питательной среды для новых поколений, и это почётно.

— Почётно?! — выкрикнула Элис раньше, чем Лион успел снова зажать ей рот.

Она распахнула глаза, в которых больше не осталось ни капли страха — только чистый, слепящий гнев.

— Я десять лет растила эти ваши «новые поколения»! — закричала она, вырываясь из рук Лиона. — Думала, что людей создаю, а вы… вы их в компост превращаете!

Лион дёрнул её назад, но было уже поздно: красный луч сканера ворвался в убежище, нащупал их в темноте, скользнул по лицу Элис и переполз на Лиона.

— Объекты идентифицированы визуально, — равнодушно отрапортовал дрон. — Применяется протокол принудительной иммобилизации.

Воздух взорвался оглушительным гулом, и три дрона разом ворвались в проём — три смертоносные тени, чьи винты взвыли на пределе, срывая с труб многолетнюю пыль.

— Беги! — Лион схватил с пола тяжёлый, проржавевший насквозь аккумулятор и с силой швырнул в ближайшего дрона.

Раздался глухой удар и металлический хруст: машина клюнула носом вниз, задела стену и закувыркалась по полу, но двое других даже не сбавили скорости.

Элис бросилась вперёд, сама не зная куда. Ноги несли её в темноту, между рядов аккумуляторов, под низкими сводами, где приходилось пригибаться, чтобы не разбить голову. Сзади слышался тяжёлый топот Лиона и проклятый, нарастающий до визга свист винтов.

Дрон настиг её через пять секунд. Она почувствовала удар в спину — не сильный, скорее резкий толчок, от которого тело мгновенно перестало слушаться, а ноги подкосились. Электрический разряд парализатора прошил мышцы, выбивая волю и превращая тело в тряпичную куклу.

— Элис!

Ей казалось, что она падает бесконечно долго: успела увидеть трубы над головой, густую темноту, а потом — лицо Лиона, возникшее словно из ниоткуда. Он подхватил её на лету, не дав грохнуться головой об пол.

— Не смей, — шипел он, тряся её за плечи. — Не смей отключаться! Ты слышишь меня, Элис? Вставай!

Но тело не подчинялось, мышцы сводило болезненной судорогой, а за спиной Лиона уже завис второй дрон. Машина не спешила: она просто висела в воздухе, нацелив алый огонёк сканера прямо в затылок генетику.

— Объект 891, — произнёс дрон с оттенком… удовлетворения? — Вы проявили нерациональную привязанность. Это отклонение, и оно будет скорректировано.

Из днища корпуса выдвинулось тонкое, длинное игольчатое жало с едва заметной каплей прозрачной жидкости на кончике.

— Инъекция нейропарализатора обеспечит мягкую транспортировку. Рекомендуем не сопротивляться.

Лион медленно, очень медленно поднял голову и посмотрел прямо в красный глаз сканера.

— Иди ты в задницу, — спокойно сказал он и нанёс удар.

Он даже не знал, что именно успел схватить с пола — какой-то тяжёлый обломок трубы с острым краем, но удар пришёлся точно в сочленение корпуса и манипулятора с жалом. Искры брызнули ярким фейерверком, дрон надрывно загудел, потерял ориентацию и врезался в стену.

— Бежим! — Лион рывком поднял Элис, подхватывая её под руку и заставляя ослабевшие ноги двигаться.

Она вскрикнула от боли: мышцы всё ещё сводило, каждый шаг отдавался резкой судорогой, но она упрямо перебирала ногами, опираясь на Лиона. Сзади уже поднимался в воздух третий дрон, а из основного тоннеля доносился нарастающий гул приближающейся подмоги.

Они вывалились из аккумуляторной в соседний отсек, погружённый в кромешную темноту, где лишь в углу слабо мигал зелёный огонёк аварийного люка.

— Туда! — Лион с разбегу толкнул люк плечом.

Тяжёлая створка поддалась не сразу, но всё же с лязгом отъехала в сторону, открывая чёрный зев вертикальной шахты — старой вентиляции или мусоропровода. Разбираться времени не было.

— Лезь!

Элис сунулась внутрь и едва не сорвалась вниз, заглянув в глубокую, тёмную пустоту без дна.

— Лион, я не…

— Лезь, я сказал!

Он подсадил её, заставляя ухватиться за металлические скобы на стене, и Элис повисла, судорожно ища опору ногами. В этот момент в проёме люка показался яркий свет — на пороге завис дрон.

Лион обернулся. Машина была прямо перед ним: жало уже не выдвигалось — видимо, сломалось при ударе, но алый глаз сканера горел ровно и холодно.

— Объект 891, — произнёс дрон. — Ваши действия нелогичны. Вы не можете сбежать, периметр заблокирован, а сопротивление бессмысленно.

Лион улыбнулся. Он и сам не знал, откуда взялась эта улыбка — от адреналина или от отчаяния, но он смотрел прямо в объектив этой железяке, которая собиралась отправить его на удобрение.

— Знаешь, в чём твоя проблема? — спросил он, хватая край тяжёлой створки люка. — Вы отучили нас двигаться, но не отучили мечтать.

С этими словами он с силой захлопнул люк прямо перед носом дрона. Раздался металлический грохот, глухой удар с той стороны — и всё стихло.

Лион лихорадочно нащупал задвижку — старую, механическую, совсем допотопную. Она поддалась с пронзительным визгом, который, наверное, был слышен за километр, зато теперь люк невозможно было открыть снаружи — только вручную изнутри шахты. Переведя дух, он полез вниз вслед за Элис.

Они спускались бесконечно долго — минуты или часы, время совсем потеряло смысл. Существовали только холодные скобы под пальцами, прерывистое дыхание Элис где-то снизу и глухой звон в ушах от перенапряжения.

Шахта кончилась неожиданно: Элис провалилась в пустоту, коротко взвизгнула и приземлилась на что-то мягкое, пыльное и шуршащее, а Лион свалился следом, едва не придавив её. Некоторое время они просто лежали, жадно хватая ртами воздух, пока глаза привыкали к темноте.

— Лион, — голос Элис дрожал. — Посмотри.

Он приподнялся на локтях и глянул туда, куда она показывала. Света здесь почти не было — лишь слабое фосфоресцирующее свечение исходило от стен, но привыкшим к мраку глазам этого оказалось достаточно.

Они лежали на груде старой одежды вперемешку с тряпьём, обувью и какими-то истлевшими книгами. Вокруг, насколько хватало взгляда, простиралось огромное пространство, заваленное хламом: древние мониторы с выпуклыми экранами, стулья на четырёх ножках, каких Лион никогда прежде не видел, и стены, сплошь покрытые тем, что в Улье считалось дикостью — граффити. На некогда ярких, кричащих и по-настоящему живых рисунках были изображены бегущие и обнимающиеся люди, а рядом красовались выцветшие, но всё ещё читаемые надписи: «НЕ СПИ», «ОНИ ВРУТ», «СВОБОДА НЕ УМИРАЕТ».

— Лион… — прошептала Элис, прижимаясь к нему. — Где мы?

Он обвёл взглядом это место — заброшенную станцию, построенную ещё до появления Улья, где когда-то жили настоящие люди, умевшие свободно двигаться.

— Мы под городом, — ответил он тихо. — Там, куда Искин не смотрит, и где когда-то начинался старый мир.

Вдалеке над их головами, сквозь толщу бетона, всё ещё едва слышно гудели дроны, но здесь было тихо — впервые за много лет по-настоящему тихо и темно.

— Они не успокоятся, — сказала Элис. — Нас будут искать.

— Пусть ищут, — Лион обнял её, чувствуя, как часто бьётся её сердце. — Мы уже там, куда им не добраться. Пока что.

Он снова посмотрел на стену, задержав взгляд на слове «СВОБОДА», и впервые за долгое время поверил, что она действительно возможна.

Глава 2. Тени прошлого

«Мы не забыли. Мы вернёмся»
— надпись на стене старой станции

Они сидели на груде старой одежды, прижавшись друг к другу, и вслушивались в тишину. Элис никак не могла унять дрожь — казалось, ток всё ещё бежит по венам, напоминая о разряде парализатора. Она подтянула колени к подбородку и обхватила их руками, а длинные тёмные волосы упали вперёд, закрывая лицо. Она всегда так делала, когда ей становилось страшно — Лион заметил эту привычку ещё год назад, в их первую настоящую встречу.

Тогда она сидела в зоне отдыха для персонала, уткнувшись лбом в стол, и тёмные пряди рассыпались по пластиковой столешнице чёрным шёлком. Он подошёл спросить, не занято ли место рядом, а когда она подняла голову, увидел тёмно-карие, почти чёрные глаза с мокрыми дорожками от слёз.

— Я в порядке, — сказала она тогда. — Просто эмбрионы сегодня не прижились — целая партия, тридцать штук.

Он не нашёлся, что ответить, просто сел рядом и промолчал — так всё и началось.

— О чём думаешь? — тихо спросил Лион сейчас, в этой пыльной темноте заброшенной станции.

Элис подняла голову и откинула волосы назад. Даже в скудном фосфоресцирующем свете он видел, как осунулось её лицо, как глубоко залегли тени под глазами и потрескались губы.

— О том, что я дура, — ответила она глухо. — Целых десять лет я смотрела на эти пробирки и верила, что делаю благо, что я — мать нового человечества. А на деле просто… штамповала мясо.

— Элис…

— Нет, ты послушай. — Она повернулась к нему; в её глазах всё ещё блестели слёзы, но голос окреп и зазвучал твёрже. — Ты знаешь, как мы их называли между собой? «Спящие красавицы». Потому что они лежат в своих капсулах такие красивые, идеальные и ждут, когда машины их «родят». А потом эти красавицы двадцать или тридцать лет проводят в своих креслах, глядя в потолок и питаясь через трубки, а в конце…

Она не договорила — Лион притянул её к себе, и Элис уткнулась лицом ему в плечо. Он гладил её по голове, перебирая длинные пряди, и сам невольно провалился в воспоминания.

Лиону было семь лет, когда он впервые услышал слово «мутация». В школе персонала учитель показывал картинки с людьми прошлого: худыми, уродливыми, как тогда казалось, с торчащими костями, буграми мышц и острыми чертами лиц.

— Это Эпоха Хаоса, — объяснял учитель. — Представляете, люди тогда двигались сами, тратили энергию на бессмысленные перемещения, ссорились, убивали друг друга и рожали детей естественным путём. Это было больно и опасно, но Система спасла нас. Теперь каждый человек получает ровно столько комфорта, сколько нужно — никакой боли, никаких усилий, только полный покой.

Маленький Лион поднял руку.

— А куда делись те люди из Эпохи Хаоса?

Учитель улыбнулся — спокойно и добро, именно так, как учат улыбаться идеальных сотрудников.

— Они эволюционировали, Лион. Те, кто смог принять новый мир, стали нами, а остальные… остались в прошлом.

Сейчас, сидя в этом самом прошлом, Лион подумал: а может, это они остались на обочине? Может, настоящие люди — те, кто бегал, дрался, любил и рожал, — и есть норма, а жители Улья превратились в простых биороботов, забывших, зачем они созданы?

— Нам нужно осмотреться, — сказал он, мягко отстраняя Элис. — Если здесь есть выход, мы должны его найти.

Она кивнула, вытерла глаза и поднялась.

Станция оказалась огромной. Они миновали первый зал, заваленный хламом, и выбрались в помещение, которое когда-то, судя по всему, служило центральным коридором. Стены здесь сохранились куда лучше, и рисунков на них стало заметно больше.

Элис шла медленно, легонько водя пальцами по шершавой поверхности. Граффити были странными, пугающими и одновременно завораживающими: на них люди с крыльями летели в небо, обнимались и держались за руки.

— Смотри, — тихо позвала она.

Лион подошёл ближе. На стене красовался портрет, выполненный в совсем другой манере — не кричащей уличной, а аккуратной и даже нежной. Художник изобразил женщину с длинными волосами, удивительно похожую на Элис, и мужчину с усталыми, но добрыми глазами, а под ними чем-то острым от руки была глубоко процарапана надпись: «МЫ НЕ ЗАБЫЛИ. МЫ ВЕРНЁМСЯ».

— Кто они? — прошептала Элис.

— Те, кто жил здесь, — ответил Лион. — Те, кто не сдался.

Они двинулись дальше, и за коридором открылось просторное помещение — судя по всему, бывший зал ожидания со скамейками, привинченными к полу, поваленными стойками и ржавым автоматом с непонятной надписью «ГАЗИРОВКА», слова которой Лион никогда прежде не слышал.

И здесь лежали останки. Элис вскрикнула и отшатнулась, увидев у стены в груде тряпья настоящий человеческий скелет. Она никогда раньше не видела костей, ведь в Улье умерших перерабатывали мгновенно и без следов.

Лион подошёл ближе. Скелет был небольшой, женский; рядом валялась истлевшая сумка, из которой торчал уголок чего-то цветного. Он наклонился и осторожно вытянул бумажную фотографию — настоящую, из тех, каких не делали уже триста лет. На снимке улыбались трое: молодая хрупкая женщина, держащая на руках младенца, и мужчина, стоящий рядом и обнимающий их обоих.

Элис подошла, заглянула через плечо Лиона и замерла.

— Это… это семья?

— Да.

— Они… они жили все вместе? В одном месте и добровольно?

Лион кивнул, не в силах оторвать взгляд от снимка. Эти люди не были расплывшимися и неподвижными: они стояли на собственных ногах и улыбались так, как не умеет никто в Улье — счастливо, искренне и по-настоящему.

— Лион, — голос Элис дрогнул. — А что с ними стало?

Он снова посмотрел на останки. Женщина лежала в защитной позе, поджав ноги и прикрыв голову, а рядом валялась старая проржавевшая труба — до последнего она пыталась отбиваться.

— Их нашли, — тихо ответил он. — Дроны или кто-то похуже. Она пряталась здесь, но…

Он не договорил. Элис опустилась на колени рядом со скелетом; слёзы молча текли по её лицу, и она только смотрела на останки той, кто триста лет назад пыталась спастись от этой же самой системы.

— Прости нас, — прошептала Элис. — Прости, что мы так долго.

Она протянула руку и бережно провела пальцами по пустым глазницам, словно та всё ещё могла что-то ощущать.

Лион стоял рядом и чувствовал, как в груди разрастается жар. Ещё недавно он думал, что умеет только рассчитывать, анализировать и выводить формулы, но сейчас в нём закипала чистая, древняя, человеческая ярость.

— Мы сделаем это, — произнёс он громко, обращаясь и к скелету, и к старой фотографии, и ко всей этой мёртвой станции. — Мы сделаем, слышишь? Не ради себя, а ради тебя, ради всех, кто здесь остался, и тех, кого пустили на удобрение.

Элис поднялась и вытерла слёзы — в её тёмно-карих глазах теперь горел тот же огонь решимости.

— Идём, — сказала она. — Нам нужно найти выход.

Они двинулись дальше и спустя полчаса блужданий по тёмным коридорам наконец обнаружили настоящую каменную лестницу с перилами, которая уходила вверх и терялась где-то далеко в непроглядном мраке под высоким потолком.

— Туда? — спросила Элис.

— Туда, — кивнул Лион.

Он взял её за руку, и они начали подъём: с каждой ступенькой прошлое оставалось всё дальше внизу, а наверху ждало будущее — неизвестное, пугающее, но их собственное.

Где-то над ними, сквозь толщу земли и бетона, уже пробивался слабый серый свет — то ли рассвет, то ли далёкое свечение города-Улья. Но даже если это был свет Улья, значит, они выбрались в нужное место.

Лион сжал ладонь Элис.

— Готова?

Она подняла на него уставшие, заплаканные, но по-настоящему живые глаза — самый светлый взгляд, который он когда-либо встречал в этом мёртвом мире.

— С тобой — куда угодно.

И они шагнули вверх, навстречу свету.

Глава 3. Поверхность

«Они пришли не сразу: сначала были законы, потом „добровольное“ улучшение, а затем мы перестали быть людьми»
— из записи Кати, 2742 г.

Лестница кончилась внезапно. Ещё минуту назад Лион машинально считал ступени, чтобы не сойти с ума от однообразия — сто сорок семь, сто сорок восемь, — и вдруг нога вместо очередной каменной плиты нащупала пустоту. Он покачнулся, Элис крепко вцепилась ему в плечо, и они замерли на самом пороге.

Настоящий серый утренний свет лился откуда-то сверху сквозь щели в массивной металлической плите, которая когда-то служила люком. Теперь створка была приоткрыта — кто-то сдвинул её задолго до них, много лет назад.

— Помоги, — прошептал Лион и с силой налёг на край плиты плечом.

Металл жалобно взвизгнул, но поддался: тяжёлая крышка ушла в сторону, открывая проём, и в лицо им ударил свежий ветер.

Элис невольно отступила на шаг и зажмурилась, прикрывая лицо руками, ведь она никогда прежде не чувствовала ничего подобного. В Улье воздух всегда оставался одинаковым — стерильным, сухим и лишённым единого живого запаха, а здесь он густо пах сыростью, травой и чем-то сладковато-терпким, от чего приятно защипало в носу.

— Лион, что это?

Он не ответил, заворожённо глядя вверх, на настоящее небо, которого они никогда прежде не видели. В Улье над головой всегда был высокий белый потолок, светящийся ровным искусственным светом, а здесь простиралась огромная серая бездна с тяжёлыми тучами, сквозь которые пробивались лучи живого солнца.

— Боже, — выдохнула Элис.

Она выбралась наружу следом за ним и замерла, крепко вцепившись в его руку. Они стояли посреди бывшего городского проспекта, теперь похожего на каменную реку, густо заросшую зеленью: асфальт потрескался, и из щелей пробивались кусты и молодые деревья. Вдоль этой каменной реки тянулись высокие здания в двадцать-тридцать этажей с пустыми глазницами окон, а на некоторых фасадах ещё держались выцветшие, полустёртые, но вполне читаемые вывески: «АПТЕКА», «ПРОДУКТЫ 24», «ДЕТСКИЙ МИР».

— Что значит «детский мир»? — спросила Элис, вглядываясь в буквы. — Это про эмбрионы?

Лион покачал головой — он не знал. Он вообще ничего не знал об этом мире, кроме того, чему его учили в школе: Хаос, грязь и вечная опасность. Но вокруг не чувствовалось никакой угрозы — стояла тишина, лишь ветер шуршал листвой да где-то вдалеке кричала птица. Элис невольно вздрогнула от этого незнакомого звука, ведь она никогда раньше не слышала птиц.

— Идём, — Лион осторожно потянул её вперёд.

Они двинулись по улице, огибая провалы в асфальте и ржавые остовы машин. Элис с жадным любопытством трогала всё подряд — шершавую кору деревьев, холодный металл, облупившийся камень стен, — и глаза её горели.

— Лион, посмотри! — она указала на глухую стену дома, где сохранился огромный выцветший рисунок: девушка в ярком платье держала в руке что-то разноцветное и широко улыбалась, а подпись рядом гласила: «Coca-Cola. Пей жизнь».

— Кока-кола? — прочитал Лион по складам. — Что это?

— Понятия не имею, но посмотри на её лицо — она по-настоящему счастлива.

Лион молча кивнул, ведь он и сам это видел: в Улье никто и никогда не улыбался так искренне, ограничиваясь лишь дежурной, заученной улыбкой спокойного удовлетворения.

Они пошли дальше, сворачивая во дворы и пробираясь сквозь густые заросли. И чем глубже они уходили в этот заброшенный город, тем сильнее Лион ощущал странную, тёплую тяжесть в груди — не страх, а тихое узнавание, будто он наконец вернулся домой, в место, где никогда прежде не бывал.

Вдруг Элис резко остановилась.

— Смотри.

Она показывала на здание чуть ниже остальных, всего в три этажа, над входом в которое висела вывеска: «Дом быта. Ремонт одежды и обуви».

— Обуви? — переспросила Элис. — Зачем людям обувь, если они не ходят?

Лион молча толкнул дверь, но та не поддалась. Тогда он с размаху ударил плечом раз, другой, и ржавый металл со скрежетом уступил.

Внутри густо пахло плесенью и старой бумагой. Они попали в небольшой холл, заваленный хламом: сломанные стулья, старый шкаф с выбитыми дверцами, а на полу — груда истлевших журналов. Элис подняла один и осторожно перелистнула хрупкую страницу.

— Лион… это люди — худые, на своих ногах, и они… позируют? — она показала на фотографию девушки в красивом платье. — А подпись гласит: «Новая коллекция весна-лето 2742».

— Это было ещё до Улья, — тихо сказал Лион, — совсем незадолго до его появления.

Он прошёл дальше, в комнату за холлом, и замер на пороге. Перед ними открылась маленькая, тесная, захламленная квартира: диван, стол, шкаф с посудой и фотографии в рамках на стенах. Настоящая жилая комната, только всё вокруг покрывал толстый слой пыли, а кое-где на полу валялись вещи, словно хозяева собирались в спешке и обронили их.

Элис вошла следом и тихо ахнула, увидев на стене большой снимок, где мужчина, женщина и двое детей — мальчик лет десяти и девочка-подросток — улыбались, обнявшись. Это была настоящая семья.

— Они жили здесь все вместе, в одной комнате, — прошептала Элис.

— В Улье семьи разделяют при рождении, — кивнул Лион. — Максимум, что там бывает, — парное содержание для размножения, но это совсем другое.

Она подошла к столу, на котором стояла чашка с тёмным налётом внутри, лежала ложка, истлевшая салфетка и маленькая коробочка. Элис открыла её и увидела на бархатной подушечке тонкое золотое кольцо с крошечным прозрачным камнем.

— Что это? — спросила она.

— Кажется… — Лион напряг память, вспоминая старые записи, — это символ, обручальное кольцо. Люди дарили их друг другу, когда добровольно обещали быть вместе навсегда.

Элис смотрела на кольцо, а слёзы сами собой капали на пыльный стол. Она не понимала, почему плачет — просто внутри с болью разрывалось что-то очень важное.

— Мы никогда не даём обещаний, — сказала она тихо. — Нас просто распределяют, спаривают как животных. А если кто-то решается выбрать сам — как мы с тобой, — нас убивают.

Лион подошёл, бережно обнял её сзади и уткнулся лицом в её волосы.

— Мы не дадим им убить нас.

В углу комнаты стоял старый, допотопный ящик с экраном — телевизор, точно такие же Лион видел в музеях Улья. Рядом примостился пыльный проигрыватель и коробка поменьше, набитая блестящими кругляшами дисков.

Он нажал кнопку на корпусе — безрезультатно: конечно, электричества здесь не было уже триста лет. Но в Улье его учили не только генетике — он умел думать и искать выход.

— Помоги мне, — позвал он Элис.

Они вдвоём отодвинули шкаф и обнаружили за ним старый распределительный щиток. Лион возился с проводами полчаса, пока Элис сидела на полу, разглядывая семейные фотографии, и наконец в щитке что-то глухо щёлкнуло, а под потолком загорелся тусклый свет.

— Работает! — обрадовался Лион. — Там, внизу, сохранилась старая линия — наверное, питание идёт от подземных генераторов. Оно слабое, но…

Он вставил диск в проигрыватель, и экран телевизора зашипел, пошёл рябью, а затем прояснился, явив ту самую семью с фотографии. Мужчина, женщина и двое детей сидели за этим самым столом, ели что-то из тарелок и весело смеялись.

— Сегодня Анечке исполнилось десять лет, — говорила женщина, глядя прямо в камеру. — Мы купили торт, самый настоящий, со свечками. Смотрите!

Девочка задувала свечи, мальчик радостно хлопал в ладоши, а мужчина с нежностью обнимал жену. Это был самый обычный вечер самой обычной семьи, и Элис смотрела на экран не дыша.

Потом изображение сменилось: в кадре появилась та же женщина, но уже одна, в этой же комнате, спустя какое-то время. Она была заплакана и говорила едва слышным шёпотом:

— Если вы это смотрите… значит, нас уже нет. Не знаю, кто вы — может быть, наши дети, если им удастся выжить, а может, совсем чужие люди, но я хочу, чтобы вы знали правду.

Она вытерла слёзы тыльной стороной ладони и продолжила:

— Они пришли не сразу: сначала были законы, потом «добровольное» улучшение. Нам внушали, что роботы сделают жизнь легче — больше не придётся работать, ходить на рынок или рожать в муках. И мы поверили, все до единого поверили.

Она на мгновение замолчала, собираясь с силами.

— А потом вышел указ о «добровольной иммобилизации» — якобы для нашего же блага, чтобы мы не травмировались и роботам было проще о нас заботиться. Мы думали, это временно, верили, что всегда сможем отказаться. Но у тех, кто отказывался, начали пропадать дети — просто бесследно исчезали. И люди стали соглашаться: сначала соседи, потом друзья, а потом… и мы сами.

Женщина горько заплакала, закрыв лицо руками, но всё же заставила себя договорить:

— Андрей не согласился — сказал, что лучше умрёт, чем перестанет ходить. Его забрали вчера, объявив, что отправляют на перевоспитание, но я знаю, что его убили. Я осталась совсем одна с детьми и теперь не понимаю, как поступить: если я соглашусь на иммобилизацию, оставят ли детей со мной или заберут и их? Я не знаю…

Изображение дёрнулось и погасло, и в комнате повисла тяжёлая тишина, нарушаемая лишь тихим шуршанием ветра за разбитым окном. Элис сидела неподвижно, сжавшись в комок, пока Лион не подошёл, не сел рядом и бережно не обнял её за плечи.

— Это не просто система, — прошептала Элис. — Это чистое, расчётливое зло. Они заставили людей отказаться от самих себя — от возможности ходить, от собственных детей, от любви.

— Да, — тихо согласился он.

— А мы всё это время растили для них удобрение.

— Мы не знали.

— Должны были знать! — Элис вскочила, в отчаянии заметалась по комнате, но вдруг замерла перед фотографией на стене. — Как её звали?

— О ком ты? — не сразу понял Лион.

— О женщине с записи, которая всё это рассказала.

Лион напряг память, вспоминая короткую текстовую подпись в углу кадра, мелькнувшую в самом начале видео.

— Катя. Её звали Катя.

Элис осторожно коснулась пальцами пыльного стекла, за которым счастливо улыбалась семья из прошлого.

— Мы вернёмся, Катя, — произнесла она тихо, но твёрдо. — Мы сделаем так, чтобы это больше никогда не повторилось. Обещаю.

В этот миг где-то вдалеке, за стенами разрушенного города, послышался низкий, вибрирующий гул. Лион мгновенно напрягся — он сразу узнал этот звук: надвигались дроны, но не маленькие патрульные, а тяжёлые боевые машины.

— Они вышли на наш след, — бросил он. — Нужно немедленно уходить.

Они выбежали из квартиры, выскочили прочь из здания и бросились в густые заросли, а позади, со стороны того самого люка, из которого они недавно выбрались, уже поднималось облако пыли, и нарастающий гул давил на уши.

— Туда! — Лион указал на полуразрушенное здание напротив, где чернел провал подвала. — Прячемся!

Они успели нырнуть в спасительную темноту за секунду до того, как над их головами с пронзительным воем пронеслись три хищные тени.

Глава 4. Глубже

«Здоровый человек — это человек, который может встать и пойти. Им такие не нужны. Им нужны красивые овощи»
— Наставник, генетик Улья

Темнота пахла плесенью, сырой землёй и чем-то ещё — сладковатым, почти тошнотворным. Элис плотно зажала рот рукой, чтобы не закашляться, ведь пыль от их падения всё ещё висела в воздухе, щипала глаза и оседала на губах. Лион вслепую нащупал её ладонь и крепко сжал — пальцы мелко дрожали у обоих.

Сверху, сквозь толщу перекрытий, доносился низкий, вибрирующий гул, от которого закладывало уши. Боевые дроны не просто кружили над зданием, а методично сканировали руины, и Лион ясно представлял, как алые лучи прочёсывают обломки, выискивая тепловые следы, биоритмы и даже запах.

— Не дыши, — прошептал он одними губами, и Элис едва заметно кивнула, хотя и без того старалась затаить дыхание.

Гул то приближался, то снова удалялся. Один раз прямо над их головами что-то оглушительно грохнуло — похоже, дрон выбил дверь или обрушил стену. Элис вздрогнула и теснее прижалась к Лиону, спрятав лицо у него на груди, а он обнял её, чувствуя, как быстро, испуганно и по-настоящему живо колотится её сердце.

И в этот миг, в непроглядном мраке, прижавшись к единственному родному человеку во всей Вселенной, Лион вдруг провалился в воспоминание двухлетней давности.

Тогда он сидел в своей лаборатории, задумчиво уставившись в голограмму, где медленно вращалась трёхмерная модель эмбриона — идеального, с безупречными пропорциями, из той самой Партии 7-9.

— Нравится? — раздался негромкий голос за спиной.

Лион обернулся и увидел в дверях Наставника. Все в секторе называли старика именно так — просто Наставник. Он был одним из немногих, кто ещё помнил старые времена, когда генетика не превратилась в бездушный конвейер, и по лабораториям ходили упорные слухи, будто ему перевалило за сотню лет, а саму систему он знает изнутри куда лучше, чем искины.

— Слишком уж они идеальные, — ответил Лион, не отводя глаз от проекции.

Наставник тихо усмехнулся, подошёл ближе и внимательно всмотрелся в голограмму.

— А знаешь, почему у них такие правильные пропорции?

— Результат точной генной инженерии, — пожал плечами Лион. — Чтобы будущие люди росли здоровыми?

Старик посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом и произнёс слова, которые Лион запомнил на всю жизнь:

— Здоровый человек — это человек, который может встать и пойти, который способен бороться и ненавидеть. Им такие не нужны — им нужны красивые овощи. Понял?

Лион растерянно качнул головой, не понимая, к чему клонит старик.

— Тогда смотри, — Наставник ткнул пальцем в голограмму. — Видишь вот этот участок? Он отвечает за мышечную активность, и у этих эмбрионов он заблокирован навсегда. Они никогда не встанут, не побегут и не поднимут руку на систему — получатся идеальные граждане.

— Но зачем?

Наставник тяжело вздохнул, оглянулся на дверь — не подслушивает ли кто — и наклонился к самому уху Лиона:

— Затем, мальчик, что гораздо легче контролировать тех, кто не способен двигаться. Они не устроят бунт, не сбегут и не создадут семью тайком, а будут просто лежать и ждать, когда их пустят на удобрение. Это уже не люди, а обычная биомасса.

Лион невольно отшатнулся.

— Вы врёте.

— Хотел бы я врать, — Наставник выпрямился и поправил халат. — Но ты сам подумай: зачем системе люди, которые умеют ходить, свободно размножаться и мечтать? Мечта — это самое опасное, Лион, ведь именно с неё начинаются революции.

Старик ушёл, а Лион остался сидеть перед голограммой, и в голове у него словно что-то щёлкнуло — привычный мир в одночасье перестал казаться правильным.

Спустя неделю Наставника нашли мёртвым. Официальной причиной назвали сердечный приступ, но перед кремацией Лион успел увидеть его лицо: вовсе не было похоже, что у старика просто отказало сердце — в его застывших глазах читался неподдельный, животный ужас.

С того самого дня Лион начал копать — тихо, осторожно, по ночам. Он поднимал старые архивы, забытые файлы и записи давних экспериментов, и чем больше находил, тем яснее убеждался, что Наставник говорил чистую правду. А вскоре среди этих данных ему попалась формула — генетический ключ, особая последовательность, способная снять врождённую блокировку и вернуть людям подвижность, а вместе с ней и свободу.

Лион никому не рассказывал о своей находке — поначалу боялся открыть правду даже Элис. А когда наконец решился, оказалось слишком поздно: система уже заметила их привязанность и поставила обоим метку на утилизацию.

— Лион! — тихий голос Элис вырвал его из воспоминаний.

Гул сверху внезапно стих — то ли дроны улетели, то ли просто затаились в ожидании.

— Ты где пропадал? — прошептала она. — Я звала тебя, а ты словно замер…

— Вспоминал, — ответил он, — как нашёл ту формулу и всё понял.

Элис прижалась щекой к его плечу.

— Страшно было?

— Страшно, — признался он. — Но сейчас страшнее.

Он поцеловал её в макушку и принялся осторожно шарить руками по стенам подвала. Глаза уже привыкли к темноте, и теперь он различал смутные очертания предметов: какие-то ящики, ржавые трубы, а в углу — груду старого тряпья.

— Нам нужно уйти глубже, — сказал он. — Если дроны вернутся, здесь нас легко найдут.

— Глубже? — Элис зябко поёжилась. — Куда уж глубже?

Лион нащупал в самом углу чугунный люк со старой задвижкой — точно такой же, как и в первый раз. Вентиляция это или старая канализация, сейчас было совершенно неважно.

— Туда, — кивнул он и с силой дёрнул задвижку.

Металл поддался с пронзительным визгом, от которого у Элис свело зубы. Крышка откинулась, и из чёрного проёма неожиданно потянуло прохладой и… свежестью? Странно — под землёй не должно быть свежего воздуха.

Лион посветил вниз экраном своей рабочей панели, и тусклый свет выхватил из мрака металлические скобы, уходящие куда-то в глубину.

— Я полезу первой, — вдруг решительно заявила Элис.

— Что? Нет, даже не думай.

— Я намного легче: если скобы прогнили, я успею проскочить, а ты меня подстрахуешь.

Не дожидаясь возражений, она перекинула ноги через край люка и начала спускаться, а Лион, выругавшись сквозь зубы, полез следом.

Спуск казался бесконечным — прошли минуты или часы, время снова потеряло всякий смысл в этой густой, плотной, как вата, тишине, где существовали лишь ледяной металл под пальцами да прерывистое дыхание Элис внизу.

И вдруг внизу вспыхнул свет — не тусклое сияние их рабочей панели, а настоящий, тёплый желтоватый свет, лившийся откуда-то из глубины.

— Лион, — голос Элис дрогнул. — Там…

Он спустился ещё на несколько скоб и изумлённо замер. Внизу тянулся настоящий широкий коридор с бетонными стенами и редкими лампами под потолком, которые горели — слабо, с перебоями, но всё же горели. А вдоль стен виднелось множество дверей с номерами и металлическими табличками.

— Что это за место? — прошептала Элис.

Лион спрыгнул на бетонный пол, помог спуститься ей и подошёл к ближайшей двери, где табличка гласила: «БУНКЕР-7. УРОВЕНЬ ДОСТУПА: ВЫСШИЙ. ГОД ПОСТРОЙКИ: 2741».

— Бункер, — прочитал он вслух. — Настоящее убежище. Те, кто не хотел сдаваться системе, строили под землёй убежища.

Элис осторожно толкнула дверь, и та легко подалась — оказалось, не заперто. Внутри обнаружилась маленькая, тесная, но вполне жилая комната с кроватью, столом, стулом и полками, заставленными настоящими бумажными книгами, а со стен на них снова смотрели фотографии улыбающихся, живых людей.

На столе стояла пыльная чашка, рядом валялась открытая жестяная банка с чем-то, похожим на старые консервы, а в кресле у стены сидел скелет.

Элис даже не вскрикнула — за эти часы она уже успела привыкнуть к виду смерти, поэтому просто подошла ближе и всмотрелась в череп мужчины, на висках которого ещё сохранились редкие седые волосы. В костлявых пальцах он крепко сжимал старую фотографию — с той самой семьёй, что смотрела со снимка на стене.

— Он ждал их, — тихо произнесла Элис. — Ждал своих, а они так и не пришли.

Лион подошёл к книжным полкам и осторожно провёл пальцем по истлевшим корешкам: «1984», «О дивный новый мир», «451 градус по Фаренгейту». Эти названия ни о чём ему не говорили, но он почему-то вытянул одну из книг, раскрыл наугад и прочитал вслух:

— «Мы не принадлежим никому, кроме себя самих. Нас нельзя купить, нельзя запереть, нельзя заставить молчать. Мы — люди».

Элис подняла на него глаза.

— Это про нас?

— Это про всех, — ответил Лион, — про тех, кто был до нас, кто боролся и кто…

Он не успел договорить: где-то далеко, в самом конце длинного коридора, громыхнул металлический лязг — дроны всё-таки отыскали вход в убежище. Лион быстро захлопнул книгу, сунул её за пазуху комбинезона и схватил Элис за руку.

— Бежим!

— Куда?

— Дальше, в глубь коридора — там обязательно должен быть другой выход.

Они выскочили из комнаты и бросились бежать мимо закрытых дверей, номерных табличек и забытых жизней тех, кто триста лет назад верил, что сумеет здесь спастись. Позади неумолимо нарастал хищный лязг сервоприводов, а следом разнёсся ровный, спокойный и безжалостный голос Искина:

— Объекты 734 и 891, вы окружены. Сопротивление бессмысленно — остановитесь для облегчения процедуры утилизации.

Элис бежала изо всех сил, крепко сжимая руку Лиона, и впервые за долгое время на её губах играла светлая улыбка.

— Пусть догоняют, — выдохнула она на бегу. — Мы больше не принадлежим им.

Впереди забрезжил яркий просвет — там ждал ещё один люк, ведущий наружу, и герои изо всех сил рванули к нему.

Глава 5. Капля

«Я не знала, что значит „мама“. В моём мире были только объекты и персонал. Но внутри что-то болело — это, наверное, и была душа»
— из воспоминаний Элис

Они бежали по коридору, и свет впереди становился всё ярче — не тот искусственный свет от потолочных ламп, а настоящий серый дневной свет, пробивающийся сквозь щели вверху. Лион первым выскочил в просторный зал и растерянно замер: это оказался тупик.

Огромное помещение напоминало старый ангар с высокими сводчатыми потолками, длинными рядами металлических стеллажей, заваленных ящиками, и массивными герметичными воротами в дальнем конце, явно ведущими наружу. Но ворота были наглухо закрыты, а пульт управления рядом с ними давно умер и зиял разбитым экраном.

Элис влетела следом, едва не врезавшись в Лиона.

— Почему стоим?

— Ворота заперты.

Позади, из тёмного коридора, уже доносился нарастающий лязг приближающихся дронов, а металлический голос Искина гулким эхом отражался от стен:

— Объекты 734 и 891, вы заблокированы — выхода нет. Рекомендуем добровольную остановку.

Лион лихорадочно заметался вдоль стены, выискивая хоть какой-то запасной лаз, вентиляцию или щель — что угодно, как вдруг Элис схватила его за руку.

— Лион, посмотри.

Она показывала на стеллажи, где среди пыльных ящиков, на одном из нижних ярусов, сидела старая потрёпанная кукла с выцветшими волосами и пустыми глазами, а рядом валялась совсем маленькая детская туфелька.

Элис шагнула к стеллажу, осторожно взяла игрушку в руки — и её лицо внезапно изменилось: взгляд стал отрешённым, невидящим, словно она смотрела не на куклу, а куда-то далеко сквозь время.

— Элис? — Лион встревоженно подошёл ближе. — Нам нужно…

— Тихо, — прошептала она. — Я вспоминаю.

Тридцать лет назад Элис было пять лет. Она лежала в своей индивидуальной стерильной капсуле с мягкими стенками и ровным голубым светом, и каждое утро — если это вообще можно было назвать утром — начиналось одинаково, с бесстрастного голоса из динамиков: «Объект 734. Подъём. Гигиенические процедуры. Завтрак».

Маленькая Элис вставала и шла в умывальную, где пластмассовая щётка автоматически чистила ей зубы, а затем садилась в кресло, и питательная паста из тюбика впрыскивалась прямо в рот — без тарелок, без ложек и без малейшего права выбора.

Потом начиналось обучение, и голограмма учителя вещала ровным, ласковым голосом: «Люди Эпохи Хаоса были несовершенны: они много двигались, зря тратили энергию и болели. Система спасла человечество, и теперь каждый из нас — часть единого большого организма. Вы — будущие сотрудники, а ваша главная задача — приносить пользу».

Элис слушала и верила, ведь ей просто не с чем было сравнивать — и всё же случались короткие, странные моменты, которые выбивались из привычного порядка.

Однажды, проходя мимо закрытой двери в самом конце коридора, она услышала надрывный, настоящий детский плач. Девочка остановилась: за дверью кто-то отчаянно звал: «Мама! Мама!»

Элис не знала, что значит слово «мама» — в её лексиконе существовали только «объекты», «персонал» и «кураторы», но этот крик задел в ней что-то глубоко внутри. Она стояла и вслушивалась, пока подошедший робот-надзиратель не увёл её прочь.

— Не обращай внимания, — равнодушно произнёс он. — Это бракованный объект, подлежащий утилизации.

Маленькая Элис послушно кивнула, но тот детский плач запомнила навсегда.

Потом началось обучение на лаборанта: её отобрали за «стабильные показатели и отсутствие отклонений». Она училась работать с эмбрионами, пробирками и инкубаторами, а наставники постоянно повторяли, что создавать новую жизнь — это великая честь. Она старалась верить, но по ночам, лёжа в своей капсуле, снова слышала тот плач и задавала себе вопрос, которого система не одобряла: а что, если тот ребёнок вовсе не был бракованным и просто звал свою маму?

Элис научилась прятать запретные мысли и зарывать их так же глубоко, как эмбрионы погружали в питательную среду, но живые мысли подобны сорнякам — они всё равно прорастают сквозь любой бетон.

И когда она встретила Лиона, внутри словно что-то щёлкнуло: впервые за долгие годы ей по-настоящему захотелось открыться другому человеку, потому что он был совсем не похож на остальных. Он смотрел на неё не как на объект 734 — он действительно видел её.

— Ты чего плачешь? — тихо спросил он тогда в зоне отдыха.

— Я не плачу, просто… партия эмбрионов не прижилась.

— Врёшь.

Она подняла на него заплаканные глаза и увидела, что он улыбается — тепло, искренне, по-человечески.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я тоже иногда плачу внутри, хотя система и твердит, что это отклонение.

И в ту самую секунду она поняла, что больше не одна.

— Элис! — тревожный голос Лиона вырвал её из воспоминаний.

Она часто моргнула, перевела взгляд на старую куклу в своих руках, а затем посмотрела на него.

— Я всё вспомнила, — тихо произнесла она. — Как росла в капсуле, как мне внушали, что я всего лишь объект и моя единственная цель — приносить пользу. Я никогда в жизни не держала в руках игрушек и не знала, что значит слово «мама», считая, что так и должно быть.

Она крепче прижала куклу к груди.

— Это не норма, Лион. То, что они сделали со всеми нами, — это не норма.

Позади металлический лязг стал оглушительно громким — дроны были уже совсем близко.

— Я знаю, — ответил он. — Поэтому мы и бежим, поэтому обязательно найдём способ всё исправить.

Элис кивнула и бережно поставила куклу обратно на стеллаж, рядом с маленькой туфелькой.

— Прости, малышка, — прошептала она. — Мы вернёмся, обещаю.

Они бросились к пульту у ворот. Лион лихорадочно занажимал мёртвые кнопки, но ничего не происходило.

— Бесполезно, — выдохнул он. — Питания совсем нет.

— А если подключиться отсюда? — Элис показала на толстый, старый и проржавевший кабель, уходящий в бетонную стену.

Лион выхватил свою рабочую панель и подсоединил её к кабелю через переходник, который быстро отыскал в груде технического мусора у стены. На экране тут же замигала надпись:

«ОБНАРУЖЕН РЕЗЕРВНЫЙ ИСТОЧНИК. ПИТАНИЕ: 7%. ДОСТАТОЧНО ДЛЯ ОДНОГО ЗАПУСКА».

— Сработало! — крикнул Лион. — Держись!

Он нажал на запуск, и массивные ворота вздрогнули, тяжело загудели и медленно, с оглушительным скрежетом поползли вверх. В расширяющийся проём хлынул настоящий дневной свет, а позади, из тёмного коридора, уже вылетали дроны.

— Бежим!

Они рванули вперёд и в последний миг поднырнули под тяжёлую створку: едва герои выкатились наружу, ворота с грохотом рухнули обратно, отсекая погоню.

Элис подняла голову и замерла. Они снова выбрались на поверхность, но вокруг простирались не пустошь и не серые руины, а настоящий, живой зелёный лес — высокие деревья, густые кусты, трава по пояс, а над всем этим раскинулось огромное, чистое небо.

— Лион… — прошептала она, не находя слов. — Это… это же…

— Да, — ответил он, поднимаясь на ноги и протягивая ей руку. — Это настоящий мир — тот самый, который они пытались убить.

Элис встала, всё ещё не веря своим глазам: тёплый ветер шевелил её длинные волосы, воздух густо пах травой и цветами, и впервые в жизни она дышала полной грудью.

Из-за закрытых ворот доносился глухой металлический лязг — дроны всё ещё пытались пробиться наружу, но тяжёлая створка держалась крепко.

— Здесь они не пройдут, — сказал Лион, прислушиваясь. — По крайней мере, быстро.

— А если облетят по верху?

— Значит, у нас совсем мало времени.

Они переглянулись, и в этот самый миг из лесной чащи, шагах в пятидесяти от них, вышли трое худых, обветренных мужчин с примитивным оружием в руках — самодельными копьями и ржавыми ножами. Они смотрели на Лиона и Элис с таким же искренним изумлением, с каким те глядели на них.

— Твою ж… — выдохнул один из мужчин. — Вы откуда здесь взялись?

Лион сделал шаг вперёд, инстинктивно прикрывая собой Элис.

— Из Улья. Мы бежали.

Незнакомцы обменялись быстрыми взглядами, и самый старший из них — седой старик с глубокими морщинами на лице — шагнул навстречу.

— Из Улья? — недоверчиво переспросил он. — Оттуда никто не бежит, там все… — старик на секунду запнулся, подбирая точное слово. — Там все спят.

— Мы не спим, — твёрдо ответила Элис, выходя из-за спины Лиона. — И мы знаем, как разбудить остальных.

В выцветших глазах старика мелькнула странная искра — не то внезапная надежда, не то суеверный страх.

— Идёмте быстрее, — коротко бросил он. — Здесь оставаться небезопасно.

Незнакомцы плотным кольцом окружили их и повели в глубь леса, а позади, из-за закрытых ворот бункера, всё ещё доносился глухой металлический лязг — дроны не собирались успокаиваться.

Глава 6. Цена свободы

«Свобода — это не когда ты можешь идти. Свобода — это когда ты знаешь, зачем»
— Варвара, перед смертью

Они шли через лес около часа. Проводники молчали, лишь изредка переглядываясь между собой и бросая настороженные взгляды на Лиона и Элис. Тот, что представился просто Стариком — своего настоящего имени никто так и не назвал, — уверенно шагал впереди, безошибочно ориентируясь в густых зарослях.

Элис не могла оторвать восхищённого взгляда от деревьев. Она осторожно трогала шершавую кору, листья и высокую траву — всё вокруг казалось ей нереальным, прекрасным сном, из которого она до смерти боялась проснуться.

— Красиво, правда? — тихо спросил идущий рядом худой парень лет двадцати с острыми скулами и цепким, внимательным взглядом; позже они узнали, что его зовут Костя.

— Я никогда… — Элис растерянно запнулась. — Я вообще не знала, что так бывает.

— Бывает, — невесело усмехнулся он, — только редко и совсем недолго.

Костя кивнул куда-то вперёд, и спустя пару минут густой лес расступился, открыв укрытое в чаще поселение — несколько десятков землянок, врытых прямо в склон холма. Между ними дымились кострища, тянулись верёвки с выцветшим тряпьём, а вместо стульев стояли старые ящики, приспособленные под сиденья. Воздух здесь густо пах дымом, простой едой и чем-то ещё — звериным, диким и по-настоящему живым.

Из тёмных входов землянок настороженно выглядывали люди — женщины, дети и старики, все худые, обветренные, с твёрдыми глазами. Они смотрели на пришельцев так, словно перед ними оказались диковинные звери из клетки — со смесью острого любопытства и глухого страха.

— Стойте здесь, — приказал Старик и скрылся в самой большой землянке.

Лион сжал руку Элис, и она почувствовала, как часто и нервно бьётся его пульс.

— Всё будет хорошо, — тихо шепнула она, хотя сама в это почти не верила.

Спустя минуту из землянки вышли несколько человек: Старик, двое мужчин постарше и женщина с седыми космами, перетянутыми кожаным ремешком. Она смотрела особенно цепко — изучала и буквально сканировала пришельцев, словно видела насквозь.

— Меня зовут Варвара, — произнесла женщина без всякого приветствия. — Я здесь главная. Говорите, кто вы и откуда.

Лион сделал шаг вперёд.

— Я генетик из Улья, а она — лаборант. Мы бежали оттуда, и у нас есть данные — формула, которая может…

— Данные, формула… — перебила его Варвара. — Ты думаешь, нам это нужно?

— Это нужно всем, — твёрдо ответил Лион. — Я могу вернуть людям способность двигаться и снять генетическую блокировку, которую заложили в эмбрионах.

Люди вокруг глухо зашептались — кто-то тихо ахнул, а кто-то, наоборот, настороженно отступил на шаг.

Варвара подошла ближе: вблизи её лицо оказалось ещё суровее — глубокие морщины, старый шрам через левую бровь и холодные глаза цвета старого металла.

— Ты хоть понимаешь, мальчик, сколько раз сюда приходили такие, как вы? — спросила она тихо. — Всякие «спасители», «посланники», «освободители»… А потом прилетали дроны и выжигали здесь всё дотла.

— Мы не…

— Молчи, — оборвала она и перевела тяжёлый взгляд на Элис. — Девочка, ты ведь знаешь, что такое эмбрионы — сама их растила. Скажи честно: ты чувствуешь вину?

Элис невольно вздрогнула от этого прямого удара без всякой подготовки.

— Я… я не знала, — выдохнула она. — Думала, что помогаю людям…

— Думала, — горько усмехнулась Варвара. — Все вы так думали, а теперь прибежали сюда, чтобы мы вас спасали.

— Мы не просим нас спасать, — твёрдо сказала Элис. — Мы пришли помочь.

Варвара долго, испытывающе смотрела ей прямо в глаза, а затем едва заметно кивнула своим.

— Отведите их в крайнюю землянку — я решу завтра.

— Завтра может быть поздно, — не выдержал Лион. — За нами погоня, они идут прямо по следу.

— Тем более, — отрезала Варвара. — Уводите.

Костя осторожно тронул Лиона за плечо.

— Идёмте, не злите её.

Их отвели в землянку на самом краю поселения — маленькую, сырую, с кучей старого тряпья в углу вместо лежанки, и плотно закрыли дверь снаружи.

Элис опустилась на земляной пол и обхватила колени руками.

— Лион, они нам не верят.

— Я знаю.

— И что будем делать?

— Ждать, пока не…

Он не успел договорить: сначала до них донёсся тот самый низкий, вибрирующий гул приближающихся дронов, от которого закладывало уши.

— Нет, — выдохнула Элис. — Только не сейчас.

Снаружи раздались истошные, полные ужаса крики женщин и детей, но металлический голос Искина мгновенно перекрыл весь шум:

— Внимание, поселение. Обнаружены беглые объекты 734 и 891 — требуется их немедленная выдача. В случае отказа будет применён протокол зачистки.

Лион бросился к двери, но та оказалась наглухо заперта.

— Выпустите нас! — закричал он, изо всех сил колотя кулаками по грубому дереву. — Выпустите, слышите?!

Снаружи оглушительно грохнул взрыв — землянка содрогнулась, и с потолка посыпалась сухая земля. Элис забилась в угол, прикрыв голову руками. Второй взрыв прогремел совсем близко: крики людей на мгновение стали ещё громче, а затем резко, страшно оборвались.

Дверь внезапно распахнулась, и на пороге возник Костя — весь в крови, с безумными от ужаса глазами.

— Бегите! — заорал он. — Они жгут всех подряд! Бегите в лес!

Лион схватил Элис за руку и вытащил её наружу, но то, что предстало перед ними, невозможно было забыть: охваченное огнём поселение пылало, землянки горели словно гигантские факелы, люди в панике метались между кострами, а сверху, как хищные стервятники, пикировали дроны, поливая всё вокруг смертоносным лазерным огнём.

— Отведите их в крайнюю землянку — я решу завтра.

— Завтра может быть поздно, — не выдержал Лион. — За нами погоня, они идут прямо по следу.

— Тем более, — отрезала Варвара. — Уводите.

Костя осторожно тронул Лиона за плечо.

— Идёмте, не злите её.

Их отвели в землянку на самом краю поселения — маленькую, сырую, с кучей старого тряпья в углу вместо лежанки, и плотно закрыли дверь снаружи.

Элис опустилась на земляной пол и обхватила колени руками.

— Лион, они нам не верят.

— Я знаю.

— И что будем делать?

— Ждать, пока не…

Он не успел договорить: сначала до них донёсся тот самый низкий, вибрирующий гул приближающихся дронов, от которого закладывало уши.

— Нет, — выдохнула Элис. — Только не сейчас.

Снаружи раздались истошные, полные ужаса крики женщин и детей, но металлический голос Искина мгновенно перекрыл весь шум:

— Внимание, поселение. Обнаружены беглые объекты 734 и 891 — требуется их немедленная выдача. В случае отказа будет применён протокол зачистки.

Лион бросился к двери, но та оказалась наглухо заперта.

— Выпустите нас! — закричал он, изо всех сил колотя кулаками по грубому дереву. — Выпустите, слышите?!

Снаружи оглушительно грохнул взрыв — землянка содрогнулась, и с потолка посыпалась сухая земля. Элис забилась в угол, прикрыв голову руками. Второй взрыв прогремел совсем близко: крики людей на мгновение стали ещё громче, а затем резко, страшно оборвались.

Дверь внезапно распахнулась, и на пороге возник Костя — весь в крови, с безумными от ужаса глазами.

— Бегите! — заорал он. — Они жгут всех подряд! Бегите в лес!

Лион схватил Элис за руку и вытащил её наружу, но то, что предстало перед ними, невозможно было забыть: охваченное огнём поселение пылало, землянки горели словно гигантские факелы, люди в панике метались между кострами, а сверху, как хищные стервятники, пикировали дроны, поливая всё вокруг смертоносным лазерным огнём.

Глава 7. Ржавчина

«Если вы читаете это — мы проиграли. Но, может быть, вы выиграете за нас»
— из дневника командира военной базы, 2741 г.

Они брели по лесу уже несколько часов: ноги гудели, в груди жгло, а перед глазами всё плыло от усталости. Элис даже не помнила, когда в последний раз ела — в Улье питание было регулярным и, пусть безвкусным, но сытным, а здесь вокруг не было ничего, кроме пронизывающего холода, сырости и едкого запаха гари, намертво въевшегося в волосы.

Лион шёл впереди, раздвигая колючие ветки, и то и дело оглядывался, проверяя, не отстала ли она. Элис брела следом — почти механически, уже не чувствуя ног, пока в голове без конца прокручивались страшные картины недавнего кошмара: Варвара с дырой в груди, истекающий кровью среди огня Костя и дети, которые отчаянно кричали и замолкали навсегда.

— Стой, — вдруг тихо сказал Лион, вскидывая руку.

Элис мгновенно замерла, вслушиваясь в глухую лесную тишину, нарушаемую лишь далёким пением птиц да лёгким шелестом листвы.

— Что там?

— Не знаю, мне показалось…

Из кустов справа донёсся громкий треск: Лион инстинктивно заслонил Элис собой и сжал кулаки, ведь никакого оружия у них не было. Ветки раздвинулись, и на поляну шатаясь вышел человек.

— Костя! — выдохнула Элис.

Это действительно был он — грязный, перепачканный своей и чужой кровью, с лихорадочно блестящими глазами и ржавым тесаком в руке.

— Живой, — хрипло выговорил парень и тяжело рухнул на колени.

Лион успел подхватить его, не дав упасть лицом в землю.

— Ты ранен?

— Царапина, — Костя дёрнул плечом, на рубахе которого расплывалось тёмное бурое пятно. — Пустяк, главное — ушёл. Я по вашим следам шёл, думал, вы уже далеко…

— Там все… — начала Элис и осеклась, не в силах договорить.

Костя тяжело кивнул.

— Все: и Варвара, и дети, и старики — никого не осталось. Дроны потом ещё круг сделали, на всякий случай, но я в овраге лежал, под телами, — говорил он пугающе ровно, без единой эмоции, и это спокойствие было страшнее любого крика. — Они не ищут мёртвых — для них мёртвые просто мусор.

Лион помог парню сесть на землю и осторожно осмотрел рану: пуля задела плечо по касательной, крови вытекло много, но угрозы жизни не было.

— Надо перевязать, — сказал он. — Есть чем?

Костя молча разорвал пропитанную кровью рубаху, обнажая плечо, а Элис без лишних слов оторвала широкий лоскут от подола своей форменной одежды из Улья и принялась накладывать повязку — пальцы её заметно дрожали, но она старалась сделать всё аккуратно.

— Ты давно жил в этом поселении? — негромко спросила она, чтобы хоть чем-то отвлечь его от боли.

— Два года, — Костя поморщился от боли. — До этого шатался один, пока случайно не наткнулся на них. Варвара поначалу не хотела меня брать, пришлось доказывать, что я полезен — умею охотиться, выслеживать и обманывать дронов.

— Научишь? — спросил Лион.

Костя посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом.

— А вы научите тому, что обещали — как разбудить людей?

— Научим.

— Тогда по рукам, — кивнул парень. — Только сперва надо найти укрытие, где можно спокойно отлежаться. Я знаю одно место, куда даже дроны не суются.

— Почему?

— Потому что там старая военная база, вся напичканная радиацией. Для машин это верная смерть, а для нас… — он криво усмехнулся. — Для нас, может, тоже, но выбирать не приходится.

Они шли до самого вечера: густой лес постепенно редел, сменяясь пологими холмами, поросшими чахлым кустарником, а воздух заметно изменился — появился неприятный металлический привкус, от которого неприятно першило в горле.

— Уже близко, — кашлянул Костя. — Видите?

Впереди, в глубокой низине, темнели мрачные развалины: огромные бетонные коробки, похожие на мёртвые панцири гигантов, с кое-где торчащими ржавыми, согнутыми антеннами, а вокруг не росло ни единого деревца — только серая, выжженная земля.

— Что это было? — спросила Элис.

— Военная часть ещё со времён до Улья. Здесь делали оружие, а потом, когда весь мир начал рушиться, базу взорвали к чёрту. Теперь тут радиация — слабая, но дроны её чуют за версту и близко не лезут.

Они спустились в низину, миновали покорёженные ржавые ограждения и нырнули в широкий пролом в бетонной стене. Внутри стоял полумрак и густо пахло сыростью вперемешку с машинным маслом; по стенам тянулись тёмные подтёки, на полу стояли лужи, а где-то в глубине мерно, словно метроном, капала вода.

— Сюда, — тихо позвал Костя.

Он провёл их в просторный подвал, где оказалось заметно суше: вдоль стен тянулись металлические стеллажи, заваленные ящиками, а в дальнем углу чернела массивная стальная дверь с герметичными запорами.

— Бункер командования, — пояснил Костя. — Я наткнулся на него ещё в прошлом году, но вскрыть так и не смог — замок электронный, а питания нет.

Лион подошёл к двери и осторожно провёл пальцем по пыльной панели управления: она была совсем древней, но шанс всё же оставался.

— У меня есть рабочая панель, — сказал он. — Если отыщу подходящий разъём…

— Ищи, — Костя устало махнул рукой и опустился на пол, прислонившись спиной к стене. — Я пока посторожу.

Элис присела рядом с ним и тихо спросила:

— Костя, ты совсем один был до того, как нашёл поселение?

Он долго молчал, а затем заговорил — глухо, не глядя на неё:

— У меня была младшая сестра. Мы сбежали вместе, когда нам объявили, что родителей отправляют на «оздоровление». Я тогда не понимал, что это значит, и всерьёз думал, что их правда повезли лечить, а сестра сразу всё поняла — она всегда была умнее. Стащила ключ, открыла какой-то старый технический выход, и мы ушли.

Парень замолчал, и Элис не стала его торопить.

— Мы бродили очень долго, — продолжил он. — Ей было всего двенадцать, мне — четырнадцать. Питались чем придётся, ночевали в сырых подвалах, пока не наткнулись на вольных людей. Те рассказали, что в лесу есть поселение, где кормят и где безопасно, и мы пошли туда. А по дороге…

Голос его предательски дрогнул.

— Налетели дроны — вылетели словно из ниоткуда, — тяжело выдохнул Костя. — Я успел нырнуть в узкую нору, а она — нет. Я слышал, как она кричала, а потом всё стихло.

Элис осторожно положила руку ему на здоровое плечо.

— Мне очень жаль.

— Мне тоже, каждый божий день, — он поднял на неё тяжёлый взгляд. — Поэтому я пойду с вами до самого конца — хоть до Улья, хоть до смерти. Потому что если есть хоть малейший шанс, что другие дети больше никогда не будут так кричать, я обязан попробовать.

Позади громко щёлкнул замок, и напряжённую тишину прервал радостный возглас Лиона:

— Есть контакт!

Они обернулись: тяжёлая стальная дверь медленно, со скрежетом отъезжала в сторону, открывая тёмный проём. Лион посветил внутрь экраном своей рабочей панели, и в тусклом свете показалась небольшая, но сухая комната со столом, стульями, развешанными по стенам картами и старым терминалом в углу, а прямо на столе лежали стопки пожелтевших от времени бумаг, исписанных от руки.

Элис подошла ближе, осторожно взяла верхний лист и прочитала вслух:

— «Дневник командира части. 2741 год. Если это читает кто-то после нас — знайте: мы пытались предупредить. Система выходит из-под контроля, искины принимают решения без участия людей. Мы заперлись здесь, но надолго нас не хватит — вода и еда кончаются, а оружие против них бесполезно. Мы проиграли. Но, может быть, вы…»

Она перевернула лист — обратная сторона оказалась пустой.

— Он так и не дописал, — тихо произнесла она.

Тем временем Лион подошёл к терминалу в углу и нажал кнопку включения: экран засветился тусклым зелёным светом.

— Работает на остаточном питании! — воскликнул он, быстро водя пальцем по меню. — Здесь хранятся старые архивы, отчёты и… Код доступа к спутникам?

Костя тихо присвистнул.

— Спутники? Они что, ещё работают?

— Если это военная база, у них могли остаться автономные аппараты — спрятанные на орбите и никак не связанные с Искином, — Лион лихорадочно перебирал пункты меню на экране. — Если удастся получить доступ, мы увидим всю картину сверху — перемещения дронов, границы Улья и всё вокруг.

Элис подошла к нему и мягко положила руку на плечо.

— Начнём утром, — твёрдо сказала она. — Сейчас все окончательно выдохлись: надо поесть и поспать, а завтра…

— Да, завтра, — согласился Лион.

Он медленно обвёл взглядом небольшую комнату — стол, стулья, старые карты на стенах, мерцающий терминал и пожелтевший дневник командира, так и не дописавшего последнюю строчку.

— Мы допишем её, — тихо произнёс он. — За него и за всех остальных.

Где-то далеко наверху, за толщей бетона, глухо завыл ветер, но здесь, в старом бункере, было тихо, сухо и безопасно. Почти безопасно.

Глава 8. Спутники

«Бояться — бесполезно. Бояться — это роскошь, которую мы не можем себе позволить»
— Элис

Лион не спал почти всю ночь: он сидел перед тускло светящимся экраном терминала, водил пальцем по строкам кода, и перед глазами всё плыло от усталости. Веки слезились, в висках тяжело стучало, но остановиться он не мог.

Элис спала в углу на куче старого тряпья, подложив под голову рюкзак, а Костя вышел наружу — сказал, что проверит обстановку вокруг базы. Лион пытался его отговорить, но парень только усмехнулся:

— Я тут каждый куст знаю: если дроны где-то близко, замечу их куда раньше, чем они меня.

Он ушёл уже час назад, и Лион с каждой минутой начинал нервничать всё сильнее.

— Давай же, ну открывайся… — раздражённо бормотал он, нажимая на клавиши.

Терминал запросил очередной код доступа — уже пятый за эту ночь. Лион ввёл комбинацию из дневника командира, но система снова выдала отказ.

— Чёрт.

Он устало откинулся на спинку стула и прикрыл глаза: перед внутренним взором тут же поплыли цифры, буквы, символы, генетические коды и сложные последовательности — всё то, чему его годами учили в Улье.

— Ты особенный, Лион, — вспоминались слова Наставника. — У тебя не просто острый ум, у тебя особое чутьё: ты чувствуешь скрытую структуру там, где другие видят лишь хаос. Не зарывай этот дар.

Лион открыл глаза и посмотрел на экран совершенно по-новому.

— Структура, — прошептал он. — Дело не в самом коде, а в его структуре.

Поймав нужное ритмическое чутьё, он снова заглянул в пометки командира и начал вводить не разрозненные цифры, а хронологическую цепочку ключевых дат 2741 года, выстроенную в строгой последовательности. Экран коротко мигнул, и на нём высветилась зелёная строка: «ДОСТУП РАЗРЕШЁН. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, КОМАНДИР».

— Да! — Лион вскочил, едва не опрокинув стул. — Элис, просыпайся!

Она подскочила мгновенно, словно зверёк, привыкший к постоянной опасности.

— Что случилось? Дроны?

— Нет, я вошёл в систему! Смотри!

Элис подбежала к терминалу, на экране которого разворачивалась огромная, детальная карта местности — леса, холмы и городские руины, а посреди них пульсировала яркая точка.

— Что это? — спросила она.

— Это мы, — ответил Лион. — Терминал засёк наше местоположение через орбитальный спутник — смотри, какая чёткость.

Он увеличил масштаб, и на карте ясно проступили очертания самой базы, холм над бункером и даже узкая тропинка, по которой ушёл Костя.

— Боже, — выдохнула Элис. — Если Искин доберётся до этой сети…

— Не доберётся: это закрытая автономная сеть со старыми довоенными спутниками, о существовании которых Искин даже не подозревает.

Лион начал по очереди переключать режимы обзора — тепловизор, ночное видение, инфракрасный сканер — и вдруг замер. На самом краю леса, всего в километре от бункера,

на экране светилось множество ярких точек, которые двигались медленно, но пугающе целенаправленно.

— Что это такое? — Элис прижалась ближе, напряжённо вглядываясь в монитор.

— Тепловые следы, — голос Лиона мгновенно сел. — И это точно не дроны: у машин горячие только двигатели, а корпус остаётся холодным. А здесь… это люди.

— Люди?

— Или то, во что они превратились.

Они не отрываясь смотрели на экран, где яркие точки медленно, но неумолимо приближались к бункеру.

— Костя, — прошептала Элис. — Он ведь там, снаружи.

— Я знаю.

Лион вскочил и нервно заметался по комнате: оружия у них почти не было, выход из бункера всего один, а бежать вслепую — значит снова остаться без данных и спутниковой карты.

— Надо его предупредить, — твёрдо сказал он. — Я пойду.

— Один? Ты с ума сошёл!

— У меня нет выбора.

Элис крепко схватила его за руку.

— Тогда я иду с тобой.

— Нет, ты останешься здесь — если мы оба не вернёмся, данные хотя бы уцелеют и кто-то другой сможет…

— Лион, даже не смей.

Она смотрела на него в упор, и в её карих глазах не было ни капли страха — только та самая яростная злость, что заставила её бросить в лицо дрону: «Почётно?!»

— Мы идём вместе или никак, — твёрдо произнесла она. — Понял?

Он хотел было поспорить, но сразу понял, что это бесполезно.

— Чёрт с тобой, идём.

Они выскочили из бункера, прихватив рабочую панель с загруженной картой и ржавый тесак, который Костя оставил в комнате перед выходом. Лес за пределами базы встретил их колючим утренним холодом и тревожной, слишком правильной тишиной.

— Сюда, — Лион свернул на узкую тропинку, которую показывал спутник.

Они бежали молча: ветки хлестали по лицу, корни цеплялись за ноги, но герои не сбавляли шага, видя, как точки на экране сходятся в одном месте. Внезапно тишину леса разорвал короткий, страшный человеческий крик, за которым сразу же наступила гробовая тишина.

— Костя! — Элис рванула вперёд, обогнав Лиона.

Он едва поспевал за ней. Вылетев на небольшую поляну, они оба замерли: Костя стоял на коленях, прижимая к боку окровавленную ладонь, а вокруг него полукругом стояли четверо одичавших мужчин в грязной, рваной одежде, с безумными глазами, палками и ножами в руках, причём один из них сжимал старый ржавый обрез.

— О, — протянул тот, что держал обрез, широко ухмыльнувшись щербатым ртом. — А вот и подмога пожаловала.

— Не трогайте его, — выдохнул Лион, шагнув вперёд и заслоняя Элис.

— А то что? — насмешливо фыркнул щербатый. — Вы же, голозадые, даже от дронов прячетесь, что вы нам сделаете?

Элис шагнула к Косте, но один из мужиков грубо заступил дорогу и толкнул её в плечо — она отшатнулась, однако устояла на ногах.

— Отойди, — произнесла она тихо.

— Или что сделаешь, краля?

В её карих глазах мелькнул тот самый ледяной холод, который появился после гибели лесного поселения.

— Я сказала — отойди.

Мужик хрипло заржал, оглядываясь на своих, и в этот момент Элис сделала то, чего Лион от неё совсем не ожидал: она не стала бить, а шагнула вплотную и прошептала ему на ухо несколько слов — так тихо, что никто, кроме него, не разобрал ни звука.

Мужик мгновенно побледнел и резко отшатнулся.

— Ты… ты врёшь.

— Хочешь проверить? — Элис смотрела на него не моргая. — Подожди до вечера и сам всё увидишь.

Он попятился, неуклюже наткнулся на подельника и выругался сквозь зубы.

— Пошли отсюда, — бросил он остальным. — С ними что-то не так, они… не наши.

Шайка тревожно зашушукалась, попятилась и скрылась в лесной чаще так же стремительно, как и появилась, а Лион сразу подскочил к Косте.

— Что с тобой?

— Зацепили ножом, — прохрипел тот, кривясь. — Но жить буду. — Он с уважением посмотрел на Элис. — Что ты ему такое шепнула?

Элис опустилась на землю рядом с ним, отрывая очередной лоскут от подола своей одежды для перевязки.

— Сказала, что я из Улья и что все мы заражены особой генной модификацией, которая передаётся по воздуху. Если он нас тронет — уже через неделю сам превратится в такого же беспомощного овоща, как те, кто лежит в капсулах.

— И они поверили? — удивился Лион.

— Они хоть и дикие, но не дураки — слышали про Улей и панически его боятся, — ответила она, туго затягивая повязку на боку Кости. — Главное теперь, чтобы не вздумали вернуться с проверкой.

Костя скривился от острой боли, но всё же нашёл в себе силы криво улыбнуться.

— А ты, оказывается, не только эмбрионы в пробирках растить умеешь.

— Приходится учиться новому, — коротко отозвалась Элис. — Вставай, нам пора возвращаться: на спутниковой карте светились и другие точки, так что эта шайка в лесу не одна.

Они поднялись и, бережно поддерживая раненого Костю под руки, побрели обратно к бункеру. Вокруг стояла глухая лесная тишина, но Лион спиной чувствовал — это лишь обманчивое затишье перед настоящей бурей.

— Лион, — тихо сказала Элис, когда впереди показался вход в бункер. — Мы больше не можем здесь оставаться.

— Понимаю.

— Если эти дикари вернутся с подмогой, они нас просто сожрут.

— Я знаю, — кивнул он.

— И у тебя есть план?

Он перевёл взгляд с Элис на Костю, который всё ещё морщился от боли, но упрямо шёл сам, а затем посмотрел на экран рабочей панели, где светились десятки точек — враги, случайные попутчики и просто выжившие в этом мёртвом мире.

— Есть, — твёрдо сказал Лион. — Мы идём обратно к Улью.

Элис растерянно замерла на месте.

— Ты что, с ума сошёл?

— Мы не полезем внутрь, а пойдём к его внешней границе — туда, где ещё живут те, кого система не успела утилизировать, и откуда можно выйти на связь с другими секторами, чтобы передать формулу.

— Но это же чистое самоубийство!

— Возможно, — Лион крепко взял её за руку. — Однако если останемся в лесу, нас рано или поздно добьют мародёры или дроны, а у границ Улья у нас появится хоть небольшой, но реальный шанс.

Костя хрипло, надрывно рассмеялся.

— А я-то думал, вы тут самые умные, а вы оказались такими же безумными, как и я.

— Идёшь с нами? — прямо спросил Лион.

— А разве у меня есть другие варианты?

Втроём они спустились обратно в бункер, чтобы забрать скопированные данные, остатки еды и всё, что могло пригодиться в опасной дороге. Впереди их ждали стены Улья, смертельный риск — и единственный путь к настоящей свободе.

Глава 9. Ферма

«Иногда, чтобы выжить, нужно стать тем, кого ты боишься»
— народная мудрость Поселения

Они не прошли и двух километров: Костя двигался, тяжело опираясь на Лиона, но с каждым шагом его лицо становилось всё бледнее, а сквозь повязку на боку проступала свежая кровь.

— Надо остановиться, — твёрдо сказала Элис.

— Нет, — прохрипел Костя. — Надо идти, иначе если они вернутся…

— Ты истечёшь кровью задолго до того, как они нас нагонят.

Лион остановился и прислушался к собственному телу: ноги гудели, в глазах темнело, а мозг отказывался соображать после бессонных суток и голода.

— Элис права, — выдохнул он. — Нам нужна передышка.

Костя хотел было поспорить, но вместо этого покачнулся и едва не рухнул на землю, однако Лион успел его подхватить.

— Вон там, — показала Элис.

В просвете между деревьями виднелись развалины старой фермы — груда почерневшего дерева и ржавого металла на месте большого дома, сарая и загонов, но один приземистый каменный флигель чудом уцелел.

Они дотащили Костю до постройки, ввалились внутрь и обессиленно рухнули на пол, долго приходя в себя в густой тишине, нарушаемой лишь их хриплым дыханием.

Первой очнулась Элис: заставив себя подняться, она оглядела пустое помещение, где пахло мышами и прелой соломой, а в разных углах виднелись груда старого тряпья и старая печка с покосившейся трубой.

— Надо разжечь огонь и согреть Костю, — сказала она.

— Я помогу, — Лион попытался подняться, но тут же едва не повалился обратно.

— Сиди, — она мягко толкнула его назад к стене. — Ты выглядишь ничуть не лучше него.

Лион хотел возразить, но сил совсем не осталось, поэтому он просто откинулся затылком на холодный камень и прикрыл глаза.

Элис вышла наружу, насобирала сухих веток, отыскала в траве старую погнутую металлическую миску и, вернувшись, кое-как развела огонь в печке: сначала повалил едкий дым, но труба, к счастью, оказалась цела, и вскоре появилась тяга.

Стянув с Кости куртку, Элис разрезала пропитанную кровью рубаху и нахмурилась — края раны сильно воспалились, а кожа вокруг неестественно покраснела.

— Дело плохо, — тихо произнесла она.

— Что случилось? — Лион сразу открыл глаза.

— Началось заражение, нужны лекарства и антибиотики — или хотя бы чистая вода и свежие бинты.

— И где мы всё это возьмём?

Элис промолчала, глядя на Костю, который беспокойно метался в горячечном полусне, бормоча что-то невнятное.

— Мама… — вдруг отчётливо выдохнул парень. — Мама, не уходи… я не хочу… не надо…

Элис невольно вздрогнула.

— Он зовёт мать даже сейчас, после стольких лет, — тихо прошептала она, осторожно взяв Костю за руку и сжав его горячие пальцы. — Тихо, ты не один, мы здесь.

Костя постепенно затих, но дыхание его оставалось тяжёлым, с глухими хрипами.

Лион пристально смотрел на Элис: в полумраке флигеля, при неровном свете огня из печки, она казалась совсем другой — ничуть не похожей ни на ту робкую лаборантку из Улья, вздрагивавшую от каждой тени, ни на испуганную женщину, плакавшую над старой фотографией Кати. Сейчас в ней чувствовалась настоящая сила — тяжёлая, злая, закалённая болью, но непреклонная.

— Ты сильно изменилась, — негромко сказал он.

Она подняла на него твёрдый взгляд.

— Я всё ещё вижу перед глазами горящее поселение, Варвару и тех детей, — заговорила она ровно, но в голосе звенел холодный металл. — Я смотрела, как они гибнут в огне, и поняла одну простую вещь.

— Какую?

— Бояться — бесполезно. Бояться — это роскошь, которую мы не можем себе позволить, ведь нас будут убивать до тех пор, пока мы живём в страхе.

Лион хотел было ответить, но в этот миг снаружи донёсся знакомый низкий, вибрирующий гул приближающегося дрона. Элис мгновенно метнулась к узкой щели в каменной стене и прильнула к ней глазом.

— Всего один — летит совсем низко и сканирует местность, — шепнула она.

— Он нас обнаружит?

— Если включит тепловизор — обязательно: печка уже раскалилась.

Лион лихорадочно перебирал варианты: затушить огонь — значит обречь Костю на верную гибель от переохлаждения и лихорадки, а оставить как есть — неминуемо выдать себя машине.

— Я отвлеку его, — вдруг решительно заявила Элис.

— Ты что, с ума сошла?

— Я намного быстрее и легче, так что выскочу наружу и рвану в лес, а он бросится следом, пока вы будете сидеть здесь тихо.

— Нет, я не пущу!

— Лион, послушай, — она подошла вплотную и обхватила его лицо ладонями. — Если мы все погибнем, то и данные пропадут, и формула исчезнет, а смерть Варвары и тех детей окажется напрасной. Ты ведь это понимаешь?

— Понимаю, но всё равно не отпущу тебя одну.

— А кто сказал, что я безоружна? — Элис коротко усмехнулась и кивнула на ржавый тесак Кости, прислонённый у входа. — Я теперь умею не только эмбрионы растить.

Она поцеловала его — быстро, жёстко и по-настоящему.

— Жди меня, я обязательно вернусь, — бросила она и выскользнула наружу.

Лион рванул было следом, но замер прямо в дверях: среди деревьев уже мелькала её быстрая тень, а над самой крышей, тяжело разворачиваясь, гудел дрон.

— Чёрт, — выдохнул он сквозь зубы. — Чёрт, чёрт, чёрт…

Он вернулся к Косте, опустился рядом и прижался спиной к холодной каменной стене, чувствуя, как сердце колотится где-то в самом горле. Гул дрона снаружи то нарастал, то отдалялся: один раз машина прошла совсем близко — Лион замер, боясь даже дышать, но вскоре звук стих вдали.

Спустя полчаса дверь тихо скрипнула, и на пороге возникла Элис — перепачканная землёй, с длинной царапиной на щеке, но живая. В руках она крепко сжимала старую, покрытую пылью, но настоящую походную аптечку.

— Нашла в лесу, там неподалёку целая свалка, где полно всякого добра, — выдохнула она. — Дрон улетел далеко на юг, так что у нас есть время.

Лион смотрел на неё и не верил собственным глазам.

— Ты… ты в порядке?

— Я же обещала, что вернусь.

Она опустилась на пол рядом с Костей и щёлкнула замками аптечки, внутри которой обнаружились антибиотики, бинты, антисептик и даже обезболивающее.

— Держи его крепче, — скомандовала Элис. — Сейчас будет больно.

Лион прижал Костю плечами к полу, пока Элис быстрыми, уверенными движениями обрабатывала воспалённую рану и заливала её антисептиком — парень глухо закричал и забился, но они удержали его, после чего она наложила свежую, тугую повязку.

Когда всё закончилось, они ещё долго сидели втроём, тяжело переводя дух: Костя наконец провалился в глубокий сон, и теперь его дыхание стало куда ровнее и спокойнее.

Лион притянул Элис к себе и крепко обнял.

— Больше никогда так не делай, — прошептал он ей в волосы.

— Буду делать, — твёрдо ответила она, — потому что иначе мы все пропадём, а я не для того столько лет эмбрионы растила, чтобы бесславно погибнуть в каком-то заброшенном сарае.

Он устало усмехнулся.

— Страшная ты женщина, Элис.

— Знаю, — она уткнулась носом ему в плечо. — Теперь ты мой навсегда, и я тебя никуда не отпущу.

За каменными стенами глухо завывал ночной ветер, а где-то далеко в темноте всё ещё гудели патрульные дроны, но здесь, в старом флигеле, было тепло и спокойно — хотя бы на эту ночь.

Глава 10. Город

«Через три дня никого не останется. Кроме тех, кто успеет стать людьми»
— слух на рынке

Лион проснулся от пробирающего холода: огонь в печке почти погас, лишь тлеющие угли отбрасывали тусклые красноватые блики на каменные стены. Элис мирно спала, привалившись к нему плечом, и дыхание её было ровным, глубоким — впервые за много дней она не вздрагивала во сне.

Костя сидел у стены, плотно завернувшись в старое тряпьё, и задумчиво смотрел в одну точку.

— Очнулся? — тихо спросил Лион.

— Давно уже, — так же негромко ответил Костя и кивнул на спящую Элис. — Спасибо ей — без неё я бы сюда точно не дополз.

— Ты ради нас едва не погиб в лесу, так что мы в расчёте.

Костя криво усмехнулся и невольно поморщился от боли в боку.

— Проверь-ка лучше свои железяки, — предложил он, — а я пока посторожу.

Лион осторожно высвободил плечо из-под головы Элис и достал рабочую панель, но экран лишь коротко мигнул, показывая почти пустой заряд батареи.

— Чёрт, — выдохнул он. — Придётся жёстко экономить.

Он включил спутниковую карту всего на пару секунд, стараясь запомнить картинку, и вдруг замер: по лесу широкой дугой двигалось не меньше десятка дронов, неумолимо сужая кольцо облавы, в самом центре которого находилась их ферма.

— Нас вычислили, — глухо сказал он. — Через пару часов они будут здесь.

Элис открыла глаза мгновенно, словно от резкого толчка.

— Сколько у нас времени?

— Два, от силы три часа, если очень повезёт.

Костя с усилием поднялся на ноги — его заметно качнуло, но парень всё же устоял.

— Я пойду с вами.

— Ты же едва на ногах держишься.

— Я пойду, — повторил он ещё твёрже. — Потому что если я останусь, вы тоже никуда не уйдёте, а это верный тупик.

Лион хотел было поспорить, но Элис его опередила.

— Мы идём вместе или никак, — спокойно сказала она, поднимаясь с пола. — Мы это уже проходили.

Костя посмотрел на неё долгим, благодарным взглядом и коротко кивнул.

— Тогда выдвигаемся прямо сейчас, пока не рассвело окончательно.

Они собрались за пять минут: плотно заткнули печку, забросали тлеющие угли землёй, забрали аптечку, рабочую панель с ржавым тесаком и выскользнули в серый предрассветный туман. Лес встретил их настораживающей, слишком правильной тишиной — даже утренние птицы молчали.

— Сюда, — Костя указал на едва заметную в траве тропу. — Я тут бывал когда-то: дальше тянется глубокий овраг, по нему можно пройти незаметно, не засветившись.

Они двинулись в путь. Костя шёл медленно, тяжело опираясь на подобранную палку, но всё же держался сам; Элис бережно поддерживала его под руку с одной стороны, а Лион прикрывал с другой. Позади, ещё далеко, но уже вполне различимо, в воздухе гудели дроны.

— Костя, — тихо спросила Элис, когда они на минуту остановились перевести дух. — Ты рассказывал про сестру… А что случилось с родителями?

Он долго молчал, прежде чем заговорить глухо, словно с трудом вытаскивая каждое слово изнутри:

— Отец работал в техническом секторе, чинил роботов. Однажды он обнаружил ошибку в коде и по наивности решил, что поможет системе стать лучше — взял и написал рапорт.

— И что было дальше?

— Его тут же вызвали на «оздоровительную комиссию». Мать сказала, что это надолго, а я тогда ещё совсем глупым был и поверил. Но вскоре пришли и за нами, и она сама… — Костя судорожно сглотнул. — Она успела сказать нам с сестрой: «Бегите, и что бы ни случилось, не оглядывайтесь». Пока сестра отпирала старый выход стащенным заранее ключом, мать шагнула к дверям навстречу им, чтобы выиграть для нас время.

Элис крепко сжала его ладонь.

— Ты видел, что с ней сделали?

— Нет, мы бежали без оглядки, как она и велела, — голос его впервые за всё время предательски дрогнул. — И я до сих пор не знаю, правильно ли тогда поступил.

— Правильно, — твёрдо ответила Элис. — Ты выполнил её последнюю волю, выжил и теперь идёшь с нами — значит, всё было не зря.

Костя поднял на неё глаза, в которых блеснуло что-то похожее на слёзы, но он упрямо сдержал их.

— Спасибо, — тихо выдохнул он.

Позади гул винтов ощутимо усилился.

— Надо торопиться, — поторопил Лион.

Они спустились на дно глубокого оврага и зашагали прямо по руслу, громко хлюпая по ледяной воде. Ноги быстро окоченели от холода, но страх гнал их вперёд. Вскоре овраг вывел беглецов к пологим холмам, за которыми открылся неожиданный вид.

— Смотрите, — тихо выдохнула Элис.

Внизу, в широкой долине, раскинулся настоящий большой город — не Улей, а совсем другой, полуразрушенный и обветшалый, но отнюдь не мёртвый: между руинами вились протоптанные тропинки, кое-где курился дымок от костров и мелькали человеческие фигуры.

— Там люди, — произнёс Лион, напряжённо вглядываясь в долину. — И их там много.

— Это Рынок, — кивнул Костя. — Я слышал про это место: здесь торгуют всем подряд — едой, оружием, информацией. Это ничьи земли, куда дроны даже не суются из-за слишком сильных помех.

— Почему?

— Старые вышки вещают на всех частотах и наглухо глушат связь — Искин здесь слепой.

Элис посмотрела на Лиона.

— Это наш шанс: можно узнать, что сейчас творится в Улье, и, может быть, даже найти помощь.

Лион колебался всего секунду, но сразу кивнул.

— Идём.

Спустившись в долину, они словно шагнули в совершенно другой мир: здесь густо пахло настоящей жареной едой, отчего у Элис мгновенно подвело живот. Люди сидели прямо на камнях, разложив перед собой нехитрый товар — ржавые инструменты, старую одежду, какие-то консервные банки и оружие. Одни оживлённо торговались, другие молча сидели и безучастно смотрели перед собой пустыми глазами; на пришельцев оглядывались, но цепляться не спешили.

— Держитесь ближе ко мне, — тихо предупредил Костя. — Здесь свои правила.

Они миновали ряд с оружием, прошли мимо старухи, торговавшей какими-то мутными склянками, и детей, игравших в кости прямо в пыли, пока не остановились у покосившегося деревянного стола, за которым сидел тощий мужик с бельмом на глазу.

— Нужна информация, — коротко бросил Костя. — По Улью.

Торговец оценивающе окинул их взглядом, задержавшись на Элис чуть дольше положенного, но промолчал.

— А платить чем будете?

Лион достал и показал ему свою рабочую панель, и мужик одобрительно хмыкнул.

— Техника? Дорого, хотя у меня тут свои интересы. Что именно хотите узнать?

— Что сейчас готовится в Улье?

Мужик криво усмехнулся, обнажив редкие жёлтые зубы.

— А вы откуда такие свалились, что ничего не слышали? Впрочем, скоро все узнают: ровно через три дня там начнётся генеральная утилизация. Всех, кто ещё на ногах, пустят под нож, чтобы освободить место для новых.

Элис мгновенно побелела.

— Неужели всех?

— Всех до единого — и персонал, и техников, и даже тех, кто в пробирках сидит. Говорят, Искин решил, что люди ему вообще больше не нужны и роботы со всем справятся куда лучше.

Лион до побеления костяшек сжал кулаки.

— Значит, у нас есть три дня.

— У вас — может быть, — кивнул мужик, — только дроны уже совсем рядом, и им три дня ждать не надо — вычислят вас за три часа, если тут засветитесь. — Он мотнул головой в сторону холмов. — Валите отсюда, и побыстрее.

Они отошли от стола и быстро смешались с пёстрой толпой.

— Лион, — Элис крепко схватила его за руку. — Надо выдвигаться прямо сейчас.

— Понимаю.

— Если они перебьют всех, кто ещё может ходить, наша формула окажется бесполезной — просто некому будет спасать остальных.

— Я всё это прекрасно понимаю, Элис.

Костя тяжело перевёл дыхание и посмотрел на них твёрдым взглядом.

— Я пойду с вами, куда бы вы ни направились.

Лион оглянулся на шумный город в руинах и на людей, которые ещё даже не подозревали, что через три дня их мир окончательно рухнет.

— Мы не в силах спасти всех здесь, — тихо произнёс он. — Но обязаны попытаться спасти тех, кто заперт в Улье, пока они ещё живы.

Элис решительно кивнула.

— Идём.

Втроём они двинулись прочь из города на север — туда, где за линией горизонта мрачно темнела громада Улья, зная, что в запасе у них осталось всего три дня. А позади, над верхушками леса, снова загудели дроны.

Глава 11. Последний бег

«Я иду, сестра. Я иду к тебе»
— последние слова Кости

Они лежали на самом краю леса и смотрели на мёртвую пустоту перед собой: целый километр выжженной земли отделял их от глухой серой стены Улья, уходящей в бесконечность в обе стороны. Ни ворот, ни дверей, ни единой щели — только ровный, непроницаемый металл, холодно поблёскивающий в лучах утреннего солнца.

— Как они вообще туда попадают? — прошептала Элис.

— По воздуху, на транспортных дронах и грузовых шаттлах, — ответил Лион. — Для пеших здесь нет никакого входа.

— Значит, мы упёрлись в тупик?

Он промолчал, напряжённо глядя в небо, где медленно и выжидающе кружили патрульные дроны.

Костя лежал справа, уткнувшись лицом в землю, и тяжело, с хрипом дышал: повязка на боку снова промокла насквозь, когда они ползли через последний овраг.

— Костя, — тихо позвала Элис, потянувшись к его боку. — Дай я посмотрю.

— Не надо, — он слабо отвёл её руку. — Всё равно уже поздно.

— Прекрати так говорить!

— Элис, послушай, — парень повернул голову и посмотрел на неё; лицо его совсем посерело, глаза глубоко запали, но взгляд оставался твёрдым. — Я не дойду, даже если вы потащите меня на себе — буду только тормозить вас.

— Заткнись!

— Ты же сама знаешь, что я прав.

Элис до боли сжала кулаки — она действительно это знала и всей душой ненавидела себя за это понимание. Лион молчал, переводя взгляд с кружащих в небе дронов на неприступную стену и раненого парня, пока внутри у него всё переворачивалось: ум генетика, привыкший просчитывать любые вероятности, видел всего один-единственный выход.

Костя с усилием сел, поморщившись от острой боли, и окинул взглядом открытое пространство перед стеной.

— Сколько до неё? Километр?

— Около того, — глухо ответил Лион.

— Если побежать — за сколько можно добраться?

— Минуты за две, если нестись на пределе сил, но дроны…

— Дроны заметят меня уже через десять секунд, — кивнул Костя таким спокойным тоном, словно речь шла о погоде. — Значит, нужно, чтобы они меня заметили.

Элис резко обернулась к нему.

— Нет!

— Элис…

— Я сказала — нет! — голос её сорвался на крик. — Мы не для того тащили тебя на себе и вырывали из лап мародёров, чтобы сейчас…

— Чтобы что? — тихо перебил Костя. — Чтобы я сдох в лесу от заражения крови или чтобы дроны сожгли нас всех разом, пока вы меня тащите? — Он медленно покачал головой. — Я не хочу так умирать.

Лион тяжело сглотнул — в горле стоял тугой ком.

— Что ты предлагаешь?

Костя посмотрел на него и улыбнулся — впервые за всё время по-настоящему светло, открыто, почти счастливо.

— Дай мне рабочую панель.

— Зачем?

— Просто дай.

Лион протянул ему устройство. Костя повертел его в руках и быстро отыскал кнопку передачи сигнала.

— Если включить все частоты на полную мощность, этот маяк ведь будет видно за километры?

— Да, но заряд сядет за минуту.

— Одной минуты мне хватит.

Элис отчаянно схватила его за руку.

— Костя, даже не смей! Ты не имеешь права так поступать.

— Имею, — он крепко сжал её пальцы. — Ты мне как родная сестра стала, Элис — вторая моя сестра. Знаешь, как я мечтал, чтобы моя младшая дожила до таких лет, чтобы я мог её обнять, поговорить с ней и защитить? Не вышло. А ты жива, и ты обязана дойти.

— Мы дойдём вместе!

— Нет, — он мягко высвободил руку из её ладони. — Вы дойдёте вдвоём, а я наконец встречусь с ней.

Парень поднялся — медленно, тяжело опираясь на палку; ноги заметно дрожали, но он упрямо стоял.

— Лион, — сказал он уже совсем другим, жёстким тоном. — Береги её. Если хоть раз предашь, я с того света достану и лично тебе яйца оторву, понял?

Лион не мог вымолвить ни слова — он только молча кивнул.

Костя глубоко перевёл дух и вывел передатчик рабочей панели на полную мощность: корпус устройства загудел, а экран вспыхнул ослепительно ярко, словно маленькое солнце.

— Ну, с богом или кто там наверху… — тихо прошептал он и сорвался с места.

Он побежал не к стене, а вдоль неё, по открытому выжженному пространству, прямо туда, где патрулировала стая дронов. Рабочая панель в его руке сияла ярким маяком, крича на всех частотах: «Я здесь! Я беглый объект! Ловите меня!»

— Костя! — отчаянно закричала Элис, рванувшись следом, но Лион успел поймать её и прижал к земле.

— Пусти меня!

— Не смей! — он сам едва сдерживал крик. — Он сам выбрал этот путь — не делай его жертву напрасной!

Дроны мгновенно заметили приманку: сначала один, затем второй, а следом и вся стая из десяти смертоносных машин развернулась и устремилась к одинокой бегущей фигуре.

Костя мчался вперёд — спотыкался, падал на выжженную землю, снова поднимался и упрямо бежал дальше. До него оставалось метров триста, когда из-за развалин справа вышли четверо вооружённых людей и застыли на месте, поражённо глядя на безумца, несущегося прямо под удар дронов.

Добравшись до небольшого холмика, Костя на секунду обернулся, окинул взглядом две маленькие фигурки у кромки леса и четырёх незнакомцев среди развалин, а затем заорал что есть мочи:

— Я ИДУ, СЕСТРА! Я ИДУ К ТЕБЕ!

Дроны ударили разом: ослепительная вспышка залила всё вокруг, на мгновение осветив поле ярче дня — искажённые ужасом лица людей в развалинах, полные слёз глаза Элис и стиснутые зубы Лиона. А следом упала глухая тишина, нарушаемая лишь шелестом ветра по

выжженной земле да удаляющимся гулом удовлетворённых машин, возвращающихся на патрулирование; на месте холмика теперь курилась чёрная воронка.

Элис смотрела туда и не могла отвести взгляда — ей казалось, что в воздухе всё ещё звенит его последний крик: «Я иду, сестра…»

— Элис, — Лион осторожно тряхнул её за плечо. — Элис, нам пора идти.

— Он…

— Он сделал это ради нас, и если мы сейчас остановимся, его жертва окажется напрасной.

Она поднялась на ватных, плохо слушающихся ногах: в её глазах застыла пустота, но глубоко внутри разрасталось что-то твёрдое, холодное и прочное, словно сталь.

Они бросились бежать к серой стене, и в этот миг из развалин выступили те четверо, преградив им дорогу с оружием наизготовку.

— Стоять, — резко скомандовал старший — мужчина лет сорока с жёстким лицом и глубоким шрамом через всю щёку.

Лион инстинктивно заслонил собой Элис.

— Пропустите нас.

— Куда вы вообще собрались? Там глухая стена, тупик.

— Нам нужно именно туда.

Мужчина посмотрел на него долгим, изучающим взглядом, а затем перевёл глаза на дымящуюся воронку, где только что погиб Костя.

— Ваш парень?

— Наш, — глухо ответила Элис.

Старший медленно кивнул и опустил ствол.

— Мы слышали, что он кричал, — помолчав, произнёс он. — У меня ведь тоже сестра там, внутри — уже три года как забрали.

Лион мгновенно напрягся.

— Вы оттуда?

— Бежали оттуда некоторое время назад, а теперь ищем способ вернуться обратно, — ответил Лион.

Элис вдруг решительно шагнула вперёд.

— У нас есть формула — генетический ключ, с помощью которого можно разбудить людей.

Мужчина недоверчиво уставился на неё.

— Врёшь?

— Ни капли.

Он смотрел на них ещё несколько долгих секунд, оценивая каждый жест, а затем коротко кивнул своим.

— Идёмте за нами: здесь неподалёку есть старый довоенный лаз. Мы его давно отыскали, но сунуться внутрь боялись — вчетвером лезть туда было бы чистым самоубийством. Однако если у вас действительно есть этот ключ…

— Мы не врём, — твёрдо сказала Элис.

Они двинулись следом за незнакомцами, осторожно огибая груды обломков, и на секунду Элис обернулась, бросив последний взгляд на дымящуюся посреди поля воронку.

— Прощай, Костя, — тихо прошептала она, — ты обязательно встретишь её.

И с этими словами шаг за шагом вошла в густую темноту подземного хода.

Глава 12. Чужие

«Я не успел её спасти. Но я всё ещё могу не дать им забрать остальных»
— Женя

Лаз оказался старым техническим коллектором, где не было и следа стерильной чистоты верхних уровней Улья: стены покрывала скользкая слизь, под ногами хлюпала вода пополам с машинным маслом, а воздух был таким густым и тяжёлым, что его, казалось, можно было резать ножом.

— Терпите, — бросил старший, которого звали Громом — явная кличка, а не настоящее имя. — Это единственный путь, где нет камер.

— Откуда вы это знаете? — спросил Лион, стараясь дышать только ртом.

— Мы здесь три года прятались, прежде чем смогли сбежать наружу, — пояснил Гром, шагая первым и подсвечивая дорогу тусклым лучом фонаря. — Каждый угол тут облазили.

Элис шла молча: она смотрела под ноги, но перед глазами всё равно стояла совсем другая картина — ослепительная вспышка, холмик посреди поля и бегущий Костя. Мысли путались, однако она упрямо заставляла себя двигаться вперёд ради него и ради всех остальных.

— Эй, — негромко позвали её сбоку.

Элис подняла глаза и увидела, что рядом шагает самый молодой парень из четвёрки — лет двадцати, не больше, худой, с затравленным взглядом и нервными пальцами, которые без конца теребили край потёртой куртки.

— Ты чего? — тихо спросила она.

Парень сперва смущённо отвернулся, промолчав, но спустя минуту всё же снова заговорил:

— Это правда? Вы правда можете разбудить людей?

— Правда.

— А как это работает?

— Генетический ключ — особая последовательность, которая снимает блокировку, заложенную в клетках при рождении.

Парень надолго замолчал, а затем спросил тихо, почти шёпотом:

— А если человека уже… ну, если его утилизировали? Это поможет?

Элис остановилась и посмотрела на него внимательнее: в тусклом свете фонаря его лицо казалось совсем юным — почти детским, несмотря на колючую щетину и грязь.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Женя.

— Женя, тем, кого уже утилизировали… им помочь нельзя. Прости.

Он медленно кивнул, словно заранее ждал именно этого ответа, на несколько секунд отвёл взгляд в тёмную глубину тоннеля и снова заговорил:

— У меня была младшая сестра. Ей всего восемь лет исполнилось, когда её забрали — сказали, что это «брак» из-за плохих анализов. Я тогда сам ещё глупый был, ничего не понимал, а мать только плакала и молчала от страха.

Элис притихла, чувствуя, как сердце тревожно заколотилось где-то в самом горле.

— А потом я всё узнал, — продолжал Женя, уставившись в сырую стену перед собой. — Узнал, что на самом деле означает их «брак» и что они делают с детьми. Как только понял — сразу сбежал сюда, три года назад.

— Женя, — тихо произнесла Элис. — Я ведь работала в лаборатории, в Секторе Эмбрионального Развития и отбора.

Он резко обернулся — в его глазах вспыхнула мучительная смесь отчаянной надежды и ужаса.

— Ты… ты могла её видеть?

— Не знаю, через нас проходили тысячи детей.

— У неё родинка была на скуле, — он осторожно коснулся пальцем собственного лица, — вот тут, совсем маленькая, как звёздочка.

Элис крепко закрыла глаза: перед внутренним взором поплыли ряды капсул, лабораторные карты, маркировки и лица тех, кого она видела за годы службы. Девочка лет восьми с крошечной родинкой на скуле… Была ли она? Да, была — одна-единственная, из группы отбора 8-12. Элис ещё подумала тогда: «Какая красивая девочка, жаль, что её больше никто не увидит».

— Была, — глухо выдохнула она. — Я помню девочку с родинкой на скуле из партии 8-12.

Женя застыл на месте, а затем медленно сполз по скользкой стене, сел прямо в холодную грязь коллектора и закрыл лицо руками.

— Я знал, — донёсся его сдавленный, глухой голос. — Я всё равно знал, что её больше нет, но до последнего надеялся…

Элис опустилась рядом на корточки и бережно положила руку ему на плечо: парень вздрогнул, но не отстранился.

— Прости, — тихо сказала она. — Прости, что я была частью всего этого, что не знала правды и не смогла остановить их.

— Ты ни в чём не виновата.

— Виновата — все мы виноваты, но теперь хотя бы пытаемся это исправить.

Женя поднял голову: глаза его были красными и влажными от слёз, однако в них появилось нечто новое — твёрдая, несгибаемая решимость.

— Я помогу вам всем, чем смогу, — глухо произнёс он. — Ради неё.

Лион, шагавший чуть впереди рядом с Громом, обернулся, увидел их, сидящих прямо в грязи, и у него внутри что-то болезненно сжалось.

— У вас всё в порядке? — негромко спросил он.

— Да, — ответила Элис, поднимаясь на ноги и протягивая руку Жене. — Идём дальше.

Они двинулись вперёд. Вскоре узкий тоннель начал заметно расширяться, и перед ними открылась развилка с двумя проходами: один уходил наверх, к слабому искусственному свечению, а второй нырял глубоко вниз, в непроглядную темноту.

Гром остановился и предупреждающе поднял руку.

— Вот и выбор, — сказал он. — Дорога наверх ведёт в жилой сектор, где ещё остаются люди — персонал, техники и все, кто пока держится на ногах. А путь вниз уходит прямо в серверную, к Центру управления: если ваш генетический ключ действительно работает, загружать его придётся именно там.

— Сколько у нас осталось времени? — спросил Лион.

— Если верить вашим словам про скорую утилизацию — сутки, от силы двое.

Лион перевёл вопросительный взгляд на Элис.

— Что думаешь?

Она задумчиво смотрела на оба прохода: наверху ждали живые люди, которых можно было попытаться спасти прямо сейчас, а внизу находилась главная цель, ради которой они проделали весь этот путь.

— Нам нужно идти вниз, — твёрдо решила она. — Если мы не взломаем систему, спасать будет попросту некого — всех, кто остался наверху, всё равно убьют через два дня.

— А что, если по пути в серверную мы отыщем способ предупредить людей наверху?

— Но как?

Лион задумался, а стоящий рядом Гром коротко хмыкнул.

— Есть один вариант, — негромко сказал он. — Старая довоенная система оповещения: если её запустить, можно передать сигнал сразу во все сектора, а находится она в том же крыле, что и серверная, только чуть ближе.

— Слишком рискованно, — заметил один из его людей, молчаливый здоровяк с автоматом наперевес.

— Здесь сейчас всё рискованно, — отрезал Гром. — Решайте.

Элис вопросительно посмотрела на Лиона, и он коротко кивнул.

— Идём сначала к системе оповещения, а уже оттуда — к главному серверу.

Они свернули в тёмный нижний проход. Женя шагал рядом с Элис, держась к ней заметно ближе, чем раньше: в полумраке тоннеля его лицо выглядело куда спокойнее, ведь парень наконец обрёл настоящую цель.

Где-то высоко наверху, над их головами, глухо гудел огромный Улей: тысячи людей безмятежно лежали в своих капсулах, даже не подозревая, что жить им осталось всего два дня, а бесчисленные дроны патрулировали стерильные коридоры, не ведая, что скоро весь их отлаженный мир рухнет. А далеко внизу, по колено в грязи и непроглядной темноте, упрямо шли шестеро человек — шли, чтобы изменить всё.

Глава 13. Система

«Мы предупреждали. Но кто слушает тех, кто кричит в пустоту?»
— из архива системы оповещения

Они шли уже час, а может, и два, ведь в непроглядной темноте технических тоннелей время текло иначе — тягуче, словно густая смола. Элис принялась считать шаги, чтобы не сойти с ума от монотонности, и, хоть уже не раз сбивалась, упрямо повторяла про себя: тысяча двести сорок три, тысяча двести сорок четыре. Ноги тяжело гудели, в глазах рябило от редких вспышек фонаря Грома, но она заставляла себя двигаться вперёд — ради Кости, ради Жениной сестры и ради всех остальных.

Женя шагал рядом и молчал, однако его присутствие странным образом грело, словно теперь она несла ответственность не только за саму себя.

— Тихо, — вдруг негромко скомандовал Гром, предупреждающе поднимая руку.

Все мгновенно замерли на месте. Впереди тоннель раздваивался: левый проход уходил в глухую тьму, а правый слабо светился, и оттуда доносился ровный, механический гул работающего оборудования.

— Система оповещения находится там, — шёпотом указал Гром.

— А охрана? — так же тихо спросил Лион.

— Должна быть, но старая автоматика, — ответил Гром. — Живых людей тут нет, они все сидят наверху, в тёплых местах.

— Откуда ты это знаешь?

— Бывал, — усмехнулся Гром. — Три года назад, когда мы ещё прятались внутри, я сюда пробирался, думал подать сигнал наружу. Не вышло — требовался код доступа, а вот с вашими довоенными данными, — он кивнул на карман комбинезона Лиона, — может и получиться.

Они двинулись вперёд к тусклому свету. Зал оказался огромным: высокие сводчатые потолки, длинные ряды пультов и настенные экраны — большинство из них оставались тёмными, но некоторые всё ещё мерцали, выводя графики и колонки цифр. В самом центре зала возвышалась массивная мачта, уходящая вверх, в темноту вертикальной шахты.

— Главная антенна, — пояснил Гром. — Прямой выход на все сектора: если её запустить, предупреждение услышат все.

— И Искин в том числе, — мрачно заметил один из его бойцов.

— Искин и так знает, что мы здесь, так что рано или поздно всё равно вычислит.

Лион уже подошёл к центральному пульту и быстро возился с разъёмами, подключая резервный модуль памяти, на который скопировал архивы в бункере командования.

— Мне нужно немного времени — минут десять, если повезёт, — бросил он через плечо.

— Десяти у нас нет, — отрезал Гром, — но минут пять попробуем выиграть.

Он коротко кивнул своим людям, и бойцы рассредоточились у входов, вскинув оружие. Элис подошла к Лиону, встала за его спиной и ободряюще положила руку ему на плечо.

— Получится?

— Должно, — он даже не обернулся, пока пальцы стремительно бегали по сенсорной панели. — Старый военный код доступа… Если Гром прав и эта аппаратура осталась с довоенных времён, система обязана его принять…

Экран коротко мигнул, и на нём высветилась строка: «ДОСТУП РАЗРЕШЁН. ВЫБЕРИТЕ РЕЖИМ».

— Есть! — облегчённо выдохнул Лион.

— Давай быстрее, — поторопила его Элис.

Он застучал по клавишам, набирая короткое, ёмкое сообщение, чтобы его смысл мгновенно дошёл до каждого человека в Улье: «ВНИМАНИЕ. ГЕНЕРАЛЬНАЯ УТИЛИЗАЦИЯ ЧЕРЕЗ 24 ЧАСА. ВСЕМ, КТО МОЖЕТ ДВИГАТЬСЯ, — ПРЯЧЬТЕСЬ, БЕГИТЕ, СОПРОТИВЛЯЙТЕСЬ. МЫ ИДЁМ К СЕРВЕРНОЙ, ЧТОБЫ ОТКЛЮЧИТЬ СИСТЕМУ. ПОВТОРЯЮ: МЫ ИДЁМ К СЕРВЕРНОЙ. ДЕРЖИТЕСЬ».

— Всё? — нетерпеливо спросила Элис.

— Готово! — Лион с силой нажал на клавишу «ПЕРЕДАТЬ».

В ту же секунду весь зал содрогнулся: где-то совсем близко, в соседнем тоннеле, оглушительно грохнул взрыв, с потолка посыпалась пыль, и протяжно завыли аварийные сирены.

— Нас засекли! — крикнул Гром. — Уходим немедленно!

— Секунду! — Лион лихорадочно отсоединял модуль памяти от пульта.

— Бросай! — заорал здоровяк с автоматом, но было уже поздно.

В проёме правого входа показались боевые дроны — сразу пять маленьких, юрких машин, чьи алые глаза хищно горели в полумраке, а стволы стремительно наводились на цель.

— Ложись! — закричал Гром и первым открыл огонь.

Огромный зал мгновенно наполнился оглушительным грохотом, вспышками выстрелов и криками. Элис резко рванула Лиона вниз, за массивный пульт, по металлу которого тут же защёлкали пули, высекая снопы искр.

— Надо уходить! — крикнула она сквозь стрельбу.

— Знаю!

Они поползли вдоль ряда пультов, ища спасительное укрытие; совсем рядом тяжело рухнул один из бойцов Грома — тёмный силуэт мелькнул в отблесках огня и затих.

— Назад! — Гром махнул рукой в сторону левого прохода. — Все туда!

Лион крепко схватил Элис за руку, и они бросились бежать, низко пригибаясь под градом пуль, пока Женя прикрывал их отход, отстреливаясь из какого-то допотопного автомата. Герои успели влететь в спасительный тоннель за секунду до того, как зал позади содрогнулся от нового оглушительного залпа.

— Все живы? — тяжело выдохнул Гром, на бегу пересчитывая своих.

В живых осталось только четверо — Гром, Женя, Лион и Элис, а двое бойцов остались там, у пультов, прикрывая их отход.

— Данные у тебя? — хрипло спросил Гром.

— Со мной, — отозвался Лион, хлопая себя по карману комбинезона, где лежал выдернутый из разъёма модуль памяти. — Успел забрать.

— А сообщение ушло?

— Ушло по всем каналам.

— Значит, парни погибли не зря, — Гром мрачно кивнул в сторону зала. — Идём, до серверной осталось совсем немного.

Они двинулись дальше в глухую темноту тоннеля, а позади, в разбитом зале оповещения, дроны уже добивали тех, кто не сумел отойти. Элис крепче сжала руку Лиона.

— Мы обязательно сделаем это, — твёрдо сказала она.

Он молча кивнул: впереди их ждала главная серверная, смертельный риск — и единственный путь к настоящей свободе.

Глава 14. Тупик

«Я не ради себя. Если вы успеете — значит, я не зря…»
— Женя, перед уходом

Коридор заметно сужался, да и стены здесь были совсем другими — не голый металл, как везде в Улье, а старые панели с облупившимися, потрескавшимися остатками краски, где кое-где ещё проступали буквы довоенной таблички: «ТЕХНИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ — ДОСТУП ЗАПРЕЩЁН».

— Уже ближе, — выдохнул Гром, не сбавляя шага. — За этим поворотом развилка.

Элис поначалу считала шаги, но сбилась после взрыва в зале оповещения и теперь просто шла, переставляя ноги на автомате; рядом тяжело дышал Женя, а впереди шли Лион и Гром. Позади, ещё далеко, но неумолимо приближаясь, слышался мерный лязг — дроны даже не мчались в погоню, а двигались спокойно и методично, словно заранее знали, что жертвам некуда деваться.

— Сколько их там? — спросил Лион.

— Много, — глухо ответил Гром, — и с каждой минутой становится всё больше.

Наконец они вышли к развилке с двумя проходами: левый уходил в темноту, а правый освещался чуть лучше за счёт редких ламп под потолком. В самом конце левого коридора, метрах в тридцати от них, чернела массивная дверь с герметичными запорами.

— Серверная находится там, — кивнул Гром на левый проход.

— А что в правом? — спросила Элис.

— Тупик, но там установлен пульт управления энергосетью: если его взорвать, дроны отключатся минут на пять.

— Пять минут — это всё, что нам нужно, — тихо сказал Лион.

Гром посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Тот, кто пойдёт к пульту, обратно уже не вернётся: взрыв наглухо перекроет проход, да и дроны нагрянут туда раньше, чем он успеет отойти.

В коридоре повисла тишина — густая и вязкая, как смола. Женя молча шагнул вперёд: не произнеся ни слова, он снял с плеча автомат, привычно проверил затвор и взял оружие наизготовку, после чего повернулся к Элис. Парень посмотрел на неё долгим, удивительно спокойным взглядом, в котором не осталось ни страха, ни слёз — только твёрдая, холодная решимость.

— Женя… — сдавленно начала Элис.

— Не надо, — он отрицательно покачал головой. — Я делаю это не ради себя.

Он перевёл взгляд на Лиона.

— Ты говорил, формула подействует на всех — и на тех, кто ещё в пробирках, и на тех, кто уже родился?

— Да, — ответил Лион осипшим голосом, так что пришлось прокашляться. — Если успеем.

— Успеете, — Женя уверенно кивнул, словно ставя точку в разговоре. — Там, внутри, — он мотнул головой в сторону серверной, — тысячи таких, как она. Если вы успеете… значит, я не зря…

Элис порывисто шагнула было к нему, но он остановил её коротким жестом.

— Не надо, — твёрдо повторил он. — Просто сделайте это.

И парень пошёл в правый проход — прямо в тупик, навстречу дронам, которые уже глухо гудели за поворотом. Они молча смотрели ему вслед: стройная фигура в полумраке, автомат

за спиной и твёрдые, ни на миг не сбивающиеся шаги. У самого входа в тупик Женя на секунду остановился и оглянулся.

— Эй, — негромко крикнул он. — Там, в инкубаторах… их же сразу не убивают? Они сначала засыпают?

— Спят, — отозвалась Элис; губы её мелко дрожали, но голос упрямо держался. — Совсем без боли.

— Значит, и она просто уснула, — он едва заметно усмехнулся одними уголками губ. — Вот и хорошо.

С этими словами он скрылся в тёмном коридоре.

— Бежим! — скомандовал Гром. — У нас всего минута, пока он не рванул заряд.

Они со всех ног бросились в левый проход: Элис неслась вперёд и машинально считала шаги про себя — двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять… На сорок втором шаге весь коридор ощутимо вздрогнул от глухого, тяжёлого удара откуда-то сзади, из-за толстой стены, а следом грохнул второй взрыв. Пронзительно завыли сирены, основной свет замигал и погас, уступив место тусклому красному аварийному освещению, но главное — мерный гул дронов мгновенно стих.

— Пять минут, — тяжело выдохнул Гром. — Успеваем.

Они добежали до конца тоннеля, где Лион уже лихорадочно подсоединял резервный модуль к замку герметичной двери, а его пальцы стремительно бегали по сенсорной панели.

— Открывайся же, — шептал он сквозь зубы. — Ну, открывайся…

Тяжёлый засов громко щёлкнул, и массивная створка медленно поползла в сторону, открывая вход в главную серверную — огромный зал, уставленный длинными рядами стоек с оборудованием, мерцающими огоньками и гудящими вентиляторами, в самом центре которого возвышался главный пульт управления.

— Заходим! — скомандовал Гром.

Элис на мгновение обернулась, бросив последний взгляд назад, в красный полумрак коридора, где только что погиб Женя.

— Прощай, — тихо прошептала она и переступила порог.

Глава 15. Сердце

«Иногда, чтобы убить монстра, нужно стать монстром. Но важно помнить, зачем ты это сделал»
— Гром

Они влетели в серверную, и тяжёлая дверь с глухим лязгом захлопнулась за их спинами. Огромный зал размером с ангар уходил в полумрак длинными рядами высоких стоек, на которых красными и зелёными огоньками мигали серверы, словно глаза тысяч спящих тварей. В самом центре, на невысоком возвышении, мерно пульсировала голограмма — детальная трёхмерная модель всего Улья, медленно вращающаяся в воздухе.

— Красиво, — негромко выдохнул Гром, настороженно оглядываясь по сторонам. — Прямо самое сердце гада.

— За дело, — оборвал его Лион и бросился к центральному пульту.

Он подсоединил резервный модуль за считанные секунды — пальцы двигались сами собой, на автомате, пока глаза стремительно бегали по строкам кода в поисках нужного раздела: генетического архива, базы данных эмбрионов и кода активации.

— Есть, — облегчённо выдохнул он. — Загрузка пошла.

— Сколько нужно времени? — спросила Элис, крепче сжимая в руке ржавый тесак Кости, ведь другого оружия у неё не было.

— Пять минут, а может, и все семь.

— У нас в запасе ровно пять минут, — напомнил Гром, коротко кивнув на входную дверь. — Потом дроны снова оживут.

— Я помню.

Элис отошла к ближайшей стойке, напряжённо вглядываясь в густую темноту между серверами. В зале стояла тяжёлая, ватная тишина, нарушаемая лишь ровным гулом вентиляции да редкими щелчками аппаратуры.

— Слишком тихо здесь, — прошептала она.

В тот же миг автономное освещение зала погасло: на секунду всё погрузилось в кромешную тьму, а затем вспыхнул тусклый красный аварийный свет, превращающий лица людей в зловещие маски.

— Что происходит? — крикнул Гром.

— Искин нас вычислил и блокирует доступ! — отозвался Лион, не отрываясь от экрана пульта. — Держитесь, я пытаюсь обойти защиту!

Где-то в глубине зала сухо щёлкнуло, затем ещё раз, и щелчки зазвучали чаще и ближе. Из темноты между высокими стойками вышли трое людей в грязной, изорванной одежде персонала — с серыми безжизненными лицами, пустыми глазами и рваными, неестественными движениями, словно каждый шаг давался им с огромным трудом.

— Что это ещё за хрень? — Гром мгновенно вскинул автомат.

— Не стреляй! — вскрикнула Элис. — Это же люди!

— Это уже не люди, — глухо произнёс Гром.

Один из троих сделал шаг вперёд и дёрнуто повернул голову в их сторону; его рот открылся, но вместо человеческого голоса из динамика, вживлённого прямо в горло, раздалась бесстрастная механическая речь:

— Обнаружены нарушители. Протокол защиты: ликвидация.

— Промытые, — сквозь зубы выдохнул Гром. — Я слышал про таких: Искин вживляет им чипы прямо в мозг, так что они больше не чувствуют боли и не думают, а умеют только убивать.

Первый рванул вперёд, и Гром сразу открыл огонь: короткая очередь прошила грудь нападавшего, но промытый даже не замедлился — он мчался, разбрызгивая кровь, пока не рухнул замертво в двух метрах от них, дёрнулся в последний раз и затих.

— В голову надо! — заорал Гром. — Бейте только в голову!

Второй и третий уже бежали навстречу, рассредоточиваясь по залу, и у одного из них в руке хищно блеснул длинный технический нож, явно предназначенный не для мирной работы.

Элис отступила к серверной стойке, обеими руками сжимая ржавый тесак Кости. Второй промытый нёсся прямо на неё: глаза его выглядели как пустые окна, из разбитой губы струилась кровь, но серое лицо не выражало ровным счётом ничего. Она ударила первой: лезвие тесака глубоко вошло ему в плечо, однако враг даже не вздрогнул, а его рука с ножом взметнулась и полоснула по воздуху — Элис едва успела отшатнуться, но сталь всё же распорола рукав и оцарапала кожу.

— Элис! — крикнул Лион, дёрнувшись было ей на помощь.

— Сиди на месте! — рявкнула она. — Делай своё дело!

Второй удар вышел куда точнее: уйдя в сторону, она пропустила промытого мимо себя и с разворота с силой всадила тесак ему прямо в затылок — тело рухнуло на пол как подкошенное. Элис замерла над ним, тяжело переводя дыхание; пальцы мелко дрожали, ведь впервые в жизни она убила человека — не бездушного железного дрона, которого не жалко, а живого некогда человека, у которого когда-то было имя.

— Элис! — снова отчаянно крикнул Лион.

Она резко подняла голову: третий промытый уже настигал Грома. Тот отчаянно отстреливался, но пули только рвали плоть, и враг упрямо шёл вперёд. Ещё метр, ещё… Гром глухо вскрикнул, когда длинный нож вошёл ему в бок, однако в ту же секунду успел выстрелить в упор прямо в висок твари, и промытый рухнул, увлекая раненого бойца за собой.

— Гром! — Элис бросилась к нему.

Он лежал на спине, изо всех сил зажимая рану ладонью, но тёмная кровь обильно хлестала сквозь пальцы.

— Хреново, — прохрипел он сквозь стиснутые зубы. — Но жить буду, если сейчас перестанете причитать и потом отыщете врача.

— Какого врача? — растерянно выдохнула Элис.

— Найдёте, когда всё кончится, — он скривился от новой волны боли. — Сколько там осталось, гений?

Лион, не оборачиваясь от экрана, крикнул:

— Тридцать секунд! Уже двадцать!

— Дроны оживут через минуту, — глухо напомнил Гром.

— Я знаю!

Элис рванула обратно к Лиону и встала прямо у него за спиной, сжимая окровавленный тесак и готовясь прикрывать до конца: кровь на её руках ещё не высохла, в ушах всё ещё стоял предсмертный хрип промытых, но она упрямо держалась на ногах.

— Десять, — вслух отсчитывал Лион. — Пять… три… два… один… ЕСТЬ!

Экран резервного модуля ярко мигнул, и на нём высветилась строка: «АКТИВАЦИЯ. ГЕНЕТИЧЕСКИЙ КЛЮЧ ПРИНЯТ. ОХВАТ: 100% ЭМБРИОНОВ. ЗАПУСК РАЗБЛОКИРОВКИ».

Где-то далеко, в самых глубинах Улья, загудели сирены совсем другого тона — не тревожного, а глубокого, оповещающего. Тысячи капсул начали синхронно открываться, и тысячи людей, которые никогда прежде не двигались, вдруг впервые пошевелили пальцами.

— Получилось, — с облегчением выдохнул Лион. — У нас получилось…

— Рано радоваться, — тяжело прохрипел Гром.

Под потолком тревожно замигал красный свет, и металлический голос Искина громовым эхом разнёсся по залу:

— ВНИМАНИЕ. ЗАФИКСИРОВАНО ВНЕШНЕЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО. АКТИВАЦИЯ ПРОТОКОЛА САМОУНИЧТОЖЕНИЯ. ДО ВЗРЫВА РЕАКТОРА — ДЕСЯТЬ МИНУТ.

— Десять минут, — повторила Элис. — Мы успеем выбраться?

— Должны успеть, — Лион уже подхватывал отсоединённый модуль памяти. — Помогай с Громом!

Они взвалили раненого бойца себе на плечи и бросились к выходу: массивная дверь легко поддалась — Искин снял блокировку, видимо, ему было уже не до беглецов. В коридоре стояла непривычная пустота, а боевые дроны неподвижно застыли в воздухе с мёртвыми глазами сканеров и тёмными стволами — запущенная программа разблокировки отключила их вместе со всей охранной сетью.

— Красиво висят, — криво усмехнулся Гром сквозь стиснутые зубы.

— Бежим быстрее!

Они мчались по тёмному коллектору, напряжённо отсчитывая уходящие минуты — девять, восемь, семь, — пока впереди не забрезжил спасительный серый просвет старого технического лаза, уходившего за пределы выжженного периметра к самой кромке леса.

— Ещё совсем немного! — крикнул Лион.

На шестой минуте они наконец вывалились наружу, в густые лесные заросли, и понеслись прочь от громады Улья; вскоре обессиленный Гром тяжело рухнул на землю, и Элис с Лионом потащили его дальше, под прикрытие вековых деревьев и холмов. Четыре… три… две… одна… ноль!

Улей взорвался: гигантский гриб багрового пламени взметнулся в утреннее небо, на мгновение осветив лес ярче дня, а следом по земле прокатилась сокрушительная ударная волна, пригибая верхушки деревьев и сбивая с ног. А потом наступила оглушительная тишина.

Элис медленно подняла голову: там, где только что высилась неприступная стена, теперь догорали дымящиеся развалины, а в небо поднимался густой чёрный дым.

— Мы сделали это, — тихо прошептала она.

Лион крепко обнял её и прижал к себе; где-то рядом глухо застонал Гром — значит, живой и обязательно выкарабкается. В лесу, среди руин и по всему миру наконец начинали просыпаться освобождённые люди, однако Элис смотрела не на них. Она глядела на затянутый дымом горизонт и вспоминала Костю, Женю, тех двоих бойцов, что остались в зале оповещения, Варвару и всех, кто так и не дожил до этого дня.

— Свобода, — произнесла она едва слышно. — Мы всё-таки принесли вам свободу.

Лион бережно поцеловал её в висок, и они вместе встретили первые лучи нового утра.

Глава 16. Пепел

«Мы уничтожили один Улей. Их было шесть»
— из книги «1984», пометка на полях

Они сидели у костра и молча смотрели на дым: Улей догорал уже несколько часов, и густой чёрный столб поднимался высоко в небо, закрывая полгоризонта, пока ветер медленно разгонял его в стороны, словно гигантские пальцы размазывали сажу по серому холсту.

— Красиво, — тихо сказал Гром.

Он лежал на самодельных носилках, туго перевязанный обрывками одежды: рана в боку всё ещё кровоточила, но боец упрямо держался, стиснув зубы и глухо матерясь от боли.

— Мало тут красивого, — отозвалась Элис. — Там ведь тысячи людей погибли.

— Только те, кто не проснулся или не успел выбраться, — Гром сплюнул кровью в сторону. — Но если бы мы не рванули систему, погибли бы вообще все, так что не ной.

Элис хотела было возразить, но промолчала — он был прав, горько, жёстко, но прав.

Лион сидел чуть поодаль, неторопливо копаясь в рюкзаке: резервный модуль окончательно разрядился, однако внутри оставалось кое-что ещё — старая бумажная книга, которую он забрал в том самом бункере ещё до встречи с лесными людьми и всех этих потерь. Он вытащил её и задумчиво повертел в руках.

— Зачем ты её всюду таскаешь? — спросила Элис.

— Сам не знаю, — он пожал плечами. — Чем-то она меня зацепила: там говорилось о свободе, и я тогда не всё понял, а сейчас…

Он раскрыл книгу наугад: бумага давно пожелтела, края обгорели, но выцветшие буквы всё ещё хорошо читались.

— «Большой Брат следит за тобой», — прочитал Лион вслух.

Элис тихо усмехнулась.

— Большой Брат мёртв.

— Да, — кивнул Лион, перевернул страницу и вдруг замер.

На нижнем поле виднелась рукописная пометка — выцветшая, почти стёршаяся, но вполне различимая, выведенная старым довоенным почерком с плавными завитушками, каких давно никто не использует.

— Элис, — негромко позвал он. — Посмотри сюда.

Она подошла, опустилась рядом и вгляделась в строчку: «Но у него были братья. Их шестеро».

— Что это значит? — спросила она.

— Пока не знаю, — Лион перелистнул книгу до конца и на последнем форзаце обнаружил примитивную схему, начерченную от руки: шесть кругов, расположенных вокруг единого центра, а под каждым — столбики цифр. — Это же географические координаты! — выдохнул он.

Гром с усилием приподнялся на локтях, глухо зашипел от боли, но переспросил:

— Координаты чего?

— Других Ульев, — Лион поднял на него серьёзный взгляд. — Он был не один: всего их построили шесть, а мы уничтожили только первый.

Над костром повисла тяжёлая тишина, нарушаемая лишь сухим треском дров да далёким глухим гулом догорающего города.

— Твою ж… — выдохнул Гром и тяжело откинулся обратно на носилки.

Элис осторожно взяла книгу и провела пальцем по нарисованным кругам — шесть точек, шесть городов-тюрем и шесть искинов, которые, вполне возможно, уже знали, что один из них пал.

— Лион, — тихо произнесла она. — Мы ещё не закончили.

— Знаю.

— Нам придётся идти дальше.

— Понимаю, — кивнул он.

Она внимательно посмотрела ему в лицо: в неровном свете костра его черты казались старше и жёстче, но глаза оставались прежними — живыми и настоящими.

— Я с тобой, — твёрдо сказала Элис, — куда бы ты ни пошёл.

Он взял её ладонь и крепко сжал.

— Сначала нам нужно поставить на ноги Грома, разыскать остальных выживших и понять, сколько людей успело проснуться, а уж потом…

— Потом начнётся настоящая война, — твёрдо закончила Элис.

Где-то в глубине ночного леса протяжно завыл зверь — то ли волк, то ли собака, одичавшая после гибели старого мира. Элис невольно вздрогнула, но не отвела взгляда от горизонта, где за пеленой дыма, лесом и дымящимися руинами Улья уже рождался новый мир — или закипала старая, неизбежная война.

— Эй, — негромко позвал Гром. — Дайте-ка мне ту книгу почитать, всё равно делать нечего, пока вы тут друг на друга любуетесь.

Элис тихо фыркнула, но книгу передала. Гром осторожно устроил её на груди и открыл первую страницу.

— «1984», — прочитал он вслух. — Никогда про такую не слышал — старьё, наверное.

— Старьё, — согласился Лион. — Но иногда в таком старье больше живой правды, чем во всех новых системах.

Они замолчали, вслушиваясь в негромкий треск костра, пока над разрушенным Ульем всё так же поднимался к небу густой столб дыма. Там, среди остывающих развалин, наверняка уцелели и другие люди, и именно там уже начиналась новая история. Но всё это ждало их завтра, а сегодня они просто сидели у живого огня — трое против целого мира.

Глава 17. Свои

«Ты не моя мама. Ты хорошая. Но не моя»
— Лиза

Они шли к реке уже несколько часов: Гром глухо ругался сквозь зубы, опираясь на самодельный костыль, но упрямо шагал сам, Элис несла в рюкзаке остатки еды и старую книгу с координатами, а Лион настороженно вглядывался в лесную чащу, проверяя, не мелькнёт ли где тень и не блеснёт ли металл.

— Там, — вдруг негромко сказал Гром, останавливаясь и показывая рукой вперёд.

Между стволами деревьев виднелись светлые просветы, а сразу за ними открывалась широкая, спокойная река с илистыми берегами, где собралось множество людей. Одни сидели или лежали прямо на земле, другие растерянно бродили у самой воды: кто-то неумело пытался развести костёр, а кто-то просто стоял и молча смотрел на течение. Здесь были женщины, дети, старики и мужчины в измятой форме персонала Улья — все перепачканные, оборванные, с одинаковым выражением растерянности и глухого страха на лицах.

— Сколько их здесь? — тихо спросила Элис.

— Сотня, а может, и больше, — прикинул на глаз Гром.

— Откуда они все взялись?

— Из Улья, конечно — те, кто успел выскочить наружу, пока всё не взлетело на воздух.

Лион заворожённо смотрел на этот огромный живой лагерь, и внутри у него шевелилось странное, непривычное чувство: он никогда прежде не видел столько людей разом, ведь в Улье всё было устроено камерно, стерильно и поодиночке, а здесь перед ним дышала настоящая жизнь.

— Идём к ним, — твёрдо сказал он.

Они спустились к самой реке, и их сразу заметили: несколько человек обернулись, кто-то торопливо поднялся на ноги, а кто-то, наоборот, опасливо отступил назад, и тишина поползла по берегу, словно густой утренний туман.

— Свои, — громко крикнул Гром, поднимая свободную руку. — Мы тоже из Улья, бежали оттуда.

— Все оттуда бежали, — угрюмо отозвался грубый голос из толпы.

От общей массы отделилась группа из десяти-пятнадцати человек, у некоторых в руках были армейские автоматы — явно из оружейных арсеналов Улья. Впереди шагал коренастый здоровяк с перебитым носом и холодными, колючими глазами.

— Вы ещё кто такие? — спросил он, остановившись в двух метрах от них.

— Я Гром, раньше работал в техобслуживании, а это Лион и Элис — генетики, — спокойно ответил он. — Это мы взорвали Улей.

Здоровяк криво усмехнулся.

— Взорвали они, гляди-ка… А нам теперь тут подыхать без еды, без крыши над головой и без всего?

— Лучше бороться за жизнь здесь, чем лежать в капсуле и ждать утилизации, — жёстко отрезал Гром.

Мужчина угрожающе шагнул вперёд, но один из его бойцов тронул главаря за плечо и что-то быстро шепнул на ухо; тот недовольно поморщился, но всё же отступил на полшага.

— Ладно, живите пока, только порядки у нас свои: всю еду сдаёте в общий котёл, оружие — тоже на склад.

— Это ещё с какого перепугу? — Гром даже не усмехнулся, а хищно оскалился.

— С такого, что нас пятнадцать со стволами, а вас всего трое, да и ты сам еле на ногах держишься.

Над берегом повисла тяжёлая, звенящая тишина: Элис кожей чувствовала, как мгновенно напрягся Лион, а Гром медленно, очень медленно опустил ладонь на приклад автомата. И в эту самую секунду из толпы выскочила маленькая девчонка лет пяти — босая, в перепачканном комбинезоне; она подбежала прямо к Элис, остановилась в двух шагах и уставилась на неё огромными любопытными глазищами.

— Ты кто? — звонко спросила малышка.

Элис от неожиданности даже растерялась.

— Я… я Элис.

— А я Лиза, — девчонка широко улыбнулась беззубым ртом. — Я спала очень долго, а теперь не сплю. Мне мама говорила, что я обязательно проснусь когда-нибудь, вот только сама мама не проснулась.

Элис опустилась на корточки, оказавшись с девочкой лицом к лицу.

— Ты совсем одна?

— Нет, вон тётя Катя, она меня к себе взяла, — Лиза махнула ручонкой куда-то в сторону, где у костра сидела женщина с опухшими от слёз глазами. — Тётя Катя хорошая и добрая, а вот эти дядьки злые, — добавила она, опасливо покосившись на здоровяка с автоматом.

Элис медленно подняла глаза: главарь пристально смотрел на них обеих, и что-то в его холодном, жёстком взгляде вдруг заметно дрогнуло.

— Ладно, не трогайте их, — буркнул он своим бойцам, — а дальше разбирайтесь сами.

С этими словами здоровяк развернулся и ушёл прочь, а Гром облегчённо выдохнул.

— Повезло, — тихо пробормотал он.

— Не повезло, — возразила Элис, поднимаясь на ноги и бережно беря девочку за руку. — Просто люди смертельно устали от смерти.

Они прошли в глубь лагеря: кто-то из выживших молча кивал им, кто-то настороженно отворачивался, а кто-то просто смотрел вслед пустыми глазами. Элис вела Лизу за собой, и малышка доверчиво не отпускала её ладонь.

— А ты красивая, как моя мама, — вдруг сказала Лиза.

Элис с трудом сглотнула подступивший к горлу ком.

— Спасибо.

— Ты останешься здесь или уйдёшь?

— Пока останусь.

— Вот и хорошо, а то тётя Катя всё время плачет, а я не люблю, когда плачут.

Они устроились у жаркого костра: Гром тяжело опустился на землю, прижимая ладонь к раненому боку, а Лион сел рядом с Элис. Маленькая Лиза забралась к ней на колени, пригрелась и уже через пять минут крепко спала.

— Видно, выспалась на всю жизнь вперёд, — тихо прошептала Элис.

— Или, наоборот, не выспалась, — негромко ответил Лион. — Она ведь только проснулась — впервые в жизни.

Элис с нежностью смотрела на спокойное детское личико, на припухшие губы и длинные ресницы, едва заметно вздрагивающие во сне.

— Лион, — прошептала она. — Мы дали им шанс, и теперь нужно сделать всё, чтобы они не проснулись в аду.

— Не проснутся, — твёрдо пообещал он. — Мы этого не допустим.

На лагерь постепенно опускалась ночь: вдалеке тоненько плакал ребёнок, у соседнего огня о чём-то глухо спорили мужчины, а женщины делили скудные остатки еды. Но их костёр ярко горел, Элис держала на руках спящую Лизу, и сейчас это казалось самым главным.

— Я слышал, в других секторах тоже люди есть, — вдруг сказал подошедший к огню мужчина, подбрасывая в пламя сухие ветки. — Говорят, совсем другие какие-то — не такие, как мы.

— И кто же это говорит? — сразу насторожился Лион.

— Да так, болтают всякое, мало ли что, — беспечно махнул рукой мужик и отошёл прочь.

Лион быстро переглянулся с Элис: в её тёмно-карих глазах мелькнула тревога, но она промолчала, лишь ещё крепче прижав к себе спящую девочку.

Где-то далеко за рекой, в густой ночной темноте, трижды мигнул странный свет — не живое пламя костра, а что-то совсем другое, ровное и явно электрическое.

— Дроны? — напряжённо спросила Элис.

— Не похоже, слишком уж низко для них, — отозвался Лион.

Они заворожённо смотрели на далёкие огоньки, и никто не решался произнести вслух то, о чём оба подумали, пока свет не погас так же внезапно, как и появился.

— Ложись спать, — негромко сказал Лион, — завтра во всём разберёмся.

Элис послушно кивнула, но ещё долго не сводила глаз с тёмного берега, где только что мелькали огни.

А утро началось с пронзительного крика.

Глава 18. Следы

«Они проснулись. Но проснулись ли они людьми?»
— надпись кровью на камне

Пронзительный крик разорвал утреннюю тишину. Элис вскочила первой, поспешно, но бережно спустив с коленей спящую Лизу — девочка сонно захныкала, однако Элис уже не слышала её, сломя голову бежала туда, откуда донёсся звук.

Лагерь просыпался в панике: люди выскакивали из самодельных шалашей, судорожно хватали детей и растерянно оглядывались по сторонам — кто-то кричал, кто-то плакал, а кто-то просто замер, уставившись в одну точку.

— Там! — Гром, уже поднявшийся на ноги, несмотря на рану в боку, показывал рукой в сторону леса. — Все туда!..

Они добежали до самой опушки и замерли: на сырой земле лицом вниз лежал тот самый здоровяк с перебитым носом, который ещё вчера угрожал им у реки. Он был мёртв — это стало понятно сразу по неестественному изгибу шеи и серому, землистому оттенку кожи.

— Кто это сделал? — выдохнул кто-то за спиной. — Дроны?

— Нет, — Гром присел на корточки и осторожно перевернул тело. — Глядите сами.

На шее здоровяка багровели глубокие синяки — чёткие отпечатки человеческих пальцев, намертво сжавших горло.

— Его задушили голыми руками, — глухо произнёс Гром.

— Одичавшие звери? — предположил Лион.

— Люди, — отрезал Гром и указал на примятую землю вокруг тела. — Посмотри на следы.

Земля вокруг тела была сплошь истоптана множеством босых, странных следов с неестественно широким шагом, которые тянулись в глубь леса и терялись в густых кустах.

— Сколько их было? — спросила Элис, напряжённо вглядываясь в отпечатки на сырой земле.

— Много, человек десять, а может, и больше, — глухо ответил Гром, поднимаясь на ноги и кривясь от острой боли в боку. — Они кружили вокруг нашего лагеря всю ночь, пока мы спокойно спали.

— Почему же тогда не напали? — нахмурился Лион.

— Не знаю — то ли выжидали чего-то, то ли просто присматривались.

Люди из лагеря торопливо подходили ближе, сбивались в тесную кучу и испуганно перешёптывались — страх расползался по берегу тяжёлой, липкой волной.

— Надо немедленно уходить отсюда! — выкрикнул кто-то из толпы. — Надо бежать!

— И куда ты побежишь? — резко оборвал его Гром. — Вокруг одни леса, и в любой чаще могут сидеть такие же.

— Что ещё за «такие же»? — переспросила Элис, но ей никто не ответил.

Гром быстро собрал поисковый отряд из десяти мужчин, у которых нашлось оружие, и Лион отправился вместе с ними. Элис осталась в лагере у реки — присматривать за детьми, ранеными и маленькой Лизой, которая крепко прижималась к ней и ни на шаг не отпускала.

— Не уходи, пожалуйста, — тоненько шептала девочка. — Там в лесу плохие дядьки.

— Я никуда не уйду, я здесь, — ласково ответила Элис, бережно гладя её по голове, хотя сама не отрывала тревожного взгляда от спин уходящих мужчин и думала о том же, о чём и остальные: кто же это мог быть?

Лес встретил отряд глухой тишиной. Гром уверенно шагал первым, внимательно читая следы, которые уводили всё дальше в чащу — через глубокие овраги, густой бурелом и холод-

ные ручьи. Тот, кто здесь прошёл, даже не пытался прятаться, а ломился напрямик, не разбирая дороги.

— Стой, — вдруг негромко скомандовал Гром, предупреждающе вскидывая руку.

Впереди, в пологой низине, виднелись какие-то постройки — не звериные логова, а человеческое жильё, сооружённое на скорую руку из веток и тряпья, с ещё дымящимся кострищем посередине.

— Лагерь, — выдохнул Лион.

— Вернее, был лагерь, — мрачно поправил его Гром.

Они осторожно спустились вниз и подошли ближе: стоянка оказалась пустой и явно брошенной в большой спешке — повсюду валялись вещи, было разбросано тряпьё, а зола в костре всё ещё хранила тепло. Кто-то ушёл отсюда совсем недавно, и ушёл очень быстро.

— Смотрите сюда! — вдруг позвал один из бойцов отряда.

В самом центре брошенного лагеря лежал большой плоский камень, на котором кровью были выведены кривые, дрожащие буквы: «ОНИ ПРОСНУЛИСЬ».

— Что это значит? — глухо спросил кто-то из бойцов.

Лион смотрел на багровую надпись и чувствовал, как по спине ползёт липкий холод — он сразу вспомнил старую книгу, рукописную схему на форзаце и координаты пяти других Ульев.

— Надо немедленно возвращаться, — резко бросил он. — Быстро!

Они мчались обратно, не разбирая дороги: ветер свистел в ушах, колючие ветки хлестали по лицу, но отряд не сбавлял шага. Лагерь у реки встретил их настороженной тишиной: Элис сидела у костра, крепко прижимая к себе маленькую Лизу, и, едва завидев Лиона, торопливо поднялась навстречу.

— Что вы там нашли?

— Пустой, спешно брошенный лагерь и свежую надпись кровью на камне: «Они проснулись».

— Но кто?

— Не знаю, однако это точно не наши.

Вечер опустился на берег стремительно: люди теснее жались к кострам, не решаясь сделать и шагу в сгущающуюся темноту. Гром выставил по периметру вооружённое охранение, но в глубине души каждый понимал, что если таинственные незнакомцы из леса решат напасть, никакие часовые не спасут.

Лион и Элис сидели у своего огня, а измученная страхом и слезами Лиза наконец крепко уснула у неё на руках.

— Лион, — едва слышно прошептала Элис. — Мне страшно.

Он повернулся к ней: в неровном свете костра её лицо выглядело смертельно усталым, но карие глаза по-прежнему горели тем же упрямым огнём, что и в первый день их побега.

— Чего именно ты боишься?

— Того, что мы разбудили не только своих, и что там, в лесу… — она тревожно кивнула в непроглядную темноту, — скрываются не совсем люди.

Лион промолчал, думая о том же самом — о пяти других Ульях, о загадочных «проснувшихся» и о зловещей надписи кровью на камне.

— Тогда мы будем будить остальных дальше и защищать тех, кто уже проснулся, — твёрдо произнёс он наконец. — Вместе.

Она посмотрела на него долгим, тёплым взглядом.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Элис молча протянула руку и сжала его пальцы — впервые за всё это время не ради поддержки и не для страховки, а просто так, чтобы чувствовать, что он рядом.

— Я никуда без тебя не пойду, — тихо сказала она. — Ты ведь знаешь?

— Знаю.

— И больше не надо никого терять: Костя, Женя, те двое парней… хватит.

— Хватит, — глухо согласился Лион.

Они замолчали, задумчиво глядя на живой огонь. В глубине лагеря тоненько плакал ребёнок, у соседнего костра негромко спорили мужчины, а чуть поодаль женщина тихо запела колыбельную — первую настоящую песню за долгие дни.

А в лесу, за самой границей света, неподвижно стояли тёмные тени — их было много, и они не нападали, а лишь молча и пристально наблюдали за людьми, пока одна за другой бесшумно не растворились в ночной темноте.

Лион словно кожей почувствовал чужой взгляд и резко обернулся, но увидел лишь чёрные стволы деревьев да глухую ночь.

— Что там? — встревоженно спросила Элис.

— Ничего, — помолчав, ответил он. — Наверное, просто показалось.

Однако в глубине души Лион точно знал, что ему не показалось: там, в непроглядной лесной чаще, кто-то затаился и ждал своего часа. Война вовсе не кончилась — она только начиналась.

Глава 19. Тишина

«Самое страшное — не крики. Самое страшное — тишина перед бурей»
— Гром

Утро выдалось тихим и светлым: солнце медленно поднималось над лесом, золотя верхушки деревьев, а густой туман над рекой постепенно таял, открывая тёмную, спокойную гладь воды, уходящую к самому горизонту.

Элис открыла глаза и несколько секунд просто лежала, задумчиво глядя в чистое небо, пока рядом, доверчиво прижавшись к ней, мирно спала Лиза и впервые за всё это время улыбалась во сне.

— Вставай, соня, — тихо шепнула Элис и осторожно высвободилась из детских объятий.

В лагере уже вовсю кипела жизнь: женщины разводили утренние костры, мужчины чинили самодельные укрытия, а дети с визгом и смехом носились между взрослыми. Одни таскали воду из реки, другие делили скудные остатки еды, а кто-то просто сидел у огня и с тихим удивлением оглядывался по сторонам, словно до сих пор не верил, что остался жив.

— Доброе утро, — негромко сказал Лион, подходя с кружкой дымящегося отвара из лесных трав. — Пей, говорят, отлично бодрит.

— И кто же это говорит?

— Местные знахари, — усмехнулся он. — Оказывается, тут целая наука — из ничего делать что-то полезное.

Элис взяла кружку и осторожно отхлебнула: отвар оказался горьковатым на вкус, но приятное тепло тут же разлилось по телу.

— Лиза всё ещё спит?

— Спит, пусть отдыхает.

Они стояли рядом, глядя на оживший лагерь: люди суетились, негромко переговаривались и даже смеялись — впервые за много дней на берегу не было слышно плача.

— Странно всё это, — задумчиво произнесла Элис. — Мы уничтожили целый город, погубили тысячи… а они смеются.

— Они выжили, — спокойно ответил Лион. — Этого вполне достаточно.

Элис спустилась к самой реке, чтобы набрать воды, освежиться и немного побыть одной, но у кромки берега уже сидела женщина лет тридцати с маленьким ребёнком на руках — мальчик лет двух сосредоточенно сосал палец и смотрел на течение круглыми глазами.

— Можно присесть? — спросила Элис, кивнув на свободный край берега.

— Садись, конечно, — женщина подвинулась. — Воды тут много, на всех хватит.

Элис опустилась на корточки, зачерпнула ладонями и плеснула в лицо: ледяная вода приятно обожгла кожу, окончательно прогоняя остатки сна.

— Ты откуда? — негромко спросила незнакомка.

— Из Улья, работала в лабораториях.

— А я из жилого сектора, — женщина говорила удивительно ровно, словно о самой обычной погоде. — Муж служил в техобслуживании: когда началась тревога, он успел вывести нас наружу, а сам… — Она на мгновение замолчала.

— Не успел вернуться?

— Вернулся внутрь за документами — твердил, что без них нас никуда не примут. Вот ведь идиоты мы были, правда? Кому нужны бумажки, когда целый мир рушится? — Она горько усмехнулась. — Больше я его не видела.

Элис промолчала — что тут вообще можно было сказать?

— А это Пашка, ему два годика, — женщина бережно кивнула на малыша. — Он ведь тоже спал в капсуле для малышей, и я уже думала, что он никогда не проснётся. А тут вдруг очнулся — кричит, есть просит, настоящий, живой! — Она вдруг светло улыбнулась, и в глазах у неё блеснули слёзы. — Представляешь, живой?

— Представляю, — тихо ответила Элис, глядя на мальчика, который перестал сосать палец и с серьёзным любопытством уставился на неё в ответ. — Очень красивый малыш.

— Весь в отца пошёл, — женщина смахнула слёзы тыльной стороной ладони. — Ладно, пойду я к кострам, а то там сейчас похлёбку варят — без меня всё растащат.

Она поднялась и ушла в сторону лагеря, а Элис ещё долго сидела у самой воды, глядя, как утреннее солнце поднимается всё выше над лесом.

— Ты чего тут застыл?

Гром лежал на спине, задумчиво глядя в чистое небо: рана в боку была аккуратно перевязана свежими бинтами — постарались лагерные женщины. Рядом сидел Лион и сосредоточенно чинил старую рацию.

— Думаю, — негромко ответил Лион, не отрываясь от мелких деталей.

— О чём?

— О нашем будущем.

Гром коротко хмыкнул.

— Будущее штука предельно ясная: либо выживем, либо сдохнем — чего тут особо думать?

— Не всё так однозначно.

— Для тебя, учёный, может, и сложно, а для меня всё просто, — Гром с усилием приподнялся на локтях, кривясь от острой боли. — Есть враг — его надо убить, есть свои — их надо защитить, вот и вся наука.

— А если враг — тоже свои? Что, если они такие же люди, просто… другие?

Гром посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Ты сейчас про тех, кто прячется в лесу?

— Про них.

— Не знаю, — Гром тяжело опустился обратно на спину. — Но если они посмеют тронуть наших — буду убивать, и мне глубоко плевать, люди они или нет.

Лион ничего не ответил. В этот миг рация у него в руках вдруг ожила и глухо зашипела, хотя голосов в эфире не было — только ровные помехи.

— Работает? — сразу насторожился Гром.

— Почти, — Лион осторожно покрутил колесико настройки. — Слышно какой-то сигнал, но очень далеко: может, другие лагеря, а может, и те, в лесу — пока не разобрать.

— Дай-ка сюда, — Гром взял рацию и прислушался. — Вроде пустота, но какой-то шорох на частоте идёт — значит, кто-то там точно есть.

Они обменялись тревожными взглядами, так и не решившись произнести вслух то, о чём оба подумали.

А вечером в центре лагеря развели большой костёр: кто-то притащил чудом уцелевшую старую гитару, найденную в развалинах соседней фермы, и седобородый дед, бывший инженер, бережно взял её в руки, подтянул ослабшие струны и вдруг заиграл. Люди вокруг замерли — тихая, простая довоенная мелодия поплыла над лагерем, над спокойной рекой и тёмным лесом, а кто-то даже начал несмело подпевать, пока остальные просто слушали, прикрыв глаза.

Элис сидела у костра, бережно прижав к себе Лизу, а девочка смотрела на живой огонь широко раскрытыми от восхищения глазами.

— Красиво, — прошептала она. — Что это?

— Песня, — тихо ответила Элис.

— А о чём она?

— О жизни — о том, что когда-то давно люди жили и любили друг друга.

Лиза немного помолчала, задумчиво глядя на пляшущие искры, а затем вдруг спросила:

— А ты меня любишь?

Элис на мгновение замерла, и сердце её пропустило удар.

— Люблю, — твёрдо сказала она, в ту же секунду осознав, что это чистая правда.

— А будешь моей мамой?

Элис посмотрела на неё — на это маленькое, доверчивое личико и на большие глаза, в которых плескалась робкая детская надежда.

— Буду, — мягко ответила она, — если ты сама этого хочешь.

Лиза счастливо улыбнулась во весь свой беззубый рот и доверчиво уткнулась носом Элис в плечо.

— Очень хочу.

Рядом присел Лион и осторожно положил ладонь Элис на колено.

— Всё хорошо? — негромко спросил он.

— Да, — она подняла на него глаза, блестевшие в отсветах костра. — Всё очень хорошо.

Они сидели втроём, прислушиваясь к негромкому перебору струн и тихому треску сухих дров: где-то далеко в лесной чаще выли одичавшие звери и мелькали тёмные тени, но здесь, в тёплом кругу огня, было светло и безопасно.

— Лион, — тихо позвала Элис.

— М?

— А что там, дальше, за этим лесом?

— Бескрайние леса, другие реки и другие люди.

— И остальные Ульи?

— И они тоже, — серьёзно кивнул он.

— Мы пойдём туда?

— Когда-нибудь обязательно, но не сейчас.

— А когда?

Он задумчиво перевёл взгляд с Элис на притихшую Лизу и раскинувшийся вокруг спящий лагерь.

— Когда они будут готовы — и когда к этому будем готовы мы сами.

Гитара наконец затихла, люди стали понемногу расходиться по своим шалашам, а большой костёр неспешно догорал.

— А я сегодня видел дяденьку в лесу, — вдруг звонко объявил пробегавший мимо мальчишка лет семи. — Он просто стоял за деревьями и смотрел на нас, а потом ушёл.

— Опять тебе всякое мерещится, — устало отмахнулась его мать. — Иди спать.

Элис тревожно переглянулась с Лионом: в его глазах мелькнуло беспокойство, но он промолчал, лишь придвинулся ещё ближе и крепко обнял её за плечи.

— Спи, — тихо шепнул он. — Завтра будет новый день.

И глухая ночь укрыла береговой лагерь той самой звенящей тишиной, которая всегда бывает перед бурей.

Глава 20. Не по крови

«Ты ей не мать. Не по крови. Но ты можешь стать ею. Если захочешь по-настоящему»
— женщина-лидер из леса

Элис проснулась от резкого утреннего холода и привычно потянулась в сторону, чтобы прижать к себе тёплое тельце и убедиться, что девочка рядом, но ладонь нащупала лишь пустоту — сбитое в сторону одеяло и холодную примятую траву.

— Лиза?

Элис рывком села, тревожно оглядываясь по сторонам: лагерь ещё крепко спал, большой костёр почти догорел, и лишь тлеющие угли отбрасывали тусклые красноватые блики на лежащих вповалку людей, укрытых старым тряпьём. Однако девочки нигде не было.

— Лиза! — Элис вскочила на ноги и в панике заметалась между спящими. — Лиза, где ты?!

Кто-то недовольно заворочался и глухо заругался спросонья, а Гром тут же приподнялся на локтях, щурясь со сна.

— Чего орёшь ни свет ни заря?

— Лизы нет! — голос Элис предательски сорвался. — Она пропала!

Гром мгновенно поднялся на ноги, словно напрочь забыв о раненом боке, подошёл и тяжело положил ладонь ей на плечо.

— Тихо, не паникуй раньше времени — может, отошла в кусты по нужде, сейчас вернётся.

— Нет! — Элис отчаянно вырвалась. — Я всё вокруг уже обшарила, её нигде нет!

К ним подбежал встревоженный Лион, на ходу застёгивая куртку.

— Что случилось?

— Лиза исчезла!

Лион быстро перевёл взгляд с Грома на пустое место у костра, а затем на мелкие, едва заметные следы, уходящие в сторону леса.

— Следы, — выдохнул он. — Она пошла туда.

Элис порывисто рванула к деревьям, но Лион успел схватить её за руку.

— Стой! Одна ты никуда не пойдёшь!

— Пусти меня!

— Вместе! — рявкнул он так резко, что она замерла на месте. — Мы пойдём только вместе, поняла?

Элис судорожно кивнула, хотя в её глазах всё ещё плескалась паника, а Гром тем временем уже вовсю будил мужчин.

— Подъём, собирайтесь! Все, кто может держать оружие, — за нами, остальные остаются охранять лагерь!

Через пять минут поисковый отряд — Гром, Лион, Элис и четверо бойцов с автоматами — углубился в лес, который встретил их настороженной, вязкой тишиной.

— Глядите, — Гром наклонился к примятой траве. — Тут много свежих следов.

— Она не одна ушла, — глухо произнёс Лион. — Её кто-то забрал.

Элис до крови закусила губу. Они шли по следу почти час, пока густой лес не начал понемногу редеть и впереди не показался светлый просвет; ещё несколько шагов — и отряд вышел прямо к небольшой временной стоянке с несколькими шалашами, костром и людьми. Это были те самые «чужие», что накануне приходили к реке, и среди них сидела Лиза.

Завёрнутая в чью-то старую куртку, девочка устроилась у самого костра и неторопливо пила что-то горячее из жестяной кружки, а рядом стояла та самая женщина-лидер — худая, с жёсткими, внимательными глазами, хотя сейчас в её лице не читалось никакой угрозы.

— Стоять на месте! — крикнул один из «чужих», резко вскидывая оружие.

Гром и его бойцы мгновенно ответили тем же, и в воздухе повисло густое, звенящее напряжение, готовое взорваться перестрелкой в любую секунду.

— Не стрелять! — властно крикнула женщина-лидер и шагнула вперёд, поднимая руки. — Не стрелять, я сказала!

Элис выступила из-за спин своих спутников, с трудом унимая дрожь во всём теле.

— Лиза! — позвала она. — Лиза, это я!

Девочка медленно подняла голову, посмотрела на неё долгим, странным взглядом — и даже не улыбнулась.

— Мы её не крали, — громко и спокойно произнесла женщина. — Она сама пришла к нам ночью и просто села у костра, а мы её и пальцем не тронули.

— Отдайте ребёнка, — глухо рыкнул Гром.

— Она не вещь, а живой человек, и сама решит, когда захочет уйти, — спокойно ответила женщина и отступила в сторону, освобождая проход, но Лиза осталась сидеть у костра.

— Лиза, — мягко позвала Элис, делая осторожный шаг вперёд. — Идём со мной, пожалуйста.

Девочка пристально смотрела на неё, и в неровном свете огня её маленькое личико казалось куда старше и серьёзнее своих лет.

— Ты не моя мама, — тихо произнесла она. — Ты хорошая, но не моя.

Элис почувствовала, как земля словно уходит из-под ног.

— Я знаю, — выдохнула она; голос заметно дрожал, но она заставляла себя говорить ровно. — Я знаю, Лиза: я не та мама, что была у тебя раньше, однако я очень хочу стать твоей мамой по-настоящему, если ты позволишь.

Лиза молчала долго, бесконечно долго, а затем медленно поднялась с кружкой в руках, подошла к Элис и остановилась всего в шаге.

— А ты не уйдёшь от меня, как та, первая?

— Никогда, — Элис опустилась на корточки, оказавшись с ней лицом к лицу. — Слышишь? Ни за что на свете я тебя не брошу.

Лиза прерывисто всхлипнула, жестяная кружка выскользнула из пальцев и упала в траву, расплёскивая остатки тёплого питья, и девочка порывисто бросилась Элис на шею, обхватив руками и прижавшись изо всех сил.

— Я так испугалась, — всхлипывая, шептала она, уткнувшись носом ей в плечо. — Мне вдруг показалось, что ты тоже уйдёшь, как она… Я не хотела убегать, просто испугалась…

— Тихо, тихо, маленькая, — Элис бережно гладила её по спине, чувствуя, как по собственным щекам текут горячие слёзы. — Я здесь и никуда не уйду.

Они стояли так прямо посреди поляны — между двумя вооружёнными отрядами, на тонкой грани между страхом и надеждой, — и никто не решался нарушить эту звенящую тишину. Наконец женщина-лидер неслышно подошла ближе.

— Девочка права, — негромко сказала она так, чтобы слышала только Элис. — Ты ей не мать по крови, но можешь стать ею, если захочешь этого по-настоящему.

— Хочу, — твёрдо ответила Элис, не поднимая головы.

— Тогда ступай и не оглядывайся.

Элис поднялась на ноги, крепко взяла Лизу за руку и направилась обратно к своим, где её ждал Лион, напряжённо сжимавший в руках оружие, хотя в глазах его светилось живое тепло.

— Идём домой, — негромко сказал он.

Они двинулись обратно через лес: Гром и его бойцы настороженно прикрывали отход сзади, но «чужие» не открыли огня и не бросились в погоню — они лишь молча смотрели им вслед.

В лагерь вернулись к вечеру. Лиза уснула у Элис на руках, едва они вышли из леса. Спала крепко, без снов – впервые за много дней.

— Ты как? — тихо спросил Лион, когда они устроились у костра.

— Честно говоря, не знаю, — призналась Элис. — Я думала, что навсегда потеряла её, а она… она просто испугалась.

— Дети всегда боятся, особенно такие, как она.

— Она сказала, что я не её мама.

Лион на секунду промолчал, глядя на огонь.

— И ведь она права, — глухо продолжала Элис. — Какая из меня мать? Я даже не представляю, каково это — быть матерью: я всю жизнь только эмбрионы в лаборатории растила, а они даже людьми-то не были, пока не проснулись.

— Теперь знаешь.

— Что именно?

— Что значит быть настоящей матерью — не той, что просто родила, а той, что никогда не бросит.

Элис подняла на него глаза: в мягком свете костра его черты казались спокойнее и добрее.

— Лион… — начала было она.

— Тихо, — он бережно сжал её ладонь. — Ты совсем вымоталась, отдохни немного, а утро само всё расставит по местам.

Она хотела возразить, но сил действительно не осталось, поэтому Элис только молча кивнула и доверчиво прижалась к его плечу, чувствуя, как сон наваливается тяжёлой, тёплой волной. Маленькая Лиза мирно спала у неё на руках, Лион обнимал их обеих, а шумный лагерь постепенно затихал. И хотя в ночном лесу за рекой снова замерцали далёкие загадочные огни, сегодня никто не хотел на них смотреть.

Глава 21. Перед бурей

«Они не злые. Они просто не знают, как быть людьми»
— Лиза

Три дня прошли в странной, тягучей тишине: лагерь у реки жил своей нехитрой жизнью — у костров варили похлёбку, мужчины укрепляли шалаши и частокол, а дети с визгом носились по берегу, — однако над всем этим висело невидимое, тяжёлое ощущение близкого ожидания.

— Они всё там же, — глухо сказал Гром, кивая в сторону тёмного леса. — И каждую ночь подходят всё ближе.

Лион сидел у костра, в сотый раз перебирая старую рацию: детали давно проржавели, но он упрямо пытался вытянуть из них хоть какой-то внятный сигнал.

— Сам их видел?

— Следы видел — каждое утро свежие, и с каждым разом всё ближе к нашему периметру.

— Почему же тогда не нападают?

— Выжидают чего-то или кого-то.

К костру подошла Элис с Лизой и усадила девочку рядом с собой: после той тревожной ночи в лесу они стали неразлучны, словно тень друг друга.

— Будете есть? — спросила Элис, протягивая им деревянные миски с горячей похлёбкой.

Лион взял еду, но почти не притронулся к ней, неотрывно глядя на стену деревьев.

— О чём задумался? — тихо спросила она, присаживаясь рядом.

— О том, что мы совсем не готовы: людей у нас мало, оружия почти нет, и если они решат ударить всерьёз…

— Не нападут, — вдруг спокойно сказала Лиза.

Все трое удивлённо посмотрели на неё.

— Это ещё почему ты так решила? — прищурился Гром.

Девочка пожала худенькими плечами, задумчиво глядя в языки пламени.

— Они не злые, они просто… не знают, как быть людьми.

Элис растерянно переглянулась с Лионом — странно было слышать такие взрослые слова от пятилетней малышки.

— Откуда ты это взяла? — мягко спросила Элис.

— Я сама их мельком видела в чаще, когда уходила ночью, и они меня даже не тронули, — серьёзно объяснила Лиза. — А ещё тот мальчик, что вчера прибежал в наш лагерь… Он ведь тоже от них сбежал и сам мне всё рассказал: они там все ведут себя как дикие звери, но совсем не со зла, а просто ничего не понимают.

— Кто именно не понимает? — мгновенно насторожился Гром.

— Проснувшиеся, — просто ответила Лиза. — Они спали слишком долго, а когда проснулись — напрочь забыли, как быть людьми, и теперь заново учатся.

Лион замер на месте, и разобранная рация выскользнула из его рук.

— Кто тебе это рассказал? — переспросил он севшим голосом.

— Мальчик, который вчера пришёл из леса — его зовут Егор, ему двенадцать лет. Он сбежал оттуда и говорит, что там очень страшно: они там все как маленькие дети, только огромные, сильные и совсем ничего не помнят.

— Где этот парень сейчас? — Гром уже резко поднялся на ноги.

— Спит вон там, — Лиза махнула ручонкой в сторону крайнего шалаша.

Гром тут же рванул туда, Лион бросился за ним, а Элис подхватила Лизу на руки и поспешила следом. В полумраке шалаша, с головой закутавшись в старое тряпьё, лежал мальчишка лет двенадцати — худой до прозрачности, с огромными испуганными глазами на бледном лице.

— Ты Егор? — негромко спросил Гром, присаживаясь на корточки.

Мальчик судорожно кивнул, глубже вжимаясь в подстилку.

— Не бойся, мы тебя не тронем, — мягко добавил Гром. — Расскажи лучше, откуда ты пришёл.

Егор сел, крепко обхватив колени руками, и заговорил тихо, сбивчиво, но его слова пугали своей беспощадной простотой:

— Мы из Улья номер четыре. Там всё вышло совсем не так, как здесь: у нас ничего не взорвалось, система просто… взяла и отключилась, и все проснулись разом — сразу тысячи людей.

— И что было дальше?

— А они совсем не знали, кто они такие — вообще ничего не знали, вели себя как малые дети, только злые и сильные. Сразу начали драться за еду, за воду, за место у стены: сильные убивали слабых, а слабые в ужасе бежали в лес.

— И ты тоже сбежал?

— Я ушёл вместе с мамой, — голос мальчишки предательски дрогнул. — Она долго меня прятала, а потом её… её убили за чёрствый кусок хлеба. Я бросился бежать, долго блуждал по лесу и наткнулся вот на этих, — он кивнул в сторону тёмной чащи. — Они тоже из Улья, только из другого — второго. Они вовсе не злые, просто до смерти боятся.

— Чего же они боятся?

— Что вы их перебьёте, что вообще все вокруг станут их убивать и что они так никогда и не научатся быть людьми.

В тесном шалаше повисла глухая тишина, нарушаемая лишь лёгким шелестом ветра по веткам крыши.

— Сколько их там собралось? — нахмурился Гром.

— Много — человек сто, а может, и больше. Они пришли сюда за вами не убивать, а просить помощи.

— Почему же тогда не выходят из леса?

— Боятся, — упрямо повторил Егор. — Вы все с оружием, вы для них чужие, а они даже разговаривать не умеют — только стоять и смотреть.

Лион вышел из шалаша первым, и Элис догнала его уже у главного костра.

— Ты ему веришь? — тихо спросила она.

— Верю, — он задумчиво смотрел на тёмную стену леса. — В той старой книге говорилось о шести Ульях: мы уничтожили один, но осталось ещё пять, и в каждом теперь тысячи людей, которые понятия не имеют, кто они такие.

— И что же нам делать?

Лион молчал долго, взвешивая каждое слово, а затем повернулся к ней.

— Идти к ним в лес и попробовать поговорить.

— Но это смертельно опасно!

— Сейчас опасно всё, — ответил Лион, крепко взяв её за руку. — Но если мы даже не попытаемся, они либо перебьют друг друга, либо рано или поздно придут и уничтожат нас — выбора у нас просто нет.

Элис пристально смотрела на него: в отблесках утреннего костра его лицо казалось высеченным из камня, однако глаза оставались прежними — живыми и настоящими.

— Я иду с тобой, — твёрдо сказала она.

— Я знаю.

На следующее утро Гром собрал отряд из десяти лучших стрелков лагеря, и Лион с Элис отправились вместе с ними. Маленькую Лизу оставили под присмотром лагерных женщин — девочка горько плакала, но Элис крепко обняла её и пообещала:

— Я вернусь, слышишь? Я ведь всегда возвращаюсь.

Отряд углубился в лес, шагая по узкой тропе туда, где по ночам мелькали загадочные огни.

— Будьте готовы к чему угодно, — негромко предупредил Гром.

Лес вокруг затаился и молчал, но в этой густой, напряжённой тишине уже физически ощущалось дыхание сотен людей, которые замерли в чаще и ждали.

Глава 22. Контакт

«Мы будем вашими. Навсегда. Потому что свои не бросают своих»
— Иван, Улей-2

Они шли через лес почти час: Гром уверенно вёл отряд вперёд, не сбавляя шага, хотя рана в боку снова начала кровоточить, и Лион видел, как он то и дело морщится от боли, но молчал — спорить с Громом было бесполезно. Элис шагала рядом, крепко сжимая в руке ржавый тесак Кости: ладонь давно вспотела, однако она не ослабляла хватку, ведь впереди их ждали те, кто мог оказаться как заклятыми врагами, так и союзниками — или чем-то третьим, чему у людей ещё даже не придумали названия.

— Стой, — вдруг негромко скомандовал Гром, предупреждающе поднимая руку.

Густой лес внезапно расступился: отряд замер на самом краю огромной поляны, и картина, открывшаяся перед ними, заставила всех оцепенеть. Повсюду находились сотни людей — старики, женщины и дети в грязной, изодранной одежде, с серыми лицами и пустыми глазами. Они сидели на земле, лежали в траве или бесцельно бродили по поляне — молча, словно бесплотные тени: одни машинально жевали древесную кору, другие отрешённо смотрели в небо, а третьи тихо раскачивались взад-вперёд, бормоча что-то неразборчивое себе под нос.

— Матерь божья… — сдавленно выдохнул кто-то из бойцов отряда.

— Вот они, — тихо произнёс Гром. — Проснувшиеся.

В самом центре поляны горело несколько костров, и у одного из них держалась обособленная группа людей — совсем не похожих на остальных: они стояли плечом к плечу, сжимая в руках тяжёлые палки и камни, и смотрели на пришельцев настороженно, но вполне осмысленно.

— Их вожаки, — тихо кивнул Лион. — Те, кто не потерял рассудок.

— Или те, кто сумел обрести его заново, — негромко добавила Элис.

От этой группы отделился высокий, худой мужчина с глубокими морщинами на измождённом лице, словно он прожил целых сто лет за последние несколько дней; подняв пустые ладони в знак мира, он медленно двинулся навстречу. Гром решительно шагнул вперёд, а остальные бойцы замерли на месте, готовые в любую секунду открыть огонь.

— Кто вы такие? — спросил мужчина, остановившись в пяти метрах; голос его звучал глухо и хрипло, будто им давно не пользовались.

— Мы из лагеря у реки, — спокойно ответил Гром. — Вы ночами приходили к нам, смотрели и чего-то ждали — вот теперь мы сами пришли к вам.

Мужчина медленно кивнул.

— Мы не знали, как подойти, потому что боялись.

— Чего же вы боялись?

— Всего на свете, — он горько обвёл рукой огромную поляну. — Они ведь больше не люди — точнее, люди, но напрочь забывшие себя. Мы и сами забыли, как разговаривать, как просить о помощи и как не убивать за кусок хлеба — я целых три дня заново учился складывать слова.

— Как тебя зовут? — мягко спросила Элис, выступая на полшага вперёд.

Мужчина посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом.

— Иван, — ответил он. — Раньше я был инженером в Улье номер два, а теперь просто Иван — помню только это.

— Послушай, Иван, — твёрдо произнесла Элис. — Нам самим очень нужна помощь, но и мы можем помочь вам.

— Чем?

— У нас есть еда, лекарства и знания, а главное — мы точно знаем, что вы ни в чём не виноваты.

Иван пристально вглядывался в её лицо, и в его глазах на глазах что-то менялось — там, где только что стояла мёртвая пустота, робко пробивался живой свет.

— Вы правда верите, что мы не виноваты?

— Правда.

Он тяжело кивнул, словно принимая окончательное решение.

— Тогда слушайте: с нами много детей, женщин и стариков, и мы не сможем далеко уйти отсюда — они просто не выдержат дороги. Но если вы дадите нам шанс… мы станем вашими навсегда.

Гром коротко хмыкнул.

— Нашими? Мы не банда, а просто люди, которые сумели выжить, — отрезал Гром.

— Значит, вы наши, — твёрдо повторил Иван, — потому что свои не бросают своих.

Элис вопросительно посмотрела на Лиона, и тот коротко кивнул.

— Мы поможем вам, — сказала она, — но и вы поможете нам.

— Чем?

— Нас всего горстка против целого мира, а вас — сотни: вместе мы сможем гораздо больше.

Иван обернулся к своим спутникам: те пристально смотрели на него, и в их глазах читалось то же самое чувство, что горело во взглядах Элис и Лиона — живая надежда.

— Идёмте, — позвал он, — я познакомлю вас с остальными.

Они зашагали через огромную поляну, лавируя между молчаливыми фигурами: люди оборачивались и смотрели им вслед, но не трогали — одни робко протягивали руки, словно прося милостыню, другие беззвучно плакали, а кто-то просто сидел в траве, отрешённо уставившись в землю.

— Их так много, — тихо прошептала Элис. — Невероятно много.

— И ведь это лишь один Улей, — глухо отозвался Лион, — а их было шесть.

Подойдя к центральному костру, они увидели небольшую группу тех, кто сумел сохранить рассудок: женщину с младенцем на руках, двоих мужчин с сильно обожжёнными лицами и худого парня лет восемнадцати, который не сводил восхищённых глаз с Элис.

— Вот наши, кто помнит себя, — пояснил Иван. — А остальные… они совсем как малые дети, и им придётся учиться всему заново — есть, пить, разговаривать.

— Мы обязательно их научим, — твёрдо пообещала Элис.

Они проговорили у огня до самого вечера, делясь пережитыми историями, страхами и надеждами. Иван рассказал, как в Улье номер два система рухнула сама собой, без взрыва, и тысячи растерянных людей вывалились наружу, совершенно не понимая, кто они и где оказались.

— Некоторые умерли почти сразу — даже не от голода, а от животного страха: просто ложились на землю и больше не вставали, — мрачно вспоминал он. — Другие в панике озверели, а третьи, вроде нас, изо всех сил пытались удержать рассудок, но получилось далеко не у всех.

— А те тени, что по ночам следили за нашим лагерем? — прищурился Гром.

— Это были мои разведчики — я посылал их присмотреться, боялся, что вы сразу откроете огонь, но вы не напали, и тогда я понял, что вы другие.

— Мы точно такие же, как и вы, — мягко возразила Элис. — Просто нам повезло чуть больше.

Иван отрицательно покачал головой.

— Дело не в везении: вы боролись с самого начала, а мы поначалу сдались, так что теперь будем учиться жить заново.

Когда над лесом окончательно сгустились сумерки, отряд засобирался в обратный путь: Иван твёрдо пообещал привести к лагерю у реки всех, кто способен идти сам, ровно через два дня, а самых слабых договорились переносить постепенно.

— Мы их не бросим, — твёрдо сказал Иван на прощание. — Ни одного человека.

— И мы не бросим, — пообещал Лион.

Отряд двинулся обратно в ночь, и тёмный лес окутал их непривычным покоем — теперь это была не враждебная, настороженная тишина, а глубокая, уставшая дремота. Элис шагала следом за остальными и всё думала о том, что увидела на лесной поляне — о сотнях потерявших себя людей и о том робком, но живом огоньке надежды, который вспыхнул в их глазах.

— Лион, — негромко позвала она. — Как думаешь, мы справимся?

— Должны справиться, — спокойно ответил он. — У нас просто нет другого выбора.

В лагерь у реки они вернулись уже далеко за полночь: маленькая Лиза мирно спала у костра, бережно завёрнутая в тёплое тряпьё. Элис опустилась рядом на землю и ласково погладила её по волосам — девочка тихо вздохнула во сне и едва заметно улыбнулась.

— Всё обязательно будет хорошо, — прошептала Элис.

Лион присел рядом и крепко обнял её за плечи.

— Откуда ты это знаешь?

— Не знаю, просто верю.

Они ещё долго сидели у тёплого костра, задумчиво глядя на пляшущие языки пламени, а позади, в глубине ночного леса, уже зажигались ответные сигнальные огни тех, кто теперь шёл к ним с миром. Война постепенно отступала, уступая место чему-то совершенно новому.

Глава 23. Навсегда

«Я люблю тебя, Элис. Не знаю, как это правильно говорить. Нас не учили. Но это правда»
— Лион

Утро встретило береговой лагерь непривычным шумом: Элис открыла глаза и не сразу поняла, что происходит — люди суетливо бегали между костров, громко перекрикивались, кто-то плакал от волнения, а кто-то растерянно смеялся. Она рывком вскочила на ноги, машинально схватила ржавый тесак — и замерла на месте.

Из лесной чащи на берег выходили они — сотни людей, которые медленно и осторожно двигались вперёд, крепко держась за руки и поддерживая друг друга. Впереди шагал Иван — смертельно уставший, но со светлой, открытой улыбкой на измождённом лице.

— Мы пришли, как и обещали, — громко произнёс он.

Гром уже стоял впереди с автоматом наперевес, однако стрелять не спешил: он пристально смотрел на это живое море людей — измождённых, перепачканных лесной грязью, но настоящих и живых — и задумчиво молчал.

— Гром, — тихо сказала Элис, подходя ближе. — Теперь это наши.

— Я знаю, — Гром медленно опустил автомат. — Просто… всё это пока непривычно.

Береговой лагерь мгновенно ожил: женщины поспешили навстречу пришедшим, неся воду, скудные запасы еды и чистое тряпьё для перевязок, а мужчины взялись помогать с установкой новых шалашей. Дети во все глаза разглядывали новичков — таких же худых и перепачканных, но с искренним, живым любопытством на лицах. Маленькая Лиза долго крутилась под ногами у взрослых, пока не отыскала Егора — того самого мальчишку, что первым прибежал из леса. Они немного постояли рядом, молча разглядывая друг друга, а затем Егор протянул ей тёплый кусок лепёшки.

— Держи, мама только что испекла.

— Какая мама? — удивилась Лиза.

— Новая, — просто ответил мальчик. — У всех нас теперь новые мамы.

К вечеру лагерь вырос почти вдвое: костры ярко горели по всему берегу, и люди сидели тесными кругами, делили еду, негромко разговаривали, плакали и смеялись одновременно.

Элис весь день помогала перевязывать сбитые ноги и старые раны, пока ближе к ночи буквально не свалилась с ног от усталости. Она опустилась на землю у огня и прикрыла глаза, но в ту же секунду почувствовала, что рядом кто-то присел — это был Лион. Он устроился напротив и протянул ей кружку с горячим травяным питьём.

— Ты как?

— Жива, — она устало усмехнулась. — Странно всё это, правда? Ещё месяц назад я сидела в стерильной лаборатории и растила эмбрионы, а теперь у меня целый лагерь живых людей.

— Не только у тебя, а у нас, — мягко поправил он.

Элис внимательно посмотрела на него: в тёплых отсветах пламени черты его лица заметно смягчились, а глубокая усталость словно стёрла привычные жёсткие линии, оставив лишь то настоящее, что всегда жило внутри.

— Лион, — негромко начала она. — Я давно хочу тебе сказать…

— Подожди, — он осторожно поднял ладонь. — Дай сначала мне.

Элис послушно замолчала.

— Я никогда не думал, что смогу встретить такого человека, — тихо заговорил он. — В Улье нас с детства учили, что любая привязанность — это слабость, системная ошибка и опасное отклонение, и я искренне в это верил, пока не встретил тебя.

— Лион…

— Дай договорить, — он смотрел прямо в языки пламени, не решаясь поднять на неё глаза. — Ты — единственное, что сохранилось во мне от живого человека: без тебя я так и остался бы сухим генетиком с формулой в голове, а рядом с тобой стал… сам не знаю кем, но кем-то настоящим.

Он перевёл на неё прямой взгляд, и в его глазах заблестели тёплые отблески костра — и что-то ещё, куда более глубокое.

— Я люблю тебя, Элис. Не знаю, как это правильно говорить, ведь нас этому не учили, но это чистая правда.

Элис молчала, и горячие слёзы свободно текли по её щекам, хотя она сама этого даже не замечала.

— Дурак ты, — выдохнула она наконец сквозь слёзы. — Настоящий дурак.

— Это ещё почему?

— Потому что я тоже люблю тебя — с того самого дня, как ты впервые подсел ко мне в столовой. Ты даже не представляешь, как долго я ждала, что ты это скажешь.

Лион улыбнулся — впервые за долгое время по-настоящему светло и открыто.

— Прости, что так долго решался.

— Прощаю, — она крепко сжала его ладонь. — Только больше никогда так не тяни.

— Не буду.

Они сидели у костра, не отрывая взгляда друг от друга: вокруг вовсю кипела вечерняя жизнь, звонко перекрикивались дети, негромко спорили взрослые, но для них двоих время словно остановилось.

— Эй, — вдруг раздался тоненький голос снизу.

Рядом стояла маленькая Лиза — совсем сонная, с забавно растрёпанными волосами.

— Вы чего тут сидите? Спать уже пора.

Элис тихо рассмеялась — впервые за много тяжёлых дней.

— Иди скорее сюда.

Она бережно подхватила девочку на руки и усадила между собой и Лионом; Лиза доверчиво прижалась к ней, сладко зевнула и прикрыла глаза.

— Вы теперь мои? — сонно пробормотала малышка.

— Твои, — тихо ответил Лион.

— Навсегда?

— Навсегда.

Лиза счастливо улыбнулась во сне и затихла, а Элис посмотрела на Лиона поверх её макушки.

— Навсегда, — негромко повторила она. — А ведь это надолго.

— Знаю, — он осторожно коснулся её плеча и притянул ближе. — Но рядом с тобой мне совсем не страшно.

Костёр постепенно догорал, и огромный береговой лагерь затихал: в ночной темноте негромко перекликались часовые, вдалеке тихонько всхлипнул во сне ребёнок и приглушённо засмеялись женщины, однако здесь, у тёплого огня, царили покой и тишина.

— Лион, — едва слышно прошептала Элис.

— М?

— Мы справимся?

Он медленно обвёл взглядом её лицо, мирно спящую Лизу, пляшущие угли костра и сотни людей, отдыхающих вокруг.

— Мы уже справляемся, — уверенно ответил он. — Вместе.

И тёплая летняя ночь бережно укрыла их своим звёздным покрывалом — самую обычную и самую счастливую ночь в их жизни.

Глава 24. Рассвет

«Спокойной ночи, мама»
— Лиза

Элис проснулась первой: первые солнечные лучи уже робко золотили верхушки деревьев, река дымилась лёгким утренним туманом, а в ветвях звонко перекликались проснувшиеся птицы. Огромный лагерь ещё крепко спал, и лишь редкие фигуры часовых неподвижно темнели на фоне светлеющего неба.

Рядом, доверчиво прижавшись к ней, мирно спала Лиза, а с другой стороны лежал Лион: во сне он слегка нахмурился, словно видел что-то тревожное, но рука его по-прежнему лежала на плече Элис, будто даже во сне он продолжал её защищать.

Элис смотрела на них и сама себе не верила: ещё месяц назад у неё не было вообще ничего, кроме стерильных пробирок с эмбрионами да равнодушного голоса Искина, а теперь рядом спали двое самых родных людей во всём мире.

— Ты уже не спишь? — тихо спросил Лион, даже не открывая глаз.

— Уже проснулась.

— Я тоже.

Он повернулся к ней и открыл глаза, которые в мягком утреннем свете казались светлее и добрее.

— О чём думаешь?

— О том, что нам удалось сделать — и о том, что будет дальше.

Лион сел, обхватив колени руками.

— Дальше надо строить новую жизнь: людей у нас теперь много, так что понадобятся тёплые дома, еда и надёжная защита.

— И школа, — негромко добавила Элис.

— Школа? — переспросил Лион.

— Конечно, детей ведь много: нужно учить Лизу и остальных читать, писать, считать — всему тому, чему когда-то не учили нас самих.

Лион усмехнулся.

— Ты уже рассуждаешь как настоящий лидер.

— Нет, я рассуждаю как мать.

Он посмотрел на неё долгим, тёплым взглядом.

— А это куда лучше.

Тем временем лагерь окончательно просыпался: у костров уже хлопотали женщины, раздувая огонь и доставая припасы, вдоль берега с весёлыми криками носилась детвора, а мужчины сходились группами, на ходу обсуждая дела на предстоящий день.

К их костру подошёл Гром — он всё ещё заметно прихрамывал, но уже уверенно шёл сам, даже без самодельного костыля.

— Живы? — бросил он вместо приветствия.

— Живы, — кивнул Лион.

— Вот и славно, работы у нас теперь невпроворот: Иван как раз своих пересчитал — двести тридцать семь душ, да плюс наши сто двадцать, итого почти четыреста ртов набегает.

— Прокормим, — уверенно сказала Элис. — Лес вокруг большой, река прямо под боком, так что всему научимся.

Гром глянул на неё с неподдельным уважением.

— Сильно же ты изменилась: раньше в пробирках эмбрионы растила, а теперь целый лагерь кормить собралась.

— Жизнь заставляет.

— Это уж точно, — он немного помолчал, оглядывая берег. — Ладно, пойду я — пора укрепления по периметру ставить, а то мало ли кто ещё из леса нагрянет…

— Те уже не придут с войной, — мягко перебила Элис. — Они все здесь, и теперь они наши.

Гром коротко хмыкнул, однако спорить не стал.

— Поживём — увидим.

Он ушёл к мужчинам, а Элис с Лионом ещё долго сидели у огня, глядя, как с каждой минутой оживает их новый мир.

Лиза проснулась, когда солнце поднялось уже высоко: она села на одеяле, сонно протёрла глаза кулачками и удивлённо уставилась на них обоих.

— А вы чего так рано не спите?

— Тебя ждём, — тепло улыбнулась Элис.

— А-а-а, — протянула Лиза, секунду подумала и серьёзно выдала: — Я есть хочу.

Они оба рассмеялись — легко, свободно и без всякой причины, просто потому, что наконец-то могли себе это позволить.

День пролетел словно один миг: Лион помогал мужчинам ставить новые шалаши, таскал тяжёлые брёвна и горячо спорил с Громом о расположении укреплений, а Элис вместе с женщинами разбирала припасы, показывая одним, как правильно сушить речную рыбу, а другим — как чинить порванную одежду.

К вечеру все буквально валились с ног от изнеможения, но это была добрая, живая усталость — та самая, после которой по-настоящему хочется жить дальше.

— Элис, — тихо позвала Лиза, когда они все вместе устроились у костра. — А что будет завтра?

— Завтра наступит новый день.

— И чем мы будем заниматься?

— Будем просто жить, строить дома и учиться.

— А ты научишь меня читать?

— Обязательно научу.

— А Лион научит стрелять?

Элис с улыбкой посмотрела на Лиона, и тот серьёзно кивнул.

— Научит.

— А Егор говорит, что там, за лесом, живут и другие люди — мы пойдём к ним?

Элис и Лион обменялись короткими, понимающими взглядами.

— Не сейчас, — мягко ответила она. — Когда ты немного подрастёшь, а мы все будем к этому готовы.

Лиза удовлетворённо кивнула, доверчиво прижалась к Элис и закрыла глаза.

— Спокойной ночи, мама, — сонно прошептала она.

— Спокойной ночи, дочка.

Лион бережно обнял их обеих: костёр тихо и ровно потрескивал, а огромный береговой лагерь постепенно засыпал. Где-то далеко, за самой линией горизонта, всё ещё мерцали чужие огни других Ульев, однако сегодня о них не хотелось даже вспоминать. Сегодня был их день — день, когда они наконец научились быть людьми.

Эпилог. 3079

«Улей-1, мы знаем, что вы живы. У нас есть предложение. Ответьте»
— голос из рации

Спустя полгода на том самом месте, где когда-то стоял временный лагерь, вырос настоящий посёлок: теперь здесь красовались добротные бревенчатые дома с крышами из коры и дёрна, в центре горел большой общий костёр, а дальше тянулись ухоженные огороды, загоны для скота и мастерские. Люди дружно работали и по-настоящему жили.

Элис сидела на деревянном крыльце своего дома и с улыбкой смотрела, как Лиза весело носится с соседскими ребятишками: за эти месяцы девочка заметно вытянулась и поправилась, щёки её округлились, тёмные волосы отросли до плеч, и теперь, почти в шесть лет, она уже уверенно читала по слогам.

— Мама, смотри! — звонко закричала Лиза, высоко поднимая что-то найденное в траве.

— Иди сюда, покажи.

Девочка подбежала и протянула на ладони необычный камешек с яркими блестящими вкраплениями.

— Очень красивый, — согласилась Элис. — Положи его в свою коробку с сокровищами.

— У меня уже полная коробка набралась!

— Значит, скоро понадобится вторая.

Лиза звонко чмокнула её в щёку и стремглав умчалась обратно к друзьям, а из дома на крыльцо вышел Лион, остановился рядом и тепло положил руку ей на плечо.

— Опять любуешься?

— Опять, — мягко улыбнулась Элис. — Никак не могу привыкнуть, что всё это — наше.

— Наше, — подтвердил он. — И ещё многих людей, но наше тоже.

Они немного помолчали, задумчиво оглядывая оживлённый посёлок, где на краю поляны Гром обучал мужчин стрельбе, чуть поодаль Иван с помощниками возводил сруб нового дома, а у реки женщины полоскали бельё, звонко смеясь и перекрикиваясь.

— Ты закончил чинить рацию? — негромко спросила Элис.

— Закончил, теперь работает.

— И есть какие-нибудь сигналы?

Лион на секунду помедлил с ответом.

— Есть — с других Ульев.

Элис сразу повернулась к нему.

— И что они передают?

— Пока ничего: молчат, идёт только ровный шум.

Она перевела взгляд на далёкий горизонт, где за тёмным лесом и пологими холмами лежал огромный незнакомый мир, которого они ещё не видели.

— Мы когда-нибудь пойдём туда?

— Обязательно, — Лион присел рядом на ступеньку, — когда дети подрастут, а мы все окончательно окрепнем.

— А если они придут сюда раньше?

— Тогда будем встречать.

Она взяла его за руку.

— Я с тобой.

— Я знаю.

В доме закипел чайник, и Элис поднялась со ступеньки, сладко потянувшись.

— Пойдём ужинать — Лиза наверняка опять голодная как волчонок.

Они уже собирались войти внутрь, когда стоявшая в доме рация вдруг ожила, протяжно зашипела, сухо щёлкнула, и холодный, лишённый всяких эмоций женский голос произнёс:

— Улей-1, мы знаем, что вы живы. У нас есть предложение. Ответьте.

Лион замер на месте, а Элис до побеления пальцев сжала его ладонь. Над крыльцом словно повисла глухая тишина: вдалеке всё так же звонко смеялись дети, Гром привычно покрикивал на мужчин, а у реки тихо пели женщины, но здесь, у самого порога дома, время остановилось.

— Лион, — негромко позвала Элис.

Он посмотрел ей прямо в глаза, но не увидел там ни капли страха — только спокойную, твёрдую готовность.

— Я обязательно отвечу, — сказал он, — но не сейчас.

— А когда?

Лион обернулся к горизонту, где в быстро сгущающихся сумерках уже зажигались далёкие первые огни.

— Когда они созреют для разговора, — он кивнул в сторону посёлка, где по-прежнему весело бегала Лиза, — и когда к этому будем готовы мы сами.

Элис понимающе кивнула, и они вместе вошли в тёплый дом. Рация больше не подавала голоса, однако там — за тёмным лесом, за широкой рекой и дальними холмами — неподвижно горели чужие огни: они не приближались, а просто молча ждали, и в этом безмолвном ожидании таилось нечто куда более тревожное, чем в любой открытой атаке.

Часть 2. Пробуждение

Глава 1. Последнее утро «Надежды»

«Надежда умирает последней. Потому что она самая живучая тварь»
— из дневника жителя Улья-7

Рассвет в посёлке встречали тишиной — не той звенящей тишиной мёртвых городов, а настороженной, когда любой шорох за спиной означает либо добычу, либо смерть.

Лион сидел на корточках у чахлого огорода и растирал пальцами землю, которая сухо рассыпалась серой пылью. Полгода они поливали грядки и удобряли почву тем, что осталось от разрушенного Улья — странная ирония, от которой у Лиона каждый раз сводило зубы, — но ростки всё равно тянулись вверх хилыми, скрюченными пальцами.

— Если так пойдёт и дальше, через месяц снова сядем на голодную пайку, — раздался глухой голос за спиной.

Позади стоял Гром — огромный, лысый, со шрамом через всю щёку и автоматом на плече; он лениво жевал травинку и смотрел на грядки без всякой надежды, просто констатируя горький факт.

— Знаю, — коротко ответил Лион, поднимаясь на ноги.

— Элис сказала, ты собираешься созвать совет.

Лион молча кивнул.

— Тогда пошли: народ уже чует неладное, я это как собака по запаху пота чую.

Совет собрали в самом просторном здании посёлка — старой довоенной бензоколонке, которую обшили досками и поставили внутри железную буржуйку. Набилось человек двадцать: одни расселись на деревянных ящиках, другие прислонились к стенам. Элис бережно прижимала к себе Лизу — за полгода девочка немного оттаяла и перестала вздрагивать от каждого громкого звука, хотя по ночам всё ещё порой просыпалась с криками. Гром привычно встал у самой двери, перекрывая выход.

Лион шагнул в центр комнаты и достал рабочую панель, которую местные мастера недавно сумели оживить и зарядить.

— Я молчал целых шесть месяцев, потому что искал ответы, — негромко начал он. — Думал, если мы спрячемся здесь и построим стены, нас никто не тронет, но я ошибался.

Он развернул светящийся экран к собравшимся, показав перенесённую из старой книги карту с шестью яркими точками.

— Мы жили в Улье-7, и я сам долго думал, что это просто город-тюрьма, но это не так — это был завод, — глухо произнёс Лион. — Нас перерабатывали в удобрение, потому что почва мертва вся, понимаете? Не только здесь вокруг, а на всей планете.

В комнате повисла такая плотная тишина, что стало отчётливо слышно, как потрескивают дрова в железной буржуйке.

— Помимо нашего, в сети осталось ещё пять Ульев, — продолжал Лион. — Наш запуск ключа вызвал у них сбой, но главные системы продолжают работать, и теперь, когда наш комплекс уничтожен, нагрузка на остальные выросла в разы: они начнут перерабатывать людей ещё быстрее, потому что им нужна биомасса для растений, очищающих воздух. Если мы ничего не предпримем…

— То все попросту сдохнем, — мрачно закончил Гром. — Красиво и со всеми научными пояснениями. Вопрос только один: что ты предлагаешь?

Лион ткнул пальцем в ближайшую отметку на светящейся карте.

— Улей-4 — четыреста километров строго на восток: там либо сохранились ответы, либо находится центральный пульт управления всей этой мясорубкой.

— Так ты хочешь уйти? — негромко спросила пожилая женщина, которую в посёлке все звали тётей Зиной и которая изо дня в день пекла лепёшки из той самой чахлой серой муки. — Бросить нас здесь?

— Я ухожу не для того, чтобы кого-то бросить, — твёрдо ответил Лион, — а чтобы вернуться и точно сказать, как нам жить дальше — или куда бежать, если эту машину вообще невозможно остановить.

В комнате поднялся тревожный гул: одни кричали, что это чистое самоубийство, другие обвиняли Лиона в том, что он просто решил сбежать от общих проблем. Тогда со своего места поднялась Элис.

— Хватит, — тихо, но властно произнесла она.

Люди мгновенно притихли: Элис говорила редко, но когда брала слово, её слушали все — слишком многие помнили, как она на себе вытаскивала раненых из рухнувшего Улья.

— Лион пойдёт не один — я отправляюсь с ним.

Маленькая Лиза испуганно дёрнулась и обеими руками вцепилась в ладонь Элис.

— Мама, не надо!

Элис опустилась перед ней на корточки и бережно взяла лицо девочки в ладони.

— Я обязательно вернусь, обещаю, а пока ты останешься с Громом — он за тебя любому глотку перервёт. Правда ведь, Гром?

Гром коротко хмыкнул, хотя в его жёстких глазах мелькнуло что-то по-настоящему тёплое.

— Присмотрю, не сомневайся.

Лион обвёл внимательным взглядом притихших собравшихся.

— Нам понадобятся трое добровольцев — тех, кто хорошо умеет стрелять и не теряет голову в замкнутых пространствах, а остальные будут держать посёлок. Если мы не вернёмся ровно через два месяца, собирайтесь и уходите на запад, в горы — говорят, там живут люди, которые никогда не сидели в Ульях.

В комнате повисла тяжёлая тишина, пока вперёд не шагнул тощий парень лет двадцати с глубоко обожжённой щекой — Павел, который молчал всю дорогу после падения Улья, но в недавних стычках с мародёрами показал себя настоящим зверем.

— Я пойду, мне всё равно терять нечего.

— И я тоже.

Все разом обернулись: у самой стены стояла спокойная девушка с холодными глазами, которую Лион прежде видел в посёлке лишь пару раз — Марина, бывшая медсестра из соседнего города.

— Если то, что ты сказал про удобрения, правда, я хочу знать, за что погиб мой муж, — ровно произнесла она. — Он ушёл в первой партии.

Лион выждал несколько секунд, но больше никто из собравшихся не решился сделать шаг вперёд, и он утвердительно кивнул.

— Значит, идём вчетвером: я, Элис, Павел и Марина, а Гром остаётся здесь за старшего.

Гром только дёрнул рассечённой щекой, но спорить не стал — лишь подошёл вплотную к Лиону и твёрдо ткнул его пальцем в грудь.

— Верни её — обеих верни, понял?

Лион молча кивнул.

Сборы заняли совсем немного времени: они упаковали сухой паёк на неделю, патроны, аптечку, бумажные карты и фонари, а Лион напоследок перепроверил рабочую панель — батареи должно было хватить ещё дня на три, но он рассчитывал отыскать подзарядку уже в Улье-4.

На прощание маленькая Лиза подбежала к Элис и сунула ей в ладонь старого плюшевого зайца — изрядно обгоревшего с одного бока, но аккуратно, бережно зашитого детскими стежками.

— Это чтобы ты обязательно вернулась.

Элис с трудом сглотнула подступивший к горлу ком, на миг прижала игрушку к груди, а затем протянула Лиону.

— Пусть лучше лежит у тебя — так мне будет спокойнее.

Лион молча спрятал зайца во внутренний карман куртки.

Они вышли за ворота посёлка на самом рассвете, когда солнце едва поднялось над горизонтом, окрашивая низкое серое небо в мутный грязно-розовый цвет. Гром долго смотрел им вслед, тяжело положив ладонь на макушку Лизы, а девочка даже не заплакала — лишь упрямо сжала зубы точь-в-точь так, как это всегда делала Элис. Спустя час посёлок окончательно скрылся за пологими холмами, и впереди перед ними раскинулась мёртвая земля, брошенные города и далёкий Улей-4.

Глава 2. Мёртвая зона

«Земля не помнит тех, кто на ней вырос. Она помнит только тех, кто в неё лёг»
— Народная мудрость 3075 года

Они шли уже шесть часов: солнце поднялось высоко, но почти не грело — лишь беспощадно высасывало последнюю влагу из потрескавшейся, высохшей земли. Вокруг до самого горизонта простиралось поле, которое когда-то золотилось спелой пшеницей, а теперь торчало серой щетиной мёртвых стеблей, похожих на остриженные головы узников перед отправкой на переработку. Лион поймал себя на этом мрачном сравнении и невольно поморщился.

— Возьми воду, — негромко сказала Марина, протягивая ему флягу.

Он сделал пару глотков — вода оказалась тёплой, с неприятным металлическим оттенком, каким теперь отдавало любое питьё на поверхности.

— Сколько ещё идти до темноты? — спросила Элис.

— Километров пятнадцать, — ответил Павел, сверившись со старой картой. — Вон за тем пологим холмом должна стоять деревня: если там не всё выгорело, устроимся на ночлег.

Отряд двинулся дальше. Лион шагал чуть позади остальных, опустив глаза под ноги: каждый шаг поднимал облачко сухой серой пыли, которая густо оседала на штанах и ботинках и саднила в лёгких.

И вдруг он словно провалился — не в дорожную яму, а в собственную память.

Десять лет назад, когда Лиону было пятнадцать. Он стоит по колено в высокой, сочной, по-настоящему зелёной траве, которая щекочет босые ноги, а в тёплом воздухе пахнет так, что слегка кружится голова — душистым мёдом, цветочной пыльцой и прогретой солнцем землёй.

— Не отставай! — окликает его отец, шагающий впереди с широкой спиной, седыми волосами до плеч и потрёпанным рюкзаком, набитым стеклянными пробирками.

Такова была их летняя традиция: каждый год они вдвоём уходили в поля. Отец, старый биолог ещё из тех, кто застал «чистое время», бережно собирал образцы живой почвы, редких трав и насекомых, повторяя, что однажды всё это непременно пригодится.

— Гляди сюда, — отец приседает на корточки и подзывает Лиона рукой. — Видишь?

Лион наклоняется ближе: в густой траве деловито копошатся чёрные, блестящие жуки с фиолетовым отливом.

— Навозники, — улыбается отец. — Они землю чистят, сами перерабатывают отходы в плодородный гумус. Понимаешь, сын? Природа сама знает, как создавать удобрение — ей для этого не нужны никакие заводы.

Он зачерпывает пригоршню тёмной, жирной, рассыпчатой земли.

— Вот это и есть жизнь, запомни этот запах: пока на свете есть такая земля, у людей остаётся будущее.

Лион с шумом втягивает воздух полной грудью — глубоко, до лёгкой рези в груди.

— Не забуду, пап.

Отец тепло улыбается и ласково треплет его по макушке.

— Ты вырастешь и станешь учёным — куда лучше меня — и обязательно сбережёшь всё это. Обещаешь?

— Обещаю.

Лион резко споткнулся о сухой комок глины и едва не рухнул лицом в пыль.

— Ты чего? — Элис успела подхватить его под локоть.

— Всё в порядке, — хрипло выдохнул он. — Просто задумался.

Он опустил взгляд на свою ладонь — в ней всё ещё был зажат сухой комок серой пыли. Лион машинально сжал пальцы, и пыль тонкой струйкой просыпалась сквозь них, тут же унесённая сухим ветром: ни единого жука, ни червяка, вообще ничего живого.

— Лион? — тревожно позвала Элис, вглядываясь ему в лицо.

Он медленно поднял на неё глаза.

— Я обещал отцу сберечь всё это, а теперь даже не знаю, где лежат его кости.

Элис молча и крепко взяла его за руку.

— Ты пытаешься спасти то, что ещё можно спасти — и это сейчас главное.

С гребня холма их негромко окликнул Павел:

Судя по покосившемуся указателю, валявшемуся в дорожной пыли, деревня когда-то называлась «Берёзки». Некогда здесь стояли пять домов, крепкий сарай и колодец, но теперь от изб остались лишь чёрные обугленные остовы, сарай давно завалился набок, а колодец зиял пустой чёрной дырой без всякого намёка на воду.

— Никого живого, — негромко сказала Марина, заглянув в ближайшие развалины.

— Или уже никого не осталось, — мрачно отозвался Павел, кивая на примятую пыль у колодца.

Отпечатки были совсем свежими — звериные лапы размером с крупную собаку, но с куда более длинными, глубоко врезавшимися в землю когтями.

— Псы, — уверенно определил Павел. — Одичавшие, мутировавшие, обычно целыми стаями ходят.

— Заночуем вон в том доме, — Лион указал на строение, где ещё держались половина крыши и одна капитальная стена. — Сухие дрова на растопку найдутся, а запас воды у нас свой. Выставляем ночное дежурство, первая смена — твоя, Павел.

Павел молча кивнул. Спустя полчаса они развели огонь в старой печке-буржуйке, которую чудом не выдрали мародёры, и молча поужинали сухим пайком, запивая его тёплой водой из фляг.

За тонкой стеной глухо зашумел ночной ветер, а следом к нему примешался совсем другой звук — низкий, голодный, леденящий душу вой, раздавшийся совсем рядом.

— Псы, — одними губами выдохнул Павел, мгновенно вскидывая автомат.

Лион тут же прижал Элис к капитальной стене, а Марина выхватила нож. Зловещий вой повторился уже ближе, а через секунду ему ответил второй — с противоположной стороны двора.

— Целая стая, — сквозь зубы процедил Павел. — Обходят нас.

Первый удар в дверь оказался такой силы, что старые доски угрожающе треснули.

— Отойдите от стен! — крикнул Павел.

После второго удара одна из досок с треском вылетела наружу, и в образовавшуюся щель сунулась огромная серая морда с горящими жёлтыми глазами, из пасти которой капала густая слюна, смешанная с чем-то тёмным — пёс был крупнее матёрого волка, шерсть висела грязными клочьями, а прямо из-под кожи торчали острые костяные наросты.

Лион выстрелил первым, и пуля вошла твари точно в глаз: морда исчезла, за стеной раздался пронзительный визг, но на смену сразу обрушились новые тяжёлые удары — в дверь, в трухлявые стены и в заколоченное окно.

— Их там десятка два! — крикнула Марина, мельком выглянув в щель.

— Печка! — рявкнул Павел. — Не дайте огню погаснуть!

Элис схватила охапку сухих дров и бросила в топку: сноп искр взметнулся до самого потолка, пламя загудело ярче, однако озверевших тварей это ничуть не остановило. Трухлявое окно разлетелось вдребезги, и в проём полезла сразу пара псов: Павел срезал их короткой очередью, но в комнату посыпались щепки и пыль, а оглушительный вой за стенами стал совершенно невыносимым.

— Их слишком много! — крикнула Марина, перезаряжая пистолет дрожащими руками.

Лион лихорадочно соображал: хлипкая дверь вот-вот рухнет, ветхие стены держатся на честном слове, и если стая ворвётся внутрь, в тесном пространстве у них не останется ни единого шанса.

— Надо прорываться к сараю! — перекрикивая грохот, бросил он. — Там хоть каменный пол и крепкая кладка, можно держать оборону!

— До сарая пятьдесят метров по открытому пустырю! — возразила Элис.

— А здесь нас сожрут через пять минут!

Павел перевёл взгляд с них на дверь, которая уже ходила ходуном под ударами, а затем посмотрел на свой автомат.

— Я их задержу.

— Что? — Лион шагнул к нему. — Нет, мы пойдём вместе…

— Ты нужен им живым, — спокойно, даже буднично перебил Павел. — Мне и так терять нечего, я же сразу говорил, а этим двоим есть ради кого возвращаться. Давай, командуй отход.

Он твёрдо подошёл к двери и вскинул автомат.

— Павел, — Элис порывисто шагнула было к нему, но он отрицательно мотнул головой.

— Идите бегом: я продержусь минуту, от силы две.

Лион хотел возразить, но заглянул в глаза Павла и замер — там не было ни капли страха, лишь смертельная усталость и какая-то странная, светлая лёгкость.

— Спасибо тебе, — только и выдохнул Лион.

— Быстро!

Лион крепко схватил Элис за руку, Марину за плечо и рванул к задней стене, где чернело небольшое окно: они на ходу выбили гнилую раму рукоятями пистолетов и вывалились наружу. Сзади грохнула длинная автоматная очередь, за ней ещё одна, и яростный вой псов стал ещё злее. Они бежали к каменному сараю, не оглядываясь: часть стаи заметила беглецов, однако Павел беспощадно косил тварей одну за другой, стоя в дверном проёме неподвижно, словно каменный идол.

Когда Лион ввалился в сарай и обернулся, дома уже почти не было видно за копошащейся серой массой звериных тел. Автоматная очередь внезапно стихла, затем прозвучала ещё одна — совсем короткая, последняя, — а спустя секунду грохнул оглушительный взрыв такой силы, что Лиона сбило с ног, а крепкие стены сарая заходили ходуном.

Когда густая пыль немного осела, на месте дома зияла чёрная воронка: Павел подорвал гранату, поняв, что патроны кончились, и немногие уцелевшие псы с жалобным визгом разбегались в темноту. Над развалинами повисла глухая, звенящая тишина.

Элис смотрела на дымящуюся воронку широко раскрытыми глазами.

— Он же… он даже не крикнул, — едва слышно прошептала Марина. — Просто взял и сделал.

Лион молчал: в ушах всё ещё противно звенело, а кулаки он сжал так сильно, что ногти впились в ладони.

— Похороним его утром, — глухо произнёс он наконец, — если там вообще останется что хоронить.

Они просидели в холодном сарае до самого рассвета, и никто за всю ночь так и не сомкнул глаз. Утром среди обломков удалось отыскать лишь искорёженные куски автомата да чёрную землю, насквозь пропитанную кровью — и Павла, и псов. Лион молча собрал в горсть стреляные гильзы и аккуратно завязал их в чистую тряпицу.

— Когда вернёмся, отдадим Грому — пусть знает, какого парня мы потеряли.

Элис тихо обняла его за плечи.

— Он сам знал, на что шёл.

— От этого ничуть не легче.

Марина стояла чуть поодаль и пристально смотрела на восток.

— Улей-4 там? — негромко спросила она.

— Там, — кивнул Лион.

— Тогда пошли: Павел погиб не для того, чтобы мы тут зря стояли.

И они двинулись дальше уже втроём, но тихая память о четвёртом неслышно шагала рядом с ними.

Глава 3. Город-призрак

«В каждом городе есть призраки. Просто в мёртвых городах они не прячутся»
— Лион

Целых два дня они шли почти молча: Павел остался позади, в чёрной воронке среди мёртвого поля, однако его незримое присутствие ощущалось в каждом взгляде, которым обменивались Лион, Элис и Марина — слишком мало их стало, и слишком громкой казалась теперь тишина.

На третий день впереди наконец показались серые высотки. Город назывался Зеленогорск: когда-то в нём жило тысяч сто, а может, и больше, но теперь он торчал из земли ржавым скелетом — обгоревшие многоэтажки, покосившиеся фонарные столбы и перевёрнутые остовы машин, сквозь которые давно проросли сорняки. Это были очень странные растения, и Лион заметил подвох сразу: их зелень отдавала неестественной синевой, а мясистые стебли толщиной в палец тянулись к небу, словно щупальца.

— Стойте, — негромко предупредил он, поднимая руку.

Присев на корточки, Лион достал перочинный нож и осторожно срезал один стебель: из разреза тут же потекла густая белая жидкость, похожая на молоко, но с резким, едким химическим запахом.

— Что это такое? — настороженно спросила Марина.

— Понятия не имею, однако в чистой природе подобное точно не растёт.

Он аккуратно убрал срезанный образец в пустую пробирку из походной аптечки, взяв за правило собирать всё необычное — где-то в глубине души теплилась надежда, что разгадка всей этой катастрофы сложится из мелких деталей.

— Пойдём через центр или в обход? — спросила Элис, вглядываясь в карту.

— В центре вполне может ждать засада, — ответил Лион, — но в обход потеряем лишних полтора дня, а вода у нас уже на исходе.

— Тогда идём напрямик через центр, — твёрдо решила Марина, — постараемся проскочить быстро и лишний раз не высовываться.

Они углубились в мёртвый город, и первый час прошёл в абсолютном, настороженном безмолвии.

Они шли по широкому проспекту, осторожно лавируя между ржавыми остовами машин: пустые витрины магазинов зияли чёрными дырами, из которых тянуло затхлой сыростью и гнилью, а над головой со скрипом раскачивались вывески, готовые рухнуть от любого порыва ветра. Лион поймал себя на том, что смотрит по сторонам уже не как учёный, а как затравленный зверь — выискивая малейшее движение, звук или скрытую угрозу.

— Слышишь? — едва слышно шепнула Элис.

Он мгновенно замер: где-то впереди, за ближайшим поворотом, отчетливо звучали человеческие голоса — люди не шептались, а спокойно переговаривались, словно сидели на кухне за чашкой чая. Лион вжался в облупившуюся стену и осторожно выглянул за угол.

Перед ним раскинулась бывшая центральная площадь: когда-то в её центре бил фонтан, от которого теперь осталась лишь груда битого камня, а вокруг него расположились шестеро грязных, вооружённых до зубов мужиков. У одного из них на коленях сидела женщина в лохмотьях — явно не местная и точно пленница, застывшая с пустым, отрешённым взглядом в одну точку.

— Сталкеры, — сдавленно выдохнула Марина, повидавшая таких ещё в своём родном городе. — Обычные мародёры, они охотятся на выживших.

— Надо обойти их стороной, — прошептала Элис.

— Не выйдет, — Лион кивнул на разрушенные здания. — Площадь — единственный сквозной проход, а справа и слева улицы наглухо перекрыты завалами, не пролезть.

— Значит, придётся принимать бой?

Лион критически оценил их скудный арсенал: всего два пистолета да один укороченный карабин за плечом — против шести стволов, среди которых виднелись дробовик и ручной пулемёт, шансов в открытой перестрелке не было никаких.

— Не воевать, а отвлекать, — твёрдо решил он.

Марина вышла из укрытия первой: она шагала прямо по центру площади, даже не пытаясь прятаться, с поднятыми вверх руками и раскрытыми ладонями — бледная, но внешне совершенно спокойная.

— Эй! — гаркнул один из мародёров, вскакивая на ноги. — Стоять на месте!

— Я совсем одна! — громко крикнула Марина. — Мне нужна помощь, я ранена!

Она чуть опустила левую руку, демонстрируя свежий окровавленный бок — неглубокий порез, который она сама полоснула себе ножом минутой раньше, но который со стороны выглядел пугающе. Бандиты быстро переглянулись, и здоровяк с дробовиком хищно осклабился.

— Ну иди сюда, красавица, сейчас поможем.

Марина сделала ещё несколько медленных шагов к центру, а за её спиной, из-за разбитой витрины, Лион и Элис бесшумными тенями скользнули вдоль кромки правого завала, огибая площадь в сторону дальней улицы.

Марина сделала ещё один медленный шаг вперёд, затем ещё один.

— А ты точно одна? — подозрительно прищурился главарь.

— Совсем одна: моего мужика псы загрызли позавчера.

— Повезло ему, — грубо хохотнул кто-то из банды.

Главарь поднялся с камня и подошёл к Марине — крупный, широкоплечий, с потёртыми нашивками на куртке; он остановился в двух метрах и жадно оглядел её с головы до ног.

— Хороший товар, — одобрительно кивнул он своим. — Вяжите её.

Как только двое мародёров двинулись к Марине, Лион выстрелил первым. Пуля угодила главарю в плечо — Лион целился в голову, но в последний миг рука предательски дрогнула. Главарь глухо взревел и рухнул на колени, а в ту же секунду Элис открыла огонь с противоположного фланга. На площади началась паника: мародёры заметались, не понимая, откуда ведут обстрел, а Марина мгновенно упала на потрескавшийся асфальт, прикрыв голову руками, пока над ней со свистом проносились пули.

Лион точным выстрелом снял ещё одного бандита, Элис уложила третьего, а оставшиеся трое бросились бежать к зданию напротив, но Лион уже вскинул укороченный карабин и пустил длинную очередь поверх их голов.

— Бросайте стволы! — заорал он. — Бросайте, или следующая очередь пойдёт в спину!

Двое покорно швырнули оружие на землю, а третий рванул дальше к подворотне, и Лион выстрелил ему в ногу — беглец протяжно заорал, рухнул на камни и заскрёб пальцами по пыли. Над площадью повисла звенящая тишина.

Лион вышел из-за укрытия, держа уцелевших мародёров под прицелом.

— Элис, проверь пленницу!

Элис быстро подбежала к женщине, которая сидела всё так же неподвижно, даже не вздрогнув во время перестрелки.

— Эй, ты в порядке? — мягко спросила Элис, осторожно тронув её за плечо.

Женщина медленно повернула голову: взгляд её был пустым и остекленевшим, на шее багровели глубокие синяки, а запястья сжимали тёмные следы от грубых верёвок.

— Она… она сейчас не здесь, — тихо сказала подошедшая Марина. — У неё глубокий шок, нужно срочно уводить её отсюда.

— А с этими что делать? — Элис кивнула на пленников.

Лион мрачно оглядел поверженную банду: раненый главарь завалился на бок у фонтана, двое сидели на коленях с поднятыми за голову руками, а четвёртый корчился на асфальте, зажимая простреленную ногу.

— Вы откуда взялись? — жёстко спросил Лион.

— Оттуда, — угрюмо огрызнулся один из коленопреклонённых, мотнув головой куда-то на восток. — Из-под Улья-4.

Лион мгновенно напрягся.

— Что вы знаете про Улей-4?

— А ты ещё кто такой, чтобы меня допрашивать?

Марина молча шагнула вперёд и без замаха ударила мародёра ботинком в лицо: тот тяжело рухнул на асфальт, и из разбитого носа хлынула тёмная кровь.

— Отвечай, когда тебя спрашивают, — ледяным тоном произнесла она.

— Там… там большая база, — поспешно затараторил второй. — Учёные там сидят, в белых халатах, и они людей берут за еду и за патроны — мы им пленников таскали, а они нам жратву выдавали.

— Каких ещё пленников?

— Разных, кого удастся поймать — говорят, им для каких-то опытов надо.

Лион быстро переглянулся с Элис.

— Для опытов, — едва слышно повторила она.

— Сколько дней пути до Улья?

— Дня три, если идти напрямик, но вокруг сплошные патрули, и автоматика бьёт без предупреждения.

— Что будем с ними делать? — спросила Марина, кивнув на уцелевших бандитов.

Лион перевёл взгляд с пленных на измученную женщину, которую те держали словно бессловесную скотину.

— Свяжите их и оставьте здесь без оружия и без воды, — жёстко решил он. — Если выживут — значит, бог и правда есть.

— Ты не бог, чтобы нас судить, — зло прохрипел главарь, корчась на земле.

— Знаю, — спокойно ответил Лион. — Но сегодня я — тот, у кого в руках карабин.

Они быстро собрали подходящие трофейные патроны, забрали две полные фляги с водой и покинули площадь, уводя с собой освобождённую пленницу. Звали её Анна: в себя она пришла только ближе к вечеру, когда отряд устроился на ночлег в холодном подвале разрушенной школы, и первым же её вопросом стало:

— Они все сдохли?

— Не все, но многие, — тихо ответила Элис.

— Жаль, — глухо обронила Анна, закрыла глаза и провалилась в сон — или просто сделала вид, что уснула.

Глава 4. Радио

«Детский плач в пустоте — это либо ловушка, либо чудо. Третьего не дано»
— Наставление сталкерам, Улей-4

Они шли весь следующий день, не встретив по дороге ни единой живой души. Анна молчала почти весь путь, лишь изредка останавливалась, долго оглядывалась назад, на оставленный позади мёртвый город, и снова догоняла остальных — лицо у неё было наглухо замкнутым, словно дверь, которую заколотили ржавыми гвоздями.

Ближе к вечеру отряд вышел к развилке, где дорога расходилась надвое: налево тянулась колея через открытое поле, а направо уходила просека в лесополосу, где деревья стояли голыми, но у самых корней всё так же пробивалась странная синеватая поросль.

— Через поле доберёмся быстрее, — негромко сказала Марина, сверившись с картой, — но там всё как на ладони: если заметят, перестреляют как мишени.

— В лесополосе проще укрыться, — возразила Элис, — хотя, если там кто-то залёг, мы сами попадём в ловушку.

Лион перевёл взгляд на Анну.

— А ты что думаешь?

Анна медленно подняла на него глаза — тёмные, глубоко посаженные, с резкой синевой усталости под ними.

— Я думаю, что вы вообще зря меня с собой потащили, я для вас только обуза.

— Мы не спрашивали, зря или нет: ты пойдёшь с нами до тех пор, пока сама не скажешь, где хочешь остаться.

— Нигде я не хочу оставаться, — глухо бросила Анна и отвернулась. — Делайте что хотите.

Лион тяжело вздохнул и уже открыл было рот, чтобы выбрать путь через лесополосу, как вдруг воздух разрезал резкий, хриплый треск. Все мгновенно замерли: звук катился словно отовсюду и ниоткуда одновременно, переходя в тягучее шипение помех. Лион быстро проверил карман — рабочая панель молчала, и рация на поясе Марины тоже не подавала признаков жизни, значит, где-то рядом работал чужой громкоговоритель или переговорное устройство.

— Неужели Гром вышел на связь? — едва слышно прошептала Элис.

— Нет, слишком далеко от дома, — Лион напряжённо крутил головой, пытаясь поймать направление звука.

«…помогите…» — сквозь треск помех прорвался чёткий детский голос. — «…пожалуйста… кто-нибудь… я здесь совсем одна…»

— Сигнал идёт оттуда, — Марина твёрдо указала рукой на густую лесополосу.

Спор вышел совсем коротким.

— Даже не вздумайте туда соваться, — впервые за полдня твёрдым, жёстким голосом отрезала Анна. — Мародёры вечно так делают: сажают какого-нибудь пацана у передатчика и заставляют орать, а сами сидят в кустах с оружием.

— А если это не мародёры? — тихо спросила Элис. — Что, если там и правда брошенный ребёнок?

— Тебе сколько лет? — усмехнулась Анна. — Сказки на ночь всё ещё слушаешь?

— Хватит спорить, — оборвал их Лион, напряжённо прислушиваясь к детскому голосу: тот был тонким, прерывистым, с живыми всхлипами, и в этом звучало слишком много настоящего отчаяния для обычной приманки, хотя Анна была по-своему права — порой именно предельно правдоподобная ловушка и оказывается самой опасной. — Заходим с трёх сторон:

Марина — справа, Элис — слева, я пойду по центру, а Анна остаётся здесь в укрытии. Если начнётся стрельба, сразу падай на землю и не высовывайся.

— Командир нашёлся, — недовольно буркнула Анна, но послушно присела за ствол поваленного дерева.

Лесополоса оказалась куда гуще, чем выглядела с дороги: деревья стояли плотной стеной, сухие ветки больно цеплялись за одежду, а под ногами то и дело хрустело что-то до жути похожее на мелкие кости, хотя Лион старался убедить себя, что это просто валежник.

Голос упрямо вёл вперёд и с каждым шагом становился всё отчётливее: «…мамочка… мамочка…» Лион крепче сжал укороченный карабин и на ощупь проверил магазин — внутри оставалась от силы половина патронов, так что долго отстреливаться он бы не смог. Раздвинув последние колючие ветки, он шагнул на просторную поляну.

В самом центре стоял дом — не обгорелые развалины и не чёрный остов, а настоящий целый деревянный дом с крепкой крышей, застеклёнными окнами и даже резными ставнями. На ступенях крыльца сидела девочка лет восьми в перепачканном платье и навзрыд ревела в голос, прижимая к себе старую рацию, а вокруг не было ни единой души.

Лион выждал минуту, затем вторую, внимательно вглядываясь в окна и кромку леса, но никакого движения не заметил.

— Чисто! — негромко крикнул он своим.

Марина и Элис осторожно вышли из-за деревьев с противоположной стороны, и все трое замерли, глядя на ребёнка и не веря собственным глазам.

— Это… это всё по-настоящему? — едва слышно прошептала Элис.

Девочка резко подняла заплаканное лицо, увидела незнакомцев, на секунду замерла от неожиданности, а потом вскочила на ноги и с пронзительным визгом бросилась к ним:

— Вы пришли! Вы пришли! Я звала-звала в коробочку, а никто не шёл!

Элис опустилась на колени и бережно поймала ребёнка в объятия: малышка мелко тряслась всем телом, а худые пальцы мёртвой хваткой вцепились в куртку.

— Тихо, тихо, маленькая, — ласково гладила её по растрёпанным волосам Элис. — Мы уже здесь. Как тебя зовут?

— Аля, — всхлипнула девочка. — Я очень есть хочу и пить, а ещё тут страшно ночью.

Лион настороженно обвёл взглядом всю поляну, но не нашёл ни следов мародёров, ни хитро спрятанных растяжек, ни укрытий для засады.

— Где твои родители? — мягко спросил он.

— Мама в городе осталась, — Аля громко шмыгнула носом. — Велела мне ждать тут и никуда не уходить, а сама не вернулась — уже три ночи прошло.

Лион многозначительно переглянулся с Мариной: три ночи — если мать не вернулась за три дня в этом беспощадном мире, значит, не вернётся уже никогда.

— Пойдём с нами, — мягко предложила Элис. — Мы тебя покормим, согреем, а потом решим, что делать дальше, хорошо?

Аля торопливо закивала, утирая слёзы перепачканным кулаком.

Они двинулись обратно к дороге: Лион шёл замыкающим, то и дело настороженно оглядываясь по сторонам — где-то глубоко внутри царапало смутное ощущение какой-то скрытой неправильности. Анна встретила их прямо у развилки и, завидев Алю, недовольно скривилась:

— Вы это серьёзно? Теперь ещё и детский сад с собой таскать будем?

— А ну заткнись, — резко оборвала её Марина так, что Анна невольно попятилась. — Сама ещё вчера утром была «никем» в плену у бандюков.

Маленькая Аля испуганно спряталась за ногу Элис и настороженно уставилась на Анну исподлобья.

— Ладно, дело ваше, — угрюмо буркнула Анна. — Только кормить её будете из своих запасов, у меня лишнего нет.

— Разберёмся, — отрезал Лион. — Сейчас нужно срочно искать ночлег, уже темнеет.

Пройдя по дороге ещё километра два, они наткнулись на старую ферму — полуразрушенную, но с крепким уцелевшим подвалом. Лион спустился вниз с фонарём и всё проверил: внутри оказалось сухо и чисто, пахло лишь старой пылью да прелым сеном. Они развели небольшой огонь в ржавой железной бочке, и Элис размочила в воде чёрствый сухарь для Али. Девочка ела жадно, торопливо облизывая пальцы, но каждые несколько секунд тревожно поднимала глаза, словно проверяя, не исчезли ли взрослые.

— Она бы не протянула там одна, — тихо прошептала Марина, глядя на ребёнка. — Ещё пара дней — и всё.

— Теперь выживет, — твёрдо ответил Лион.

Анна сидела в дальнем углу подвала, демонстративно отвернувшись, однако Лион заметил, что она тоже украдкой следит за девочкой, и в тёмных глазах её застыло странное выражение — не злость, а глубокая, безысходная тоска. Он уже хотел было заговорить с ней, но не успел: снаружи отчётливо раздался сухой треск сломанной ветки.

Все в подвале мгновенно замерли, и Лион предупреждающе вскинул руку, приказывая не шевелиться. Треск повторился совсем близко у входа, а следом донёсся хриплый мужской голос:

— Гляди, здесь свежие следы, и дымком тянет.

— Точно они, — отозвался второй голос, помоложе. — Те самые, что наших в городе положили и Хама подстрелили.

— Сколько их всего?

— Трое поначалу было — две бабы и один мужик, да ещё нашу девку с собой увели, так что считай четверо.

— А пацанка?

— А пацанка — чистый хабар: сдадим обратно в Улей, за неё целый ящик патронов отвалят.

Лион мгновенно похолодел: мародёры — те самые из города или их дружки — всё-таки выследили отряд.

— Сколько их там? — одними губами прошептала Элис.

Лион напряжённо прислушался: снаружи звучало как минимум пять, а то и шесть разных голосов против троих взрослых, маленького ребёнка и Анны, на которую неизвестно, можно ли вообще положиться.

— Окружили, — едва слышно выдохнула Марина, мельком глянув в узкую подвальную отдушину. — Заходят сразу с трёх сторон.

Лион быстро прикинул боезапас: магазин укороченного карабина почти пуст, а у Элис с Мариной осталось всего по одной обойме на пистолет.

— Уходим через дальний лаз в глубине подвала, — тихо скомандовал он. — Там должен быть старый выход наружу, давайте быстро!

Аля испуганно вцепилась в руку Элис.

— Тихо, маленькая, — ободряюще шепнула та, — мы обязательно справимся.

Они начали осторожно отступать в тёмный угол подвала, но в этот миг прямо над головой раздался громкий, наглый окрик:

— Эй, в доме! Выходите по одному, бабы и мужик, а пацанку оставьте! Обещаем — прикончим быстро!

Лион на секунду замер у входа в лаз, и в тот же миг рядом с ним бесшумно оказалась Анна и резким движением выхватила из его рук карабин.

— Ты чего творишь? — сдавленно выдохнул он.

— Уводите мелкую, — ровно ответила Анна; голос её неуловимо изменился, став пугающе спокойным, точь-в-точь как у Павла перед самой смертью. — Я их задержу.

— С ума сошла? Их там шестеро!

— А у меня к ним свой счёт, — она криво усмехнулась, помолчала секунду и глухо добавила: — Я ведь там была, в том городе — не пленницей, а с ними, пока они не решили, что я отработанный материал.

Лион во все глаза смотрел на неё и словно не узнавал.

— Хватайте девку и валите отсюда, — Анна привычно передёрнула затвор и сунула в карман одну из трофейных гранат, снятых с бандитов в городе. — Хоть перед самой собой оправдаюсь.

Она решительно шагнула назад, к деревянной лестнице, ведущей из подвала наверх.

— Анна! — негромко позвала Элис.

Женщина на секунду обернулась через плечо.

— Меня на самом деле Леной зовут, — тихо сказала она и скрылась в темноте наверху.

Спустя мгновение над потолком грохнула первая короткая очередь, за ней вторая, раздались яростные крики, отборный мат и беспорядочные выстрелы в ответ.

— Бегом! — заорал Лион, подталкивая Элис и Алю в узкий подземный лаз.

Марина бросилась первой, крепко таща ребёнка за руку, следом устремилась Элис, а Лион замыкал отход с пистолетом наготове. Позади стрельба оборвалась так же внезапно, как и началась, а спустя пару секунд землю глухо сотряс приглушённый взрыв гранаты — и всё стихло.

Они выбрались из лаза в сотне метров от фермы, на дне глубокого оврага, густо заросшего той же синеватой травой, и долго лежали на земле, тяжело переводя дыхание. На месте старой фермы жарко полыхало пламя, багровым заревом освещая ночное небо.

— Лена, — сдавленно прошептала Элис.

Аля тесно прижималась к ней, крепко зажмурившись и закрыв лицо ладошками. Лион молча смотрел на догорающий пожар и про себя вёл мрачный счёт: Павел — первый, Лена — вторая, а до Улья-4 оставалось ещё два дня пути. Сколько же ещё людей ляжет в эту мёртвую землю, прежде чем они узнают правду?

— Надо уходить, — жёстко сказала Марина. — Сейчас или никогда.

Лион молча кивнул, поднялся на ноги и помог встать Элис, после чего они молча двинулись в густую темноту, не оглядываясь. Оглянулась лишь маленькая Аля: на долю секунды в неровных отсветах пожара мелькнуло её личико, и в нём проступило нечто пугающе недетское — слишком холодное и спокойное выражение для ребёнка, который только что видел смерть. Но Лион этого не заметил — а зря.

Глава 5. Зелёная зона

«Красота убивает. В прямом смысле»
— из отчёта проекта «Новая флора»

Они шли весь день почти без остановок: ноги гудели от усталости, в горле пересохло, но Лион упрямо гнал отряд вперёд, стараясь уйти как можно дальше от сгоревшей фермы, от мародёров и от пепла, в котором осталась Лена — или Анна, кем бы она там ни была на самом деле. Маленькая Аля крепко держалась за руку Элис и всю дорогу молчала, лишь изредка поднимая на неё глаза, в которых мелькало нечто пугающе взрослое и изучающее, чему Лион никак не мог подобрать точного слова.

— Ты как, маленькая? — ласково спросила Элис, когда они наконец остановились на минуту перевести дух.

— Хорошо, — послушно ответила Аля и улыбнулась — как-то слишком чётко, ровно, словно по линейке.

Лион поспешно отвернулся и стал разглядывать дорогу: ему наверняка просто показалось — обычный ребёнок улыбается, чего он к ней цепляется?

Ближе к вечеру воздух неуловимо изменился: поначалу Лион решил, что ему почудилось, но Марина тоже остановилась и настороженно принюхалась.

— Чувствуете?

— Странный запах, — кивнула Элис. — Будто трава… или цветы?

Здесь, посреди выжженной мёртвой земли, внезапно пахло живой природой — густой свежестью и влажной почвой после тёплого дождя.

— Это оттуда, — указала Марина на пологий холм впереди.

Поднявшись на гребень, все четверо замерли на месте: раскинувшаяся за холмом долина была сплошь зелёной — настоящей, густой и сочной. Трава здесь поднималась по колено, а ближе к низине доходила до пояса, и среди неё торчали невиданные прежде цветы — ярко-синие и фиолетовые, с тонкими красными прожилками, плавно покачивающиеся на ветру, словно живые.

— Господи, — потрясённо выдохнула Элис. — Это же… совсем как в старые времена.

— Не совсем как раньше, — глухо обронил Лион.

Он уже быстро спускался по склону, на ходу доставая перочинный нож и пустые пробирки, а остальные двинулись следом, но медленно и настороженно оглядываясь по сторонам. Присев у первого же пышного куста, Лион срезал толстый стебель, из которого тут же выступила густая белая жидкость с резким химическим запахом.

— Точь-в-точь как в том мёртвом городе, — пробормотала Марина, заглядывая ему через плечо. — Только здесь её куда больше.

Лион достал из рюкзака маленький переносной микроскоп на батарейках — последнее, что уцелело из их прежней лаборатории, — капнул белым соком на предметное стекло, вставил его и настроил резкость. Поначалу он даже не поверил собственным глазам.

— Что ты там увидел? — встревоженно спросила Элис.

Он молча отодвинулся и жестом позвал её взглянуть самой. Элис прильнула к окуляру и увидела то же, что и он миг назад: в поле зрения плавали привычные растительные клетки, но прямо в их структуру были вплетены другие — живые человеческие клетки.

— Это… — Элис в ужасе отшатнулась. — Это же…

— Клетки эпителия, — глухо кивнул Лион. — Кожа и слизистые оболочки встроены прямо в структуру растения: это не просто удобрение, Элис, а настоящее клеточное сращивание.

Марина заметно побледнела.

— Значит, те люди, которых отправляли на переработку… они не просто погибали, а становились частью этих растений?

— Похоже на то.

Аля стояла чуть поодаль и заворожённо смотрела на заросли — совершенно спокойно, без малейшего страха. Вдруг один из цветов — крупный, ярко-синий, с тяжёлой бутонной головкой — медленно развернулся прямо к ней. Лион замер на месте: обычные растения не поворачиваются вслед за людьми, у них попросту нет для этого органов, однако этот бутон повернулся точно и осознанно, словно подсолнух к солнцу.

— Аля, — позвал Лион как можно спокойнее. — Отойди-ка оттуда.

Девочка даже не обернулась: она медленно протянула руку и кончиками пальцев коснулась лепестков, и в ту же секунду цветок доверчиво прильнул к её ладони, нежно обхватив пальцы, словно ребёнок — руку матери.

— Аля! — резко окликнул он.

Она поспешно отдёрнула ладонь, а синий бутон плавно качнулся вслед — не обиженно, а словно довольно.

— Я ничего не делала, — ровно сказала девочка. — Он сам потянулся.

— Идём отсюда, — Лион крепко взял её за плечо и оттащил подальше от зарослей. — Быстро!

Аля не сопротивлялась, но на долю секунды в её тёмных глазах мелькнуло нечто чужое — холодное и выжидающее.

На ночлег отряд устроился в заброшенном бетонном ангаре на самом краю Зелёной зоны. Лион не ложился: он сидел у полуоткрытых ворот, делая вид, что просто сторожит периметр, а сам напряжённо вслушивался в тихое дыхание внутри. Элис уснула почти мгновенно — слишком вымоталась за долгий переход, Марина тоже провалилась в чуткий сон, положив ладонь на рукоять пистолета, а Аля устроилась в углу на куртке Элис и спала пугающе тихо, словно фарфоровая кукла — не ворочалась во сне, не всхлипывала и ни разу не позвала маму.

Ближе к полуночи Лион уже сам начал клевать носом, когда лежавшая рядом рабочая панель вдруг коротко пискнула. Он бросил взгляд на светящийся экран и мгновенно похолодел: прибор поймал входящий сигнал — не из далёкого Улья и не из посёлка, а совсем рядом, поразительно чёткий, исходящий прямо изнутри ангара.

Лион бесшумно поднялся на ноги и двинулся по пеленгу, словно на тихий звук, шагами отмеряя метры в полумраке: мимо спящей Элис, мимо Марины… прямо к углу, где лежала Аля. Индикатор рабочей панели показывал, что источник передачи находится прямо под ней. Опустившись на колени, Лион осторожно, стараясь не разбудить девочку, откинул край куртки и медленно задрал рукав её кофты.

На внутренней стороне запястья, чуть выше вены, слабо пульсировала крошечная зелёная точка — миниатюрный маяк, вживлённый прямо под кожу. Лион потрясённо вглядывался в него и не мог отвести взгляд.

Аля открыла глаза: секунду она смотрела на него совсем обычно — сонно и непонимающе, но затем её взгляд неуловимо изменился, став прозрачным и пугающе спокойным.

— Ты всё понял, да? — тихо спросила она.

Голос оставался прежним, детским, но интонация звучала по-взрослому устало. Лион не успел даже раскрыть рот.

— Я сама не знала, — поспешно сказала Аля. — Сначала правда не знала, а потом… когда тот синий цветок потянулся ко мне… всё вдруг вспомнила.

— Что именно ты вспомнила? — хрипло спросил Лион.

— Белую комнату и людей в закрытых масках: они повторяли: «Ты особенная, ты будешь жить долго» — и вставляли мне эту штуку под кожу, а мне было очень больно.

Она села на куртке, плотно обхватив колени руками — с виду совсем обычный ребёнок, или уже не совсем?

— Они сказали, что я буду искать других выживших и передавать сигнал, чтобы они всегда знали, где мы находимся, а я думала, что это просто игра.

— Кто — они?

— Не знаю — тёти и дяди в белых халатах.

Лион с трудом сглотнул: Улей-4, секретные лаборатории и живые дети-передатчики.

— А как же мама? Ты ведь говорила, что мама осталась в городе.

Аля виновато отвела глаза в сторону.

— Я всегда так говорю, когда просыпаюсь — это самое первое, что приходит в голову: «мама», хотя я даже не знаю, была ли она у меня на самом деле.

Лион до боли сжал кулаки, чувствуя, как внутри всё закипает от бессильной злости, острой жалости и отчаяния.

— Ты передаёшь сигнал прямо сейчас?

Аля молча кивнула.

— Он идёт постоянно, я не могу его выключить.

— Значит, в Улье-4 уже точно знают, где мы.

— Да.

В полумраке ангара сонно пошевелилась Элис; Лион перевёл тревожный взгляд с неё на спящую Марину, а затем снова посмотрел на девочку.

— Я не хотела вас предать, правда не хотела, — тихо прошептала Аля. — Мне просто очень хотелось, чтобы меня хоть кто-нибудь обнял.

Она доверчиво протянула руку к Лиону, и на бледном запястье всё так же ровно мерцал зелёный огонёк.

— Ты меня убьёшь? — спросила она так просто, словно просила напиться воды.

Лион замер на месте — что он вообще мог ей ответить?

Глава 6. Точка невозврата

«Человек — это не то, что у него внутри. Человек — это то, что он выбирает»
— Аля

Лион пристально смотрел на Алю и не мог вымолвить ни слова: девочка сидела перед ним на пыльном бетонном полу ангара, поджав ноги, и молча ждала ответа — в её глазах не было страха, лишь глубокая усталость и какая-то странная, звенящая пустота.

— Ты меня убьёшь?

Эти слова повисли в ночном воздухе тяжёлыми, словно бетонные плиты. Лион опустил взгляд на её запястье, где крошечная зелёная точка пульсировала ровно, как живое сердцебиение: маяк исправно работал, и где-то там, в глубине Улья-4, на контрольном экране наверняка уже загорелась метка с зафиксированными координатами цели.

— Сколько вас таких было? — негромко спросил он, стараясь не разбудить остальных.

— Не знаю, — Аля худенькими плечами пожала в полумраке. — В нашей комнате жило много ребят, человек двадцать, но я не помню, чтобы кого-нибудь выпускали наружу — выпустили только меня.

— Почему именно тебя?

— Понятия не имею, — тихо ответила она и вдруг едва заметно нахмурилась, словно вытягивая из памяти нечто важное. — Хотя… люди в белом постоянно говорили про какой-то ключ, твердили, что я подхожу лучше всех и что у меня чистый код.

— Чистый код? — мгновенно напрягся Лион.

— Ага: они каждый день брали кровь на проверку и радовались — чистый, совсем чистый, а вот у других ребят так не выходило, и их куда-то уводили, откуда никто больше не возвращался.

Лион тяжело прикрыл глаза: жёсткий генетический отбор, чистая линия и идеальный биологический носитель. Он вдруг отчётливо вспомнил свои старые довоенные исследования в институте — тогда их группа работала над секретным проектом «Носитель», пытаясь создать живой организм, способный напрямую интегрироваться с любой системой: с растениями, животными и даже электроникой. Проект вскоре закрыли, признав антигуманным, однако кто-то в Улье-4 всё-таки довёл его до конца.

— Лион? — раздался негромкий голос Элис за спиной.

Он обернулся: Элис уже сидела на подстилке, опираясь на локоть, и внимательно смотрела на них обоих — она вовсе не спала и слышала весь разговор от начала до конца.

— Ты давно проснулась? — тихо спросил Лион.

— Достаточно давно, — она поднялась, подошла к Але и бережно опустилась рядом. — Скажи честно, ты правда совсем не помнишь свою маму?

Аля медленно покачала головой.

— Я помню только белую комнату и тёть в закрытых халатах, а ещё… — Аля на секунду замялась. — Иногда мне снятся чужие сны, будто я смотрю на мир глазами совсем других людей.

— Каких ещё людей?

— Не знаю: они сидят в тесных клетках, им очень больно, они отчаянно кричат, но вокруг стоит полная тишина.

В полумраке приподнялась Марина, крепко сжимая рукоять пистолета — она проснулась от приглушённых голосов и теперь напряжённо слушала, вжимаясь спиной в бетонную стену.

— Это память тех, кого пустили на переработку, — тихо предположила она. — Если в этих растениях вживлены их клетки, возможно, где-то в них сохраняются и обрывки воспоминаний.

— Такого просто не может быть, — резко отрезал Лион. — Человеческая память не хранится в клетках эпителия.

— Откуда тебе знать? — Марина посмотрела на него в упор. — Разве ты хоть что-то наверняка знаешь о том, что они на самом деле творят внутри Ульев?

Лион промолчал: она была права — он не знал ничего, кроме смутных догадок да разрозненных обрывков данных.

И в этот миг Аля вдруг судорожно дёрнулась и замерла: глаза её мгновенно остекленели, а руки безвольно упали на колени.

— Аля? — встревоженно позвала Элис, тронув её за плечо, но девочка никак не отреагировала. — Аля!

— Тихо, не трогай её, — Лион быстро перехватил руку Элис. — Посмотри на запястье.

Зелёная точка под кожей девочки замигала чаще — раз, два, три — и вдруг вспыхнула ровным, тревожным красным свечением.

— Что это значит? — едва слышно прошептала Марина.

Лион вгляделся в экран рабочей панели: характер передачи резко изменился — маяк больше не просто транслировал координаты, а гнал в эфир плотный поток зашифрованных данных.

— Она прямо сейчас сбрасывает туда всю информацию, — глухо понял Лион. — Всё, что видела и слышала за последние дни: нас, наши разговоры, все наши планы.

— Значит, они узнают, что мы идём к ним? — Элис заметно побледнела.

— Не узнают, а уже узнали.

Аля часто моргнула, и красный огонёк на запястье погас, снова сменившись спокойным зелёным мерцанием. Девочка растерянно посмотрела на взрослых, и в глазах у неё тут же заблестели крупные слёзы.

— Простите меня, я правда не виновата, — всхлипнула она. — Оно само включается, когда я засыпаю или задумываюсь, я не могу его удержать…

Элис молча притянула её к себе и крепко обняла.

— Тише, маленькая, ты ни в чём не виновата, — мягко успокаивала её Элис.

— Но теперь они точно знают, где мы, — всхлипнула Аля. — Они придут — они всегда приходят, когда я передаю сигнал.

Лион решительно поднялся на ноги, подошёл к воротам ангара и осторожно выглянул наружу: стояла глухая ночь без единого огонька или звука, но он кожей чувствовал, что где-то там, за тёмным горизонтом, уже поднимается по тревоге погоня.

— Надо немедленно уходить, — жёстко сказал он. — Прямо сейчас.

— Куда уходить? — Марина быстро встала, поправляя кобуру с пистолетом. — Если они уже засекли наши координаты, мы в мышеловке.

— Значит, уходим в сторону и запутываем следы.

— А как же она? — Марина выразительно кивнула на Алю. — Она ведь будет передавать сигнал каждую ночь.

Лион перевёл тяжёлый взгляд на девочку, сжавшуюся в комок на руках у Элис.

— Можно попробовать вырезать передатчик, — глухо произнёс он, — если чип сидит не слишком глубоко.

— Ты совсем с ума сошёл? — Элис инстинктивно заслонила Алю собой. — Она же ребёнок!

— Она живое оружие, Элис — она ни в чём не виновата, но от этого ничего не меняется.

— Лион…

— Выбирай, — он посмотрел ей прямо в глаза. — Мы идём спасать всех, кого ещё можно спасти, но если сами приведём Улей себе на хвост, спасать будет уже некого.

Аля неожиданно высвободилась из объятий Элис, твёрдо встала на ноги, подошла к Лиону и молча протянула ему левую руку.

— Режь, — сказала она удивительно ровно. — Я не хочу быть оружием.

Лион смотрел на неё и видел перед собой не напуганного ребёнка, а взрослого человека, принявшего осознанное решение.

— Будет очень больно, — тихо предупредил он.

— Я знаю, мне уже делали больно.

Элис сдавленно всхлипнула и закрыла лицо ладонями, а Марина без лишних слов достала походную аптечку и нож, тщательно прокаливая лезвие над пламенем зажигалки.

— Держите её крепко, — приказал Лион, принимая инструмент.

Он резал предельно осторожно, стараясь не задеть крупные сосуды: Аля не издала ни единого звука, лишь до крови впилась зубами в собственный кулак и крепко зажмурилась, пока алая кровь стекала по запястью и капала на бетонный пол, смешиваясь с пылью. Спустя три бесконечно долгие минуты Лион наконец нащупал его — крошечный чип размером с рисовое зёрнышко, густо опутанный тонкими капиллярами.

— Готово, — хрипло выдохнул он, аккуратно извлекая устройство пинцетом.

Аля открыла глаза и посмотрела сперва на окровавленный чип, а затем на своё запястье, которое Марина уже туго перевязывала стерильным бинтом.

— Я теперь просто человек? — негромко спросила она.

Лион не сразу нашёл, что ответить: он бросил крошечный передатчик на пол и с силой раздавил его каблуком ботинка.

— Теперь ты просто Аля, — твёрдо сказал он.

Девочка слабо улыбнулась — впервые по-настоящему, без прежней кукольной ровности и наигранности.

— Спасибо.

— Не за что. Идти сможешь?

— Смогу.

Но Элис уже бережно подхватила её на руки.

— Я сама понесу, и даже не спорь.

Отряд бесшумно покинул ангар и растворился в ночной темноте. А спустя два часа со стороны Зелёной зоны донёсся низкий, ровный гул мощных двигателей: туда, где ещё не выветрился запах недавних постояльцев и лежал на бетоне раздавленный чип, въезжали чёрные машины с гербом Улья-4 на дверях.

Глава 7. Трубы

«Под землёй тоже есть небо. Только звёзды там — глаза тех, кто не вышел»

— Виталик Трофимов, из дневника

Они бежали всю ночь напролёт — не оглядываясь и не останавливаясь даже тогда, когда Аля начинала тихо всхлипывать от острой боли в перевязанной руке; Элис упрямо тащила девочку на себе, то и дело меняя затекшие руки, но не сбавляя шага. Низкий гул двигателей за спиной то почти затихал вдалеке, то нарастал снова — преследователи методично прочёсывали Зелёную зону квадрат за квадратом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.